

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2022 – № 2 (12)

Ярославль
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – № 2 (12). – 147 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-2-12. EDN ZXZCUL
2022, № 2 (12). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Поли**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цизюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сютао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Владимирович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиш Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022

© Юго-Западный университет КНР, 2022

© Авторы статей, 2022

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU
RIO, 2022. – № 2 (12). – 147 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-2-12. EDN ZXZCUL
2022, № 2 (12). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilevich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69
(publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2022

© Southwest University of the People's Republic of China, 2022

© Authors of articles, 2022

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Цзян И, Вэнь Лунцзе Шанхайская организация сотрудничества: построение регионализма на основе консенсуса (часть 1)..... **5**

Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты..... **22**

Пефтиев В. И., Краснова Г. Н. Социальное государство в России: новая повестка дня..... **48**

ФИЛОЛОГИЯ

Забияко А. А., Е Янян Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.)... **61**

Сунь Вэньцзюнь Сравнительное изучение ранней прозы Н. В. Гоголя и новелл Пу Сунлина: постановка проблемы **73**

Лукьянчикова Н. В., Киселева Н. В. Циклообразующие мотивы в произведении Н. Л. Ключаревой «Деревянное солнце».. **89**

Николенкова Н. В. О формировании русского научного языка во второй половине XVIII – начале XIX веков **103**

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ермолин Е. А. Русскоязычный литератор в социокультурных коллизиях XX-XXI вв.: литературная диаспоральность как культурный тренд..... **114**

Пелевина О. В., Ян Юньхао Произведения Бэй Цуня как проявление феномена культурного христианства в современном Китае..... **128**

Условия публикации статьи в научном журнале «Мир русскоговорящих стран» и требования к оформлению рукописей.... **142**

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Jiang Yi, Wen Longjie Shanghai Cooperation Organization: building regionalism through consensus (part 1) **6**

Talanov S. L. The place of education in Russia's "soft power" policy: strategic directions and tools **23**

Peftiev V. I., Krasnova G. N. The social state in Russia: a new agenda..... **49**

PHILOLOGY

Zabiyako A. A., E. Yanyan The story of eating ginseng and the ascension of the Immortal in the "Folk Tale of Ginseng" (Qilin magazine, 1943) **62**

Sun Wenjun On the comparative study of N. V. Gogol's early prose and Pu Songling's short stories **74**

Lukyanchikova N. V., Kiseleva N. V. Cycle-forming motifs in N. L. Klyuchareva's work The Wooden Sun **90**

Nikolenkova N. V. On forming the Russian scientific language in the late XVIII – early XIX centuries **104**

CULTURAL SCIENCE

Ermolin E. A. The Russian-speaking writer in the socio-cultural collisions of the XX-XXI centuries: literary diasporality as a cultural trend..... **115**

Pelevina O. V., Yang Yunhao Bei Cun's works as a manifestation of the cultural Christianity phenomenon in contemporary China..... **129**

Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of russian-speaking countries» and requirements for manuscripts **145**

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-5-21
EDN: ZIFBDQ

**Шанхайская организация сотрудничества:
построение регионализма на основе консенсуса (часть 1)**

Цзян И¹✉, Вэнь Лунцзе²

¹Доктор юридических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китайская Академия общественных наук (КАОН), приглашенный профессор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, Пекин

²Доктор философии, главный корреспондент Службы новостей Китая, научный сотрудник Исследовательского института развития Фуданьского университета, заместитель директора департамента комментариев и теории Китайской службы новостей, Пекин

¹jiangyi@cass.org.cn✉, <https://orcid.org/0000-0001-8297-3786>

²wenlongjie@chinanews.com.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5566-7967>

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу регионализма как общего процесса регионального сотрудничества в международных отношениях и рассмотрению специфики регионального строительства на примере ШОС. Оглядываясь назад на 20-летнюю историю Шанхайской организации сотрудничества, можно обнаружить, что на фоне отличительных особенностей с точки зрения основных условий, объективной среды, требований интересов и стратегической направленности ее регионализм имеет как сходство с другими аналогичными региональными организациями (такими как ОАГ, ОАЕ, Лига арабских государств, АСЕАН, ЕС), так и свои уникальные отличительные характеристики. В статье рассматриваются регионалистские атрибуты и региональный консенсус ШОС, обсуждается основа построения организации и причины ее успеха, а также анализируется взаимосвязь между коллективным «консенсусом» и «интересами» государств-членов ШОС, рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается региональное строительство и сотрудничество в различных областях, анализируется структура ШОС, обобщаются особенности построения регионализма ШОС и стратегии будущего развития. Авторы обосновывают, что такая парадигма обеспечивает новый шаблон для построения регионализма,

---

© Цзян И, Вэнь Лунцзе, 2022

и в контексте все более серьезных вызовов глобализации ШОС необходимо постоянно углублять региональное управление и строительство регионального порядка. Общий и непрерывный прогресс региональных субъектов (государств-членов), региональных механизмов (ШОС) и регионального строительства (сотрудничество в различных областях) поможет усилить влияние ШОС и послужит отправной точкой для нового глобального управления. Авторы приходят к выводу, что построение «сообщества с общим будущим для человечества» стало коллективным соглашением ШОС, что также означает, что цель регионализма была модернизирована с точки зрения концепции и направленности, что способствует укреплению политических, силовых, экономических, культурных и др. аспектов тесных связей, а в ответ на изменения международной и региональной ситуации формируются структура власти и региональный порядок, гарантирующие эту взаимосвязь судеб. Безусловно, создание «сообщества с общим будущим» – это грандиозный проект, и его реализация требует более сложных, продолжительных и напряженных усилий.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; регионализм; региональный порядок; региональное сотрудничество; саммит; «сообщество единой судьбы человечества»; «Один пояс, один путь»

Для цитирования: Цзян И, Вэнь Лунцзе Шанхайская организация сотрудничества: построение регионализма на основе консенсуса (часть 1) // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 5-21. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-12-12-5-21>. <https://elibrary.ru/zifbdq>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

Shanghai Cooperation Organization: building regionalism through consensus (part 1)

Jiang Yi¹✉, Wen Longjie²

¹Doctor of law, professor, Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences (CASS), visiting professor at the Center for studying Russian-speaking countries, Southwestern University under the PRC Ministry of Education. 100007, PRC, Beijing

²Doctor of philosophy, chief reporter of China News Service, researcher at Research Institute of Development, Fudan University, deputy director of Commentary and Theory Department of China News Service, 100037, PRC, Beijing

¹jiangyi@cass.org.cn✉, <https://orcid.org/0000-0001-8297-3786>

²wenlongjie@chinanews.com.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5566-7967>

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of regionalism as a general regional cooperation process in international relations and to examining the specifics of regional construction based on the example of the SCO. Looking back over the 20-year history of the Shanghai Cooperation Organization, one can find that in terms of basic conditions, objective environment, interests and strategic orientation, its regionalism has both similarities with other similar regional organizations (such as OAS, OAU, League of Arab States, ASEAN, EU) and its unique distinctive characteristics. The article considers the regionalist attributes and regional consensus of the SCO, discusses the basis of the organization's structure and the reasons for its success, and analyzes the relationship between the collective “consensus” and the “interests” of the SCO member states. The problems involved in regional construction and cooperation in various fields are examined, the structure of the SCO is analyzed, and the features of the SCO's regionalism building and strategies for future development are summarized. The authors justify that this paradigm provides a new template for building regionalism, and in the context of the increasing challenges of globalization, the SCO needs to continuously deepen regional administration and building regional order. The common and continuous progress of regional subjects (member states), regional mechanisms (SCO) and regional building (cooperation in various fields) will help strengthen the influence of the SCO and serve as a starting point for new global management. The authors conclude that building a “community with a common future for humanity” has become the collective agreement of the SCO, which also means that the target of regionalism has been modernized in terms of concept and focus, The authors conclude that building a “community with a shared future for humanity” has become the collective agreement of the SCO, which also means that the goal of regionalism has been modernized in terms of concept and focus, which helps to strengthen the political, military, economic, cultural and other aspects of close ties, and in response to changes in international and regional situations, power structures and regional order are formed to guarantee this interconnection of people's lives. No doubt, creating a “community with a shared future” is an enormous project, and its realization requires more complex, long-term, and strenuous efforts.

Key words: Shanghai Cooperation Organization; regionalism: regional order; regional cooperation; summit; “community of a shared destiny for humanity”; “One Belt, One Road”

For citation: Jiang Yi, Wen Longjie Shanghai Cooperation Organization: building regionalism through consensus (part 1). *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):5-21. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-5-21>. <https://elibrary.ru/zifbdq>.

Регионализм – это общий процесс регионального сотрудничества в международных отношениях. В настоящее время не существует единого и унифицированного определения регионализма. Сопоставляя различные типы регионального строительства, многие ученые считают, что хотя их объединяют некоторые общие формальные признаки, регионализм не совсем то же самое, что общерегиональная кооперация. Он включает в себя такой важный аспект, как формирование общего политического сознания и определенных коллективных ценностей, а идеологический консенсус является предпосылкой формирования регионализма. Эрнст Б. Хаас подчеркивал, что «регионализм должен быть управляемым государством политическим процессом с теми же целями и ценностями» [Haas, 1970, с. 610], китайские ученые также считают, что «регионализм – это мышление, непосредственно связанное с понятием «регион» и «политические процессы» [庞中英, 2004, с. 74]. То есть, в отличие от общего регионального сотрудничества по конкретным вопросам, регионализм представляет собой своего рода региональное сотрудничество и институциональное устройство, основанное на признании идентичности и ценностей и осуществляемое для достижения коллективных целей; регионализм основывается на том, что региональный порядок, создан-

ный в сотрудничестве, является эффективным способом достижения национальных интересов.

В данной статье мы дадим определение понятию регионализм, проанализируем регионалистские атрибуты и региональный консенсус Шанхайской организации сотрудничества (*далее ШОС*), обсудим основы построения ШОС и причины ее успеха, а также исследуем специфику коллективного «консенсуса». Рассматривая соотношение между «интересами» страны и многочисленными политическими сценариями, с которыми ШОС сталкивается в региональном строительстве и сотрудничестве в различных областях, важно выявить и обобщить особенности построения регионализма ШОС и направления его будущих усилий.

1. Регионалистский консенсус и путь его построения

Уже после окончания Второй мировой войны некоторые страны мира начали сотрудничество в области безопасности, экономики, дипломатии и других областях в регионе на основе смежных или сходных географических фактов и для достижения общей цели. Многие из региональных организаций, которые действуют сегодня на всех континентах, в основном образовались именно в то время. Независимо от того, направлены ли они на укрепление территориальной идентичности (ОАГ, ОАЕ) или на реагирование на внешние угрозы (Лига

арабских государств, АСЕАН), или на подавление внутренних споров (ЕС, АСЕАН), содействие общему развитию и укрепление прав международного дискурса (ОАЕ и АСЕАН), их основная задача – подчеркнуть региональную идентичность, оказывать содействие региональному сотрудничеству и повышение региональной осведомленности. Однако в силу разных причин, особенно из-за острой конфронтации и общей обстановки, контролируемой биполярной структурой в годы «холодной войны», большинство региональных конструкций не добились плодотворных результатов.

После окончания холодной войны региональное сотрудничество продемонстрировало более широкую и глубокую жизнеспособность. Во-первых, после того, как модель биполярного управления была сломана, пробудилось национальное и региональное сознание, многие страны имели волю и возможность выбирать себе партнеров, когда они вступали на путь нового строительства, и преимущества географической близости часто становились основой для многих стран осуществлять зарубежное сотрудничество в предпочтительном направлении. Во-вторых, под воздействием новой волны глобализации многие страны все больше связываются с внешним миром и надеются получить новые выгоды за счет позитивного и доброжелательного взаимодействия с другими странами.

Особенно в процессе глобализации, перед лицом быстро меняющейся ситуации и запутанных силовых игр, исходящих из практических интересов политики, безопасности и экономики, или реализуемых для того, чтобы защитить и подчеркнуть свои особенности в процессе глобализации у подавляющего большинства стран. Это показывает политическое предпочтение «группировки» с другими странами региона, то есть участия в глобализации как коллектива и ответа на вызовы глобализации более легким региональным строительством [洪华, с. 15]. Эта ситуация находит отражение не только в политике огромного числа развивающихся стран, но и в политике многих развитых стран. Поэтому с 1990-х годов региональное сотрудничество и региональное строительство стали глобальной тенденцией, а процесс регионального сотрудничества ускорился и углубился, что представляет собой новый фактор, влияющий на мировую политику и экономику. Более успешные региональные механизмы, такие как Европейский Союз и АСЕАН, сыграли важную роль в решении связанных проблем, их способность ставить региональные и даже глобальные вопросы значительно улучшилась, и они получили больше влияния на международной арене.

В соответствии с траекторией такой эпохи в истории никогда не было регионального сотрудниче-

ства, не говоря уже о том, что региональный узел Центральная Азия – Азиатско-Тихоокеанский регион также претерпевал драматические изменения. Группа стран Центральной Азии встала на путь самостоятельного развития и активно налаживала тесные связи с внешним миром. Традиционное географическое положение и геополитическая концепция Центральной Азии приобрели новый смысл. После распада Советского Союза Россия активно возглавила и продвигала процесс многостороннего сотрудничества в бывшем Советском Союзе, включая страны Центральной Азии, в стремлении создать новую интегрированную структуру. В то же время в усилиях по участию в мировых делах и установлению статуса России как мировой державы новыми вопросами стали вопросы сохранения традиционного влияния России на Центральную Азию и сохранения связей России со странами Центральной Азии во всех аспектах. Китай активно участвовал в процессе глобализации с беспрецедентной позицией, осуществлял региональное сотрудничество со многими соседними странами и участвовал во всех механизмах диалога и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Следует также отметить, что по мере углубления реформ и открытости с 1990-х годов схема открытости Китая постепенно расширялась от восточного побережья к внутренним, западным и северным райо-

нам. Стратегия развития западного региона 1999 года и стратегия возрождения старой промышленной базы на Северо-востоке Китая 2003 года отражают это открытое отношение и взаимное единство национального плана строительства.

В новых региональных условиях соответствующие страны также сталкиваются с рядом тех же задач: как извлечь уроки из истории многолетней конфронтации и установить новый тип национальных и региональных отношений; как бороться с нестабильными факторами, представленными «тремя силами», которые активизировались в этом регионе, для обеспечения безопасности всех стран; как использовать преимущества региональной взаимодополняемости для достижения общего развития; как реагировать на различные внешние вызовы и содействовать процессу мировой многополярности в контексте корректировки международной структуры и роста глобализации. Очевидно, что решение этих задач требует не только прагматичного и конкретного сотрудничества, но и зависит от коллективного познания и воли.

Сотрудничество между Китаем, Центральной Азией и Россией началось с решения вопросов, которые не были урегулированы ранее, и по мере того, как переговоры по пограничным вопросам шли гладко, оно расширилось от традиционных вопросов безопасности,

связанных с устранением конфронтации и созданием механизмов взаимного доверия, к расширению торгово-экономических обменов и поддержанию региональной безопасности и стабильности в экономической и политической областях (в 1996 и 1997 годах главы государств Китая, России и Центральной Азии последовательно подписали Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах и Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в приграничных районах). В то же время из различных мероприятий и заявлений высокого уровня механизма «Шанхайской пятерки», который начался в 1996 году, очевидно, что в процессе установления нового типа национальных отношений все стороны также сознательно изучают новый тип концепции безопасности и новый тип регионального сотрудничества, начали формироваться концепции регионального управления и региональных ценностей. Эта региональная осведомленность была быстро воспринята другими странами региона: в 2000 году Узбекистан, который не участвовал в переговорах о границе, принял участие в саммите глав государств «Шанхайской пятерки» в качестве наблюдателя, а в следующем году участвовал в создании ШОС в качестве члена-основателя.

Поэтому, если механизм «Шанхайской пятерки» по-прежнему сосредоточен на решении конкретных

проблем между Китаем и четырьмя бывшими советскими республиками и культивировании региональных концепций и общего сознания. Создание ШОС означает, что страны, ради общих целей добрососедства, взаимной выгоды и сотрудничества, а также поддержания стабильности начали строить новый региональный порядок, основанный на базовом консенсусе взаимного сотрудничества, консультаций и компромисса, и установили для него региональные правила поведения и системы гарантий. В этом смысле ШОС с момента своего создания была не общим утилитарным механизмом сотрудничества, а ценностным альянсом, объединенным общим региональным сознанием и политической идентичностью. «Взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, консультации, уважение к разнообразию цивилизаций и стремление к общему развитию», эта ценностная концепция, известная как «Дух Шанхая», была четко прописана в различных важных правовых документах ШОС и неоднократно подчеркивалась государствами-членами в течение следующих 20 лет. Основываясь на таких ценностях, страны ШОС за последние 20 лет постоянно уплотняли и накапливали ряд региональных консенсусов посредством прагматичного сотрудничества и частых обменов в различных областях, а также в ответ на изменения ситуации.

Эти региональные знания включают в себя:

– **Принципы регионального порядка.** Все государства-члены ШОС надеются, что порядок, который они хотят построить в своем регионе, представляет собой систему нового типа, отличную от имперской модели и гегемонизма в истории. С политической точки зрения новый порядок требует, чтобы страны уважали друг друга и относились друг к другу как к равным. Региональные дела должны решаться путем консультаций между странами, и нельзя навязывать свою волю другим странам. Экономически новый порядок требует от всех стран укрепления и расширения обменов и сотрудничества на основе равенства и взаимной выгоды для содействия общему развитию и процветанию. С точки зрения безопасности новый порядок выступает за мирное разрешение всех разногласий или споров между странами, укрепление взаимопонимания и доверия посредством диалога и консультаций, а также постепенное разрешение конфликтов и проблем посредством многосторонней и двусторонней координации и сотрудничества.

– **Обеспечение региональной безопасности.** Все страны ШОС осознают, что с ускорением глобализации возрастает и степень взаимозависимости, взаимовлияния и взаимной сдержанности между странами, и любой стране трудно создать для себя непроницаемый

барьер, и невозможно решить вопросы развития и безопасности, рассчитывая только на свою собственную силу, как раньше. Любая односторонняя безопасность не является реальной безопасностью, и ни одна страна не может получить абсолютную безопасность. Региональная безопасность универсальна, и только общая и коллективная безопасность может обеспечить прочную и стабильную безопасность. Таким образом, постоянное углубление двустороннего или многостороннего сотрудничества для создания благоприятной окружающей среды стало важным способом защиты безопасности. Сотрудничество заключается в поиске и расширении консенсуса, а сотрудничество заключается в укреплении доверия и понимании основных идей, составляющих новую концепцию безопасности. В то же время борьба с религиозным экстремизмом, этническим сепаратизмом и террористической деятельностью в сочетании с «тремя силами» также стала общей проблемой безопасности для членов ШОС, подталкивая все стороны к совместному противодействию новым угрозам через новый механизм коллективного сотрудничества, чтобы страны могли сосредоточиться на безопасности границ, для достижения региональной безопасности посредством сотрудничества, тем самым расширяя границы безопасности каждого члена.

– **Характер регионального сотрудничества.** Важной чертой по-

строения регионализма после «холодной войны» является открытость и прозрачность. Сотрудничество стран ШОС заключается в поиске и расширении консенсуса, а не в попытках противопоставить себя отдельным странам. Союз между ними заключается не в противостоянии какой-либо стороне и не превратится в союз против какой-либо страны или группы, а в продвижении взаимных интересов и в приглашении всех заинтересованных в этом стран региона к участию в процессе диалога и консультаций.

– **Обеспечение региональной стабильности.** Государства-члены осознают, что региональная стабильность тесно связана с их внутренней стабильностью. Успех самостроительства государств-членов и демонстрация легитимности и эффективности их правительств являются не только предпосылками их собственной политической стабильности, но и условиями региональной стабильности. Поэтому государства-члены ШОС не только придерживаются принципа невмешательства во внутренние дела друг друга и поддерживают усилия друг друга по сохранению внутренней стабильности основных принципов регионального строительства, но и особо выступают против внешних сил, вмешивающихся в страны региона на основе своих собственных симпатий и антипатий и заданных «стандартов», подвергающих негативной оценке общественную систему и модель разви-

тия Китая, подстрекающих к попыткам дестабилизации режима. Члены ШОС подчеркивают, что уважение права каждой страны самостоятельно выбирать свой путь развития и формулировать внутреннюю и внешнюю политику, уважение и сохранение многообразия мировых цивилизаций и путей развития являются базовыми нормами международных отношений, предпосылкой реализации мировой гармонии, мира и общего прогресса.

– **О региональных межличностных и культурных обменах.** Культуры, истории, пути развития и степени развития государств-членов ШОС различаются. Для того, чтобы многостороннее сотрудничество устойчиво развивалось на таком фоне, чтобы содействие региональному строительству и поддержанию регионального порядка стало культурой и привычкой взаимодействия между странами, сотрудничество и взаимные консультации должны стать не только политическим и юридическим требованием, но и постепенно стать социальной нормой, обычной социальной практикой. Необходимо, чтобы региональный консенсус был сформирован не только между правительствами государств-членов, но и между народами всех стран ШОС. ШОС особенно поощряет диалог между различными цивилизациями и культурами, стремится укреплять взаимоотношения людей и культурные обмены между странами, а также достигнуть взаимо-

понимания по укреплению социальной основы консенсуса ШОС и содействию постепенному внедрению консенсуса ШОС в общественное сознание и общественное поведение различных стран.

– **Роль в международной системе.** Являясь открытым региональным механизмом, ШОС никогда не отделялась от международного сообщества, всегда считала, что региональное строительство напрямую связано с международной системой, международной структурой и международным порядком, и готова активно участвовать в новом глобальном управлении после холодной войны. С момента создания ШОС основные международные вопросы и региональные ситуации обсуждались практически на каждом саммите глав государств-членов ШОС, а совместная декларация каждого саммита разъясняла коллективную позицию по основным принципам международных отношений, реформу системы международного управления, основные международные дела и «горячие» темы, и проблемы.

Очевидно, что указанные выше аспекты придают сотрудничеству в рамках ШОС ярко выраженный региональный характер и составляют идеологическую основу для руководства и развития всестороннего сотрудничества между странами. За последние 20 лет построение регионализма ШОС сформировало механизмы, правила и политику реги-

онального сотрудничества, определило устойчивый и единый порядок в регионе. Не менее важно, что в процессе формирования консенсуса, построения ШОС и активного взаимодействия ее членов реализовано взаимное конструирование и коллективная идентификация регионализма, а также интериоризируется идентичность как интернациональная идентичность каждого члена, то есть каждый член является не только частью коллектива, но также зависит от существования и развития коллектива для получения собственного развития.

Все региональное сотрудничество, как правило, осуществляется в следующем порядке: сначала легкое, затем сложное, сначала частичное, а затем всеобъемлющее. Регионализм ШОС также подчиняется закону ориентации на реальность, внимательно следит за основными проблемами и интересами различных стран и проявляет свои особенности в процессе построения системы регионального сотрудничества.

Во-первых, вопросы политики и безопасности всегда были центральными в построении регионализма ШОС. Из упомянутого выше консенсуса ШОС видно, что важнейшие идентичности государств-членов ШОС в своей основе ориентированы на политику и безопасность, а заявлениям о политике и безопасности в совместных обращениях предыдущих глав государственных советов также предается

существенное значение. Такое предпочтение не случайно. Прежде всего, даже если региональная антитеррористическая борьба достигла важных результатов, на фоне все еще тяжелой международной антитеррористической ситуации в сочетании с особыми географическими условиями и культурными условиями Центральной Азии государства-члены не должны расслабляться даже на мгновение, исходя из потребностей базовой безопасности. Крупные государства-члены также склонны способствовать концентрации коллективных вопросов, когда опасность «трех злых сил» не устранена полностью. Во-вторых, вопрос политической безопасности является вызовом для многих членов ШОС. В основном это связано с тем, что западные страны обвиняют государства-члены ШОС в их методах управления, политических системах, этнической политике и даже антитеррористической политике на почве «демократии», и это отношение прямо отражается в их политике в отношении соответствующих стран. Если давление со стороны Запада в качестве «Великого Учителя» до сих пор представляет собой противоречие на дипломатическом уровне, то «тюльпановая революция» в Киргизии и «андижанский инцидент» в Узбекистане в 2005 г. более конкретны и реалистичны. Государства-члены ШОС осознают, что подобные инциденты, которые произошли во многих

частях мира в этот период, доказывают, что, как только такие внутренние политические и социальные проблемы эксплуатируются и становятся инструментом политического манипулирования, это быстро может привести к росту противостояния со стороны западных и экстремистских сил. Последствия комплексной угрозы заключаются не только в политической нестабильности в стране пребывания, но и с большой вероятностью могут сказаться на стабильности и спокойствии всего региона. По этой причине в Совместном заявлении глав государств 2006 г. ШОС подчеркнула, что ей следует активизировать взаимные консультации в ответ на чрезвычайные ситуации, угрожающие региональному миру, стабильности и безопасности [上合组织峰会发表上海合作组织五周年宣言..]. Таким образом, очевидно, что такие множественные факторы, как взаимосвязанная режимная безопасность, самостоятельный выбор пути, борьба с экстремистскими силами и поддержание социальной стабильности, составляют основные потребности безопасности государств-членов ШОС.

Во-вторых, основной гарантией установления регионального порядка является прочный организационный механизм. С момента своего создания ШОС придавала большое значение институционализации организации, постоянно обогащала и совершенствовала функ-

ции и задачи организации на разных этапах развития. От разработки законов, создания постоянных институтов до создания механизмов встреч на различных уровнях, таких как главы государств или главы государств и правительственные ведомства, она заложила важную основу для обеспечения внутренней деятельности организации, многостороннее сотрудничество и внешние обмены. Эти механизмы сыграли важную роль в разработке повестки дня организации, поощрении и координации процесса сотрудничества по смежным вопросам, а также в проведении внешних обменов с субъектами международного права, которые являются важными инструментами многосторонней дипломатии и сотрудничества государств-членов. Среди различных механизмов ШОС наиболее эффективным является механизм сотрудничества в области безопасности, наиболее содержательным является механизм торгово-экономического сотрудничества, наиболее гибким является механизм сотрудничества между людьми и культурой. Разумеется, эти организационные механизмы, включая Секретариат, не являются наднациональным органом. Это также отражает очень осторожное отношение стран к передаче суве-

ренитета и созданию наднациональных институтов, подобных ЕС.

В-третьих, важнейшая задача построения регионализма ШОС – содействие развитию через сотрудничество. Развитие является общим требованием всех стран. Естественной задачей регионализма является повышение экономического потенциала и уровня развития государств-членов посредством сотрудничества и содействия общему экономическому прогрессу региона. С самого начала ШОС рассматривала экономическое сотрудничество как важную опору для содействия строительству организации. Следует отметить, что для многих членов ШОС развитие имеет важное политическое значение и значение в области безопасности, то есть эффективность экономического развития напрямую связана с социальной стабильностью, легитимностью режима и национальной идентичностью. В этом смысле ШОС с самого начала выбрала «двухколесный привод» безопасности и экономики, который отражает комплексную концепцию безопасности и всестороннего развития: безопасность и стабильность – залог развития, а развитие – фундамент безопасности и стабильности.

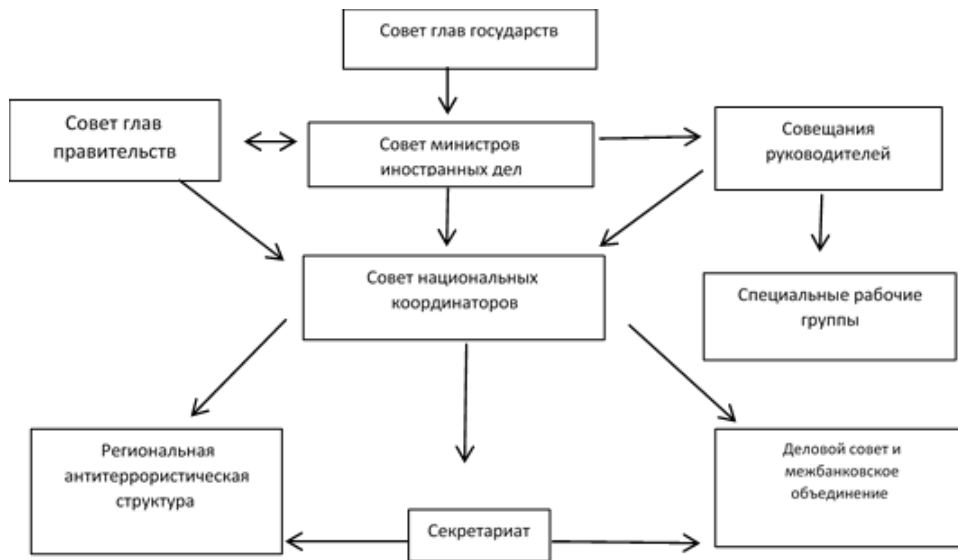

Схема 1. Структура ШОС

Уровень развития, возможности развития и элементный состав членов ШОС сильно различаются, а емкость рынка относительно ограничена (см. схема 1). Общие торговые обмены могут столкнуться с вопросом устойчивости, но также неизбежно столкнутся с проблемами неравномерности выгод. Построение регионализма требует всеобъемлющего и устойчивого процесса сотрудничества, который может принести пользу всем сторонам. Развитие – это общее видение региона, а реализация развития требует платформы для коллективного одобрения. Ввиду неравенства и дисбаланса, вызванных глобализацией в последние десятилетия, и углубления социальных разногласий, региональное развитие ШОС,

которая выступает за новые виды сотрудничества, должно исследовать и определить, как развиваться, что развивать и как создать инклюзивные и равные возможности для развития, как добиться устойчивости. С этой точки зрения инициатива «Один пояс, один путь» является общественным продуктом регионального сотрудничества, который не является эксклюзивным и неконкурентным, и коллективные члены могут участвовать в создании новых поставок. Он охватывает не только торговлю товарами, но и строительство инфраструктуры, региональную и внутреннюю связь, взаимные инвестиции, кооперацию производственных мощностей, торговлю услугами и другие области. Это междисциплинарное сотрудни-

чество не только создает более широкое пространство для регионального развития, привносит новую кинетическую энергию, помогает повысить качество и эффективность сотрудничества внутри организации, но и помогает экономикам соответствующих государств-членов избежать консолидации природных богатств, предоставляя новые возможности роста, расширяя внешние каналы. Что еще более важно, подавляющее большинство государств-членов откликнулись на эту инициативу и инициировали стыковку своих национальных стратегий развития с этой инициативой. Это также означает, что у стран есть возможность координировать и встраивать свои собственные планы развития в региональные направления развития, так что региональное строительство становится процессом, в управлении которого участвуют все члены.

В-четвертых, направление построения регионализма ШОС задают постоянно обогащающиеся ценности и понятия. По мере того, как строительство регионализма продолжает продвигаться вперед и расширяться в масштабах, развитие ШОС вступило в новый этап, необходимо обогащать региональные ценности и уточнять цели строительства. На этом фоне в 2015 году на 15-м саммите ШОС Китай выступил с инициативой построения «сообщества единой судьбы человечества». После того, как два саммита в 2017 и 2018 годах подтвер-

дили концепцию «построения сообщества с общим будущим для человечества» [上海合作组织成员国元首理事会阿斯塔纳宣言...; 上海合作组织成员国元首理事会青岛宣言..., Верченко, 2020; Бояркина, 2018; Рубан, 2021], председатель Си Цзиньпин конкретизировал эту концепцию в 2020 году как «сообщество здоровья», «сообщество безопасности», «сообщество развития» и «сообщество гуманитарных наук» [范可; 习近平在上海合作组织成员国元首理事会第...; Турицын, 2019; Чжан Мэй, 2021].

Построение «сообщества с общим будущим для человечества» стало коллективным соглашением ШОС, что также означает, что цель регионализма была модернизирована с точки зрения концепции и направленности, то есть через разделение интересов и ответственности необходимо укреплять политические, силовые, экономические, культурные и др. аспекты тесных связей, а в ответ на изменения международной и региональной ситуации формируются структура власти и региональный порядок, гарантирующие эту взаимосвязь судеб. Безусловно, создание «сообщества с общим будущим для человечества» – это грандиозный проект, и его реализация требует более сложных, продолжительных и напряженных усилий.

Библиографический список

1. Бояркина А. В. Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества» – вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке / А. В. Бояркина, В. Ф. Печерица // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 104-112.
2. Верченко А. Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6-18.
3. Рубан Л. С. Значение концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» в государственном регулировании и международной политике Китая / Л. С. Рубан, А. В. Бояркина // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11, №4 (73). С. 1209-1218.
4. Семёнов А. В. Концепция сообщества единой судьбы как глобальный проект Китая в эпоху Си Цзиньпина // Россия–Китай: история и культура. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2018. С. 292–302.
5. Турицын И. В. «Китайская мечта» о великом возрождении нации и внешняя политика КНР эпохи Си Цзиньпина (2012-2018 гг.) / И. В. Турицын, И. Рау // Современная научная мысль. 2019. № 1. С. 135-159.
6. Чжан Мэй Внешнеполитическая доктрина и дипломатическая практика Си Цзиньпина (2012-2021) // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 152-157.
7. Haas, Ernst B., 1970. “The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing”, International Organization, Cambridge University Press, vol. 24(4), pages 606-646, October.
8. Liu, H., Zhang, Y. Building a community of a common future for humanity - an ethnological perspective. Int. j. anthropol. ethnol. 2, 7 (2018).
9. 庞中英：《中国与亚洲——观察·研究·评论》·上海社会科学出版社 2004年，第 74 页。
10. 洪华：《地区秩序建构的逻辑》，载《世界经济与政治》，2014 年第 7 期，第 15 页。
11. 《上合组织峰会发表上海合作组织五周年宣言》，中国新闻网·2006 年 6 月 5 日。 <http://www.chinanews.com/news/2006/2006-06-15/8/744296.shtml>.
12. 《上海合作组织成员国元首理事会阿斯塔纳宣言》·新华网，2017 年 6 月 9 日。 http://www.xinhuanet.com/world/2017-06/09/c_1121118758.htm.
13. 《上海合作组织成员国元首理事会青岛宣言》，新华网·2018 年 6 月 11 日。 http://www.xinhuanet.com/2018-06/11/c_1122964988.htm?agt=476
14. 《习近平在上海合作组织成员国元首理事会第二十次会议上的讲话》·中国政府网·2020 年 11 月 10 日。 http://www.gov.cn/xinwen/2020-11/10/content_5560353.htm.
15. 范可：《亨廷顿的忧思》·载《读书》·2005 年第 5 期，第 84 页。

16. 《哈萨克斯坦总统撰文谈上合组织成立十周年》·中国新闻网，2011年6月8日。http://www.chinanews.com/gn/2011/06-08/3098153_3.shtml.

Reference list

1. Bojarkina A. V. *Koncepcija Si Czin'pina «soobshhestvo edinoj sud'by che-lovechestva» – vklad v tvorcheskoe razvitie marksizma v XXI veke = Xi Jinping's concept of a “community with a common destiny for mankind” is a contribution to the creative development of Marxism in the 21st century / A. V. Bojarkina, V. F. Pecherica // Ojkumena. Regionovedcheskie issledo-vanija. 2020. № 4. S. 104-112.*

2. Verchenko A. L. *Prodvizhenie Kitaem idei «soobshhestva edinoj sud'by che-lovechestva» = Promoting the idea of a “community of shared destiny for humanity” by China // Vostochnaja Azija: fakty i analiti-ka. 2020. № 1. S. 6-18.*

3. Ruban L. S. *Znachenie koncepcii Si Czin'pina «Soobshhestvo edinoj sud'by che-lovechestva» v gosudarstvennom regulirovanii i mezhdunarod-noj politike Kitaja = Significance of Xi Jinping's “Community with a Common Destiny of Mankind” Concept in China's State Regulation and International Policy / L. S. Ruban, A. V. Bojarkina // Vo-prosy nacional'-nyh i federativnyh otnoshenij. 2021. T. 11, №4 (73). S. 1209-1218.*

4. Semjonov A. V. *Koncepcija soobshhestva edinoj sud'by kak global'nyj proekt Kitaja v jepohu Si Czin'pina = The concept of the community of shared destiny as Chi-na's global project in the Xi Jinping // Rossija–Kitaj: istorija i kul'tura. Kazan' : Izd-vo Akademii nauk RT, 2018. S. 292–302.*

5. Turicyn I. V. *«Kitajskaja mechta» o velikom vozrozhdenii nacji i vnesh-njaja politika KNR jepohi Si Czin'pina (2012-2018 gg.) = “China's dream” of a great rebirth of the nation and foreign policy of the PRC in Xi Jinping's era (2012-2018) / I. V. Tu-ricyn, I. Rau // Sovremennaja nauchnaja mysl'. 2019. № 1. S. 135-159.*

6. Chzhan Mjej *Vneshnepoliticheskaja doktrina i diplomaticheskaja praktika Si Czin'pina (2012-2021) = Xi Jinping's foreign policy doctrine and diplomatic practice (2012-2021) // Sovremennaja nauchnaja mysl'. 2021. № 5. S. 152-157.*

7. Haas, Ernst B., 1970. “The Study of Regional Integration: Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing”, International Organization, Cambridge University Press, vol. 24(4), pages 606-646, October.

8. Liu, H., Zhang, Y. *Building a community of a common future for humanity - an ethnological perspective. Int. j. anthropol. ethnol. 2, 7 (2018).*

9. 庞中英：《中国与亚洲——观察·研究·评论》，上海社会科学出版社 2004年，第74页。

10. 洪华：《地区秩序建构的逻辑》，载《世界经济与政治》，2014年第7期，第15页。

11. 《上合组织峰会发表上海合作组织五周年宣言》，中国新闻网，2006年6月5日。<http://www.chinanews.com/news/2006/2006-06-15/8/744296.shtml>.

12. 《上海合作组织成员国元首理事会阿斯塔纳宣言》，新华网，2017年6月9日。http://www.xinhuanet.com/world/2017-06/09/c_1121118758.htm.

13. 《上海合作组织成员国元首理事会青岛宣言》，新华网，2018年6月11日。http://www.xinhuanet.com/2018-06/11/c_1122964988.htm?agt=476.

14. 《习近平在上海合作组织成员国元首理事会第二十次会议上的讲话》，中国政府网，2020年11月10日。http://www.gov.cn/xinwen/2020-11/10/content_5560353.htm.

15. 范可：《亨廷顿的忧思》，载《读书》，2005年第5期，第84页。

16. 《哈萨克斯坦总统撰文谈上合组织成立十周年》，中国新闻网，2011年6月8日。http://www.chinanews.com/gn/2011/06-08/3098153_3.shtml.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 03.03.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022

Научная статья
УДК 32.327; 37.014; 316.4
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47
EDN: ZBZDHY

**Место образования в политике «мягкой силы» России:
стратегические направления и инструменты**

Сергей Львович Таланов

Кандидат социологических наук, доцент по специальности, старший научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва
talanov_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Аннотация. Автором предпринята попытка изучить место образования в политике «мягкой силы» России. Для достижения указанной цели проведено исследование, в рамках которого осуществлено анкетирование среди студентов, магистрантов, аспирантов ведущих вузов России, в которых учится наибольшее количество иностранных студентов. В частности, была проанализирована степень удовлетворенности иностранных граждан условиями проживания, обучения, материально-технического оснащения вузов. Кроме того, установлено, что граждане стран СНГ в большей степени, чем представители Китая, Индии, при выборе страны (вуза), ориентировались на отзывы выпускников учебных заведений, рекомендации близкого окружения и классические СМИ (телевидение, радио, пресса). Также выявлено, что иностранные студенты при выборе вуза в России для поступления опираются на ресурсы своей семьи или семейной группы (экономический, символический, культурный, социальный капиталы), то есть поступают рационально. Если студенты не могут получить образование сразу в престижном вузе РФ, то сначала поступают в тот вуз России, который могут, а затем планируют продолжить обучение в магистратуре или аспирантуре желаемого вуза. Доказано, что при выборе вуза абитуриенты из семей, которые относятся к сильно ресурсным группам, ориентируются на его рейтинг. Выявлено, что абитуриенты из семей, которые относятся к средне ресурсным группам, при выборе вуза ориентируются на такие высшие учебные заведения, в которые легко поступить, лишь бы покинуть свою страну и никогда в нее не возвращаться. Установлено также, что абитуриенты из ближнего зарубежья стремятся получить высшее образование в РФ, так как многие знают русский язык, но не знают на должном уровне английский, португальский, немецкий, французский язы-

ки и не могут позволить себе образование в высокорейтинговых университетах Запада и в развитых восточноазиатских странах.

Ключевые слова: мягкая сила; интернационализация; образовательная политика; страны-реципиенты; страны-доноры; вузы

Для цитирования: Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.

Original article

The place of education in Russia's “soft power” policy: strategic directions and tools

Sergei L. Talanov

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor in the specialty, senior researcher at the Sector for Sociology of Deviant Behavior Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow talano_sergei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Abstract. The author attempts to study the place of education in Russia's “soft power” policy. In order to achieve this goal, a survey was conducted among undergraduate, graduate and postgraduate students at the leading Russian universities with the largest number of foreign students. In particular, the satisfaction of foreign citizens with living conditions, education, facilities and equipment of the universities was analyzed. In addition, it was found that when choosing a country (university), the citizens of the CIS countries, to a greater extent than the Chinese and Indians, were guided by the feedback of university graduates, advice from their close environment, and the conventional media (television, radio, and the press). It was also found that foreign students, when choosing a university in Russia to enter, rely on the resources of their family or family group (economic, symbolic, cultural, social capital), that is, they act rationally. If students cannot afford to be educated straight away at a prestigious university in the Russian Federation, they first enter the university in Russia that they can, and then plan to continue their studies at the master's or postgraduate level of the desired university. It has been proven that applicants from wealthy families are guided by the university's rating when choosing a university. Applicants from families that belong to the group of moderate means, when choosing a university, focus on such institutions of higher education, which are easy to enter, just to leave their country and never to return. It has also been found that applicants from neighboring countries seek higher education in Russia, as many of them know Russian, but do not know English, Portuguese, German, French at the appropriate level and cannot afford

---

*Место системы образования в политике «мягкой силы» России:
стратегические направления и инструменты*

to study at the highly ranked Western universities and in developed East Asian countries. Most applicants evaluate the quality of education by the level of GDP growth, the higher the GDP growth, the more willing they are to enroll in universities in a given country.

Key words: soft power; internationalization; educational policy; recipient countries; donor countries; universities

For citation: Talanov S. L. The place of education in Russia's "soft power" policy: strategic directions and tools. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):22-47. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.

Актуальность исследования

Образование и наука в любой стране не могут динамично развиваться без интеграции с научными и образовательными школами других стран мира. В настоящее время в условиях шестого технологического уклада (волны Кондратьева) формируются новые сектора экономики, активно развиваются нано и биотехнологии. Постоянно совершенствуются технологические процессы, систематически обновляются знания в медицине, архитектуре, вычислительной лазерной технике и т. д. Во многих странах наблюдается рост структурной и скрытой безработицы. Все большее число работодателей критикуют систему высшего образования за консерватизм. Вузы готовят по одним направлениям подготовки, а в экономике создаются новые профессии и, соответственно, нужны совершенно другие знания, навыки и умения для эффективной работы. Система образования должна поспевать за потребностями общества и экономики. Одним из индикаторов успешности национальной системы

образования является количество желающих поступить в вузы иностранных абитуриентов. По данным Росстат, несмотря на появление и широкое распространение Covid-19 и связанных с ними ограничений, постепенно, количество иностранных студентов в российских вузах увеличивается. Так, в 2010 г. было принято на обучение 37,3 тыс. чел., в 2019 г. – 298 тыс.; в 2020 г. – 315 тыс., а в 2021 г. – 324 тыс. человек. Важно не только поддерживать на высоком уровне внешнюю и внутреннюю образовательную мобильность среди студентов, но и мобильность среди преподавателей. Сами по себе вузы ничего собой не представляют, главный ресурс любого вуза – это кадры, еще более точно – профессорско-преподавательский состав. С другой стороны, для полноценной научной деятельности, без которой образование само по себе не эффективно, необходима всесторонняя поддержка государства. У Правительства РФ есть тот ресурс, который позволяет совершенствовать систему высшего образования, делать ее привлека-

тельной для иностранных студентов, магистрантов, аспирантов и т. д. Вузам единолично сложно рекрутировать новых иностранных абитуриентов, необходима поддержка государства. Правительство может и должно помогать обеспечивать аудиовизуальное присутствие в мире, продвигать русский язык. А также совершенствовать инфраструктуру городов и повышать качество и уровень жизни граждан России. Так как при выборе вуза иностранные абитуриенты, аспиранты и т. д. изучают насколько высокие зарплаты в стране пребывания, насколько развита инфраструктура городов и т. п. К сожалению, в РФ очень мало городов с развитой и многогранной городской средой. В основном, что российские, что иностранные абитуриенты стремятся поступать в вузы Москвы и Санкт-Петербурга [Таланов, 2017].

Необходимо существенно увеличить финансирование высшего образования. По данным Росстат, расходы на высшее образование растут незначительно (см. табл. 1). Учеными доказано, что вложения в образование (человеческий капитал) ведет к росту ВВП примерно на 5 %. Традиционно страны в качестве инструмента мягкой силы используют стипендии (гранты). РФ в этом плане не исключение, так Правительство РФ ежегодно выделяет примерно 18 000 бюджетных мест для иностранных абитуриентов.

По данным Росстат, традиционно для получения высшего образования в Россию приезжают граждане из стран СНГ (см. табл. 2). Что связано, прежде всего, с тем, что как правило, в этих странах ниже, чем в РФ уровень жизни.

Таблица 1.

Государственные расходы на высшее образование*
(миллиарды рублей)

	Год							
	2000	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020
Высшее образование	24,4	125,9	377,8	517,1	511,0	554,2	585,2	644,3

*Федеральная служба государственной статистики РФ

Таблица 2.

Иностранные студенты, обучающиеся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в вузах России*
(на начало учебного года, тысяч человек)

	2018-2019 гг.		2019-2020 гг.	
	Всего	В том числе по очной форме обучения	Всего	В том числе по очной форме обучения
Иностранные студенты	247,7	177,7	267,1	198,2

Место системы образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты

Мир русскоговорящих стран

	2018-2019 гг.		2019-2020 гг.	
	Всего	В том числе по очной форме обучения	Всего	В том числе по очной форме обучения
из них граждане стран:				
СНГ, Балтии, Абхазии и Южной Осетии	185,4	117,5	193,1	126,5
Азербайджан	9,3	3,2	8,3	2,9
Армения	2,4	1,1	2,2	1,0
Беларусь	9,6	4,1	10,0	4,4
Казахстан	65,5	39,6	61,4	38,6
Киргизия	6,1	4,9	6,4	5,0
Республика Молдова	3,6	1,7	2,8	1,5
Таджикистан	17,9	14,4	18,4	15,1
Туркмения	27,4	23,1	35,3	30,6
Узбекистан	25,7	16,0	31,7	18,7
Украина	15,6	8,2	14,2	7,6
Удельный вес численности иностранных студентов в общей численности, %	6,4	7,7	6,6	8,3

*Российский статистический ежегодник. Росстат. Москва, 2021

Постановка проблемы

Государства периодически пытались демонстрировать соседним странам не только военную мощь, но и уровень своей культуры и искусства. Достаточно вспомнить Флорентийскую республику, Венецию, Итальянские княжества, королевства. Италия была раздроблена, но очаровывала всех через выдающиеся произведения искусства: картины, скульптуры, архитектуру и т. п.

СССР также активно рекрутировал иностранных абитуриентов в свои вузы. Через систему образования происходит не только передача опыта от одного поколения к другому, но и формирование мировоззрения. Идеально, когда в соседних странах у власти (или большая часть элиты) с аналогичными

принципами и ценностями, одинаковыми установками.

В научный оборот словосочетание «мягкая сила» было введено относительно недавно. Данное понятие описал выдающийся американский политолог Джозеф Най [Nye, 2004]. Большой вклад в развитие концепции «мягкой силы» внесли и другие зарубежные исследователи С. Льюкс, Н. Фергюсон, Дж. Галларотт.

В настоящее время большинство зарубежных и отечественных исследователей считают, что образование является инструментом влияния, в рамках которого получают преимущества страны, привлекающие абитуриентов (страны-реципиенты), а издержки несут страны их оттока (страны-доноры) [Антонова, 2020; Артеев, 2021].

Исследователи из США [Hillman, 2014; Y. Lebeau, 2022] активно изучают проблемы финансирования высшего образования в США. Они пришли к выводу, что вузы США привлекательны для иностранных абитуриентов, так как во всех самых престижных рейтингах вузов, американские вузы представлены на высоких позициях. Что можно объяснить хорошо продуманной методикой самопрезентации и тому обстоятельству, что в основном эксперты, которые ранжируют вузы, находятся в США и Великобритании. Либо эксперты, так или иначе, связаны с этими странами.

В условиях динамики социальных изменений на мировой арене появилось множество вузов, которые соответствуют всем необходимым критериям для вхождения в самые престижные рейтинги. Это относительно молодые вузы Казахстана, Индии, Украины и ряда других стран [Емельянова, 2018; Осташова, 2021; Мансур, 2021].

Но, безусловно, огромный интерес у всех специалистов вызывает рост престижа вузов Китая. Как только власти Китая поставили задачу стать из региональной страны страной, которая претендует на лидерство, было значительно увеличено финансирование высшего образования. В рамках нашего исследования мы проанализировали, какие инструменты мягкой политики позволили Китаю достичь лидерства в ряде направлений науки и образования [Владимирова, 2020;

Ермакова, 2021; Бастрыкина, 2021]. Лидерство Китая в сфере высшего образования настолько серьезное, что в последнее время проводится масса исследований, направленных на сравнение образования в США и Китае. Статистика показывает, что огромное количество абитуриентов из США стремятся получить образование в Китае [Юдина, 2017]. Исследователи отмечают, что власти Китая придают важное значение интенсивному, а не экстенсивному пути развития.

Наша система образования представлена очень скромно в рейтингах. И помимо субъективного фактора (мало наших экспертов), еще существует проблема, связанная с самопрезентацией страны в самых разных регионах мира. Важно уметь демонстрировать то, что у нас в стране есть. Мы уже давно имеем приоритет по многим отраслям знаний, но недостаточно пиара [Сутырин, 2020; Игнатенкова, 2021; Торкунов, 2019]. В нашей стране масса научных достижений, множество выдающихся ученых, созданы и активно развиваются научные общепризнанные школы. Но даже социологические опросы в самой России показывают, что при наличии ресурсов у российских абитуриентов (денег, знания языка и т. д.) они с удовольствием уехали бы учиться в вузы Канады, США и Европы. Абитуриенты не скрывают, что им нравится высокий уровень жизни в данных странах.

Зарубежные ученые внесли большой вклад в изучение данной проблемы [Borden, С., 2014; Delaney, J., 2014; Freeman, В., 2014].

Отечественные ученые также внесли заметный вклад в изучении влияния отечественного высшего образования на отток абитуриентов из стран-доноров [Антюхина, 2019].

Проведенный нами вторичный анализ демонстрирует, что «мягкая сила» оказывает существенное влияние на страны-реципиенты, страны-доноры даже в условиях ковид-ограничений [Bruckmann S., 2014; Lebeau Y., 2022; Asguer A., 2020; Кушнарев, 2020].

В рамках исследования мы проанализировали один из множества инструментов «мягкой силы», в частности запущенный в 2021 г. Россотрудничеством цифровой сервис «Образование иностранцев в РФ». В результате пришли к выводу, что данный ресурс позволяет больше рекрутировать иностранных абитуриентов, чем раньше.

Результаты, полученные иностранными и отечественными учеными, перечисленные выше, мы учитывали при разработке программы социологического исследования.

Эмпирическая база исследования

Анализ статистики Росстата демонстрирует, что больше всего иностранных граждан, обучающихся в настоящее время в российских вузах из стран СНГ; Азии; Ближнего Востока и Северной Африки; Западной Европы и Латинской

Америки. Учитывая данное обстоятельство, мы выбрали для опроса студентов вузов из стран, в которых наибольшее количество иностранных студентов, магистрантов, аспирантов из вышеуказанных государств.

В 2021 году были опрошены иностранные студенты, магистранты, аспиранты обучающиеся в:

- Российском университете дружбы народов (РУДН);
- Казанском федеральном университете (КФУ);
- Московском финансово-промышленном университете «Синергия» (МФПУ);
- Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ);
- Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (МГУ);
- Высшей школе экономики (ВШЭ);
- Уральском федеральном государственном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ);
- Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ);
- Омской гуманитарной академии (ОмГА);
- Первом Московском государственном медицинском университете имени И. М. Сеченова (ПМГМУ).

При обработке результатов применили двухступенчатую выборку. Выборка квотная со случайным ме-

ханическим отбором респондентов на второй ступени.

Первая ступень – отбор вузов, в которых в 2020/2021 академическом году обучалось наибольшее число иностранцев. Отобрали 10 вузов.

Вторая ступень – квотный отбор респондентов в вузах. Осуществлялся интервьюерами в отобранных вузах по заданным квотам, рассчитанным для каждого вуза в соответствии с представительством в нем конкретных стран. Переменные квотирования: пол, страна, тип семьи, статус (студент, магистрант, аспирант).

Объем выборки составил $n=800$ человек.

Сначала пользователи самых популярных социальных сетей Facebook, Instagram и т. п., увидев рекламу на веб-сайте, регистрировались на сайте панели. Затем респондент оставлял базовую социально-демографическую информацию о себе (свою профильную анкету) и только после этого становится участником панели. Если респонденты соглашались принять участие, то переходили по ссылке на анкету и самостоятельно заполняли её. Специальная программа позволяла контролировать, чтобы каждый респондент мог отдать свой голос только один раз.

Нами проведена серия глубинных интервью со студентами, которые относятся к сильно ресурсным группам (родители имеют высшее образование и состоятельные), $n=10$.

Проведена серия глубинных интервью со студентами, которые от-

носятся к средне ресурсным группам (есть связи, но слабый экономический капитал), $n=10$.

Проведена серия глубинных интервью со студентами, которые относятся к слабо ресурсным группам (малообеспеченные родители), $n=10$.

Был проведен вторичный анализ данных:

- Федеральной службы государственной статистики России;
- результатов социологических исследований, проведенных сотрудниками федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ РАН).

Авторская гипотеза

Образовательная политика России будет более эффективной в сравнении с имеющейся практикой при соблюдении следующих условий:

- обучение в российских вузах будет осуществляться по программам двойных дипломов;
- специальные программы адаптации иностранных студентов будут активно развиваться;
- список льгот для иностранных студентов (бесплатный проезд, билеты в театр, музей и т. д.) будет существенно расширен;
- сеть Российских центров науки и культуры в странах СНГ, Балтии, Восточноевропейских и Балканских странах, странах Северной Западной и Восточной Европы, странах Азии, странах Ближнего Востока и Африки, странах Латинской Америки, странах Северной Америки и Океании с целью

популяризации русского языка, культуры и системы образования систематически будет расширяться;

– целенаправленно будут проводиться выставки российского образования в зарубежных странах, в рамках которых будет осуществляться информирование о правилах приема в вузы РФ и вариантах обучения;

– в странах-донорах (страны оттока абитуриентов) будут целенаправленно создаваться филиалы ведущих российских университетов;

– широкая популяризация русского языка через различные онлайн-курсы с разнообразной тематикой.

Рабочие гипотезы

1. Граждане стран СНГ в большей степени, чем представители Китая, Индии, при выборе страны (вуза) ориентировались на отзывы выпускников учебных заведений, рекомендации близкого окружения и классические СМИ (телевидение, радио, пресса).

2. Иностранные студенты при выборе вуза в России для поступления опираются на ресурсы своей семьи или семейной группы (экономический, символический, культурный, социальный капиталы), то есть поступают рационально. Если не могут получить образование сразу в престижном вузе РФ, то сначала поступают в тот вуз России, в который могут, а затем планируют продолжить обучение в магистратуре или аспирантуре желаемого вуза.

3. Абитуриенты из семей, которые относятся к сильно ресурсным группам, при выборе вуза ориентируются на рейтинги вузов.

4. Абитуриенты из семей, которые относятся к средне ресурсным группам, при выборе вуза ориентируются на вузы, в которые легко поступить, лишь бы покинуть свою страну и никогда в нее не возвращаться.

5. Абитуриенты из ближнего зарубежья стремятся получить высшее образование в РФ, так как многие знают русский язык, но не знают на должном уровне английский, португальский, немецкий, французский языки и не могут позволить себе образование в высокорейтинговых университетах Запада и в развитых восточноазиатских странах.

6. Большинство абитуриентов оценивают качество образования по уровню роста ВВП, чем выше рост ВВП, тем охотнее стремятся поступить в вузы данной страны. ВВП (внутренний валовой продукт) влияет также на выбор вуза страны пребывания.

7. Привлекательность для обучения определяется не силой и мощью армии, а уровнем качества жизни большей части населения.

Результаты исследования

Сначала мы изучали причины выбора России в качестве страны для получения высшего образования (см. табл. 3-4).

Таблица 3.

Причины выбора России в качестве страны для получения высшего образования*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Возможность обучения на русском языке	90	100	100	92
Невысокая стоимость обучения и проживания в стране	89	14	12	82
Качественное образование	74	100	100	88
Полученное образование в России, дает возможность трудоустроиться у себя на Родине	73	84	92	89
Не могут позволить себе образование в высокорейтинговых университетах Запады и в развитых восточноазиатских странах	47	84	73	52
Рекомендовали родители, родственники	31	94	92	43
Рекомендовали друзья	19	88	90	18
Люблю русскую культуру, литературу. Активно изучал русский язык, через онлайн-курсы разнообразной тематики	18	8	9	21
Приехал по направлению от организации, компании	17	7	8	14
Наличие российского диплома дает возможность уехать поступить в магистратуру в Европе	15	6	7	17
Полученное образование позволит работать и достичь успехов в карьере или профессии в РФ	12	100	100	14
В национальных вузах нет обучения по специальности	—	11	14	—
Другое	5	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Таблица 4.

Причины выбора России в качестве страны для получения высшего образования*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Возможность обучения на русском языке	98	81	100	100

Место системы образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Рекомендовали родители, родственники	93	30	60	97
Полученное образование в России, дает возможность трудоустроиться у себя на Родине	76	61	72	82
Не могут позволить себе образование в высокорейтинговых университетах Запада и в развитых восточноазиатских странах	72	83	81	93
Качественное образование	54	56	51	83
Рекомендовали друзья	53	18	62	91
Полученное образование позволит работать и достичь успехов в карьере или профессии в РФ	50	14	27	33
Невысокая стоимость обучения и проживания в стране	14	13	12	15
Наличие российского диплома дает возможность уехать поступить в магистратуру в Европе	12	15	14	17
Люблю русскую культуру, литературу. Активно изучал русский язык, через онлайн-курсы разнообразной тематики	9	16	84	100
В национальных вузах нет обучения по специальности	8	—	—	—
Приехал по направлению от организации, компании	6	12	6	10
Другое	5	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов респондентов, многие выбрали вузы не по причине высокого уровня преподавания, а исходя из своих ресурсов, в том числе из-за знания (степень владения) русского языка. То есть для большего рекрутирования иностранных студентов важно продвигать русский язык. И это уже проблема Правительства РФ как именно сделать так, чтобы русский язык

был популярен в большинстве стран мира. Потому что если бы у абитуриентов были соответствующие знания в английском, то многие бы поступали в вузы Европы.

Далее мы изучали, учитывали ли респонденты при выборе вуза его престиж, в частности ориентировались ли они на известные в мире рейтинги вузов или только на национальные рейтинги (см. табл. 5-6).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «При выборе вуза Вы учитывали рейтинги вузов?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Да	48	16	27	52
Нет	47	84	73	48
Затруднились ответить	5	—	—	—

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «При выборе вуза Вы учитывали рейтинги вузов?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Да	11	77	31	13
Нет	89	23	64	82
Затруднились ответить	—	—	5	5

Как видно, чем выше уровень жизни в стране, тем больше абитуриенты ориентируются на рейтинги вузов. Респонденты имели возможность пояснить свои ответы, для этого были предусмотрены открытые вопросы. Так, значительная часть респондентов из семей, которые относятся к сильно ресурсным

группам, отметили, что рейтинги вузов являются ориентиром при выборе вуза для поступления и стимулируют родственников финансировать поступление.

Далее мы изучали основные источники получения информации о России, в том числе о системе высшего образования (см. табл. 7-8)

Таблица 7.

Основные источники получения информации о России, в том числе о системе высшего образования*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Рассказывали родители, дедушки, бабушки и другие родственники	84	89	84	23
В школе увлекательно рассказывали о РФ и российском высшем образовании	49	59	21	58

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Случайно наткнулся на Ютуб канал с видео о России, после чего стал периодически смотреть новости о РФ и т. п.	32	77	29	60
Общение согражданами, которые учились в РФ	32	45	42	38
Рассказывали друзья	25	28	27	31
Передачи на телевидении о РФ и, в частности, о российских вузах	13	10	7	10
Случайно наткнулся в интернете на сайты о российском образовании для иностранцев	12	14	15	49
Общение с гражданами из России	11	18	9	15
Туристические поездки, командировки и т. п.	10	13	7	12
Радио	7	8	6	8
Газеты, журналы	6	6	—	7
Другое	5	5	5	5

**Сумма процентов по вертикали больше 100,
так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Таблица 8.

Основные источники получения информации о России, в том числе о системе высшего образования*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Рассказывали родители, бабушки, дедушки, бабушки и другие родственники	84	39	87	100
В школе увлекательно рассказывали о РФ и российском высшем образовании	61	60	12	78
Случайно наткнулся на Ютуб канал с видео о России, после чего стал периодически смотреть новости о РФ и т. п.	56	57	7	65
Общение согражданами, которые учились в РФ	43	36	33	56
Рассказывали друзья	29	34		
Передачи на телевидении о РФ и, в частности, о российских вузах	23	12	88	90
Случайно наткнулся в интернете на сайты о российском образовании для иностранцев	22	47	13	81
Общение с гражданами из России	19	16	19	83

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Туристические поездки, командировки и т. п.	15	14	21	76
Радио	12	11	7	39
Газеты, журналы	8	9	6	6
Другое	5	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов опрошенных, основные источники получения информации о России – это рассказы родителей, дедушек, бабушек и других родственников. Не может не радовать тот факт, что во многих школах увлекательно рас-

сказывают о РФ и российском высшем образовании.

Далее изучали трудности, с которыми столкнулись иностранные студенты в течение первого года пребывания в России (см. табл. 9-10).

Таблица 9.

Трудности, с которыми столкнулись иностранные студенты, магистранты, аспиранты в течение года пребывания в России*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Из-за волн Covid-19 множество ограничений, не мог бывать (часто) на Родине, упали доходы у родителей и т. д.	86	93	84	100
Отсутствие родных и близких	61	24	26	65
Методика преподавания (большие нагрузки, чем в школе и др.)	32	30	35	17
Жизнь в студенческом общежитии	23	18	19	21
Различия в климате (холод, дождь, снег и др.)	21	18	19	65
Другой образ жизни	18	13	34	79
Непривычное питание, качество воды	12	18	21	76
Проблем не возникло	12	14	16	8
Транспорт (долго добираться от общежития до корпуса)	8	9	11	7
Отношение окружающих (агрессия, грубость, враждебность со стороны проживающего населения)	7	25	28	8
Необходимость говорить по-русски	6	7	6	11
Другое	5	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Таблица 10.

Трудности, с которыми столкнулись иностранные студенты, магистранты, аспиранты в течение года пребывания в России*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Из-за волн Covid-19 множество ограничений, не мог бывать (часто) на Родине, упали доходы у родителей и т. д.	91	98	16	14
Методика преподавания (большие нагрузки, чем в школе и др.)	28	22	16	14
Отношение окружающих (агрессия, грубость, враждебность со стороны проживающего населения)	24	11	—	—
Отсутствие родных и близких	22	79	12	10
Жизнь в студенческом общежитии	20	14	16	12
Непривычное питание, качество воды	19	89	—	—
Различия в климате (холод, дождь, снег и др.)	19	45	—	—
Проблем не возникло	14	19	10	9
Другой образ жизни	11	87	6	5
Транспорт (долго добираться от общежития до корпуса)	9	9	6	7
Необходимость говорить по-русски	8	15	—	—
Другое	5	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов респондентов, для большинства из них трудности связаны не с субъективными, а с объективными факторами. В частности, из-за волн Covid-19 и множества ограничений, не могли бывать (часто) на Родине, упали доходы у родителей и т. д. Это повлияло на то, что

многие респонденты были вынуждены искать дополнительные источники доходов.

Далее мы изучали, удовлетворены ли респонденты учебным процессом в российских вузах, в зависимости от вуза обучения (см. табл. 11-12).

Таблица 11.

Удовлетворенность учебным процессом в российских вузах
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Удовлетворен	63	65	60	78

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Не удовлетворен	32	30	35	17
Затруднились ответить	5	5	5	5

Таблица 12.

Удовлетворенность учебным процессом в российских вузах
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Удовлетворен	67	73	79	81
Не удовлетворен	28	22	16	14
Затруднились ответить	5	5	5	5

Как видно, независимо от гендерных, национальных, возрастных особенностей большая часть студентов, магистрантов, аспирантов в основном удовлетворены учебным процессом в российских вузах.

Далее мы изучили удовлетворенность отдельными параметрами обучения (средняя оценка по 5-и бальной шкале, где 1 – не удовлетворен, а 5 – удовлетворен в высокой степени) в зависимости от вуза обучения (см. табл. 13-14).

Таблица 13.

Удовлетворенность иностранных студентов, магистрантов, аспирантов организацией учебного процесса, материально-техническим обеспечением вуза
(средняя оценка по 5-и бальной шкале, где 1 – не удовлетворен, а 5 – удовлетворен в высокой степени)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Качество преподавания профильных дисциплин	4,5	4,3	4,2	4,1
Качество преподавания непрофильных дисциплин	4,4	4,5	4,3	4,2
Предлагаемые вузом возможности для дистанционного обучения	4,1	4,2	4,1	4,2
Организация и условия учебно-производственной практики	4,0	4,1	4,2	4,0
Участие в научной работе, проводимой в вузе	4,2	4,3	4,3	4,2
Взаимоотношения с преподавателями	4,2	4,0	4,1	4,4
Состояние лабораторий	4,2	4,4	4,5	4,5
Возможности доступа к базам международных библиотек	3,9	3,8	3,8	4,2

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Состояние учебных аудиторий	3,4	3,6	3,7	3,8
Наличие в доступе всей необходимой литературы	3,5	3,6	3,8	3,9
Взаимоотношения (психологический климат) в студенческой среде	3,6	2,9	2,8	4,2
Условия и содержание досуга, организуемого вузом	3,3	3,7	3,5	4,0
Работа вузовской библиотеки	3,4	3,5	3,7	3,8
Условия проживания в общежитии	3,3	3,7	3,9	4,0
Медицинское обслуживание	4,2	4,3	4,4	4,2
Условия для занятий спортом	4,1	4,3	4,4	4,3
Работа блока питания (столовая, кафе, буфет)	3,4	3,3	3,4	3,5

Таблица 14.

Удовлетворенность иностранных студентов, магистрантов, аспирантов организацией учебного процесса, материально-техническим обеспечением вуза

(средняя оценка по 5-и бальной шкале, где 1 – не удовлетворен, а 5 – удовлетворен в высокой степени)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Качество преподавания профильных дисциплин	4,3	4,2	4,2	4,5
Качество преподавания непрофильных дисциплин	4,5	4,3	4,4	4,6
Предлагаемые вузом возможности для дистанционного обучения	4,2	3,9	4,2	4,3
Организация и условия учебно-производственной практики	4,1	3,9	4,1	4,3
Участие в научной работе, проводимой в вузе	4,4	4,2	4,3	4,4
Взаимоотношения с преподавателями	4,0	4,5	4,1	4,9
Состояние лабораторий	4,4	4,2	4,3	4,4
Возможности доступа к базам международных библиотек	3,8	4,1	4,2	4,2
Состояние учебных аудиторий	3,6	4,2	4,2	4,3
Наличие в доступе всей необходимой литературы	3,5	4,1	4,2	4,4
Взаимоотношения (психологический климат) в студенческой среде	2,9	4,6	4,0	5,0
Условия и содержание досуга, организуемого вузом	3,6	3,9	4,1	4,6
Работа вузовской библиотеки	3,4	4,1	4,2	4,4
Условия проживания в общежитии	3,6	4,2	4,0	4,1

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Медицинское обслуживание	4,1	4,1	4,2	4,2
Условия для занятий спортом	4,2	3,9	4,2	4,4
Работа блока питания (столовая, кафе, буфет)	3,2	3,2	3,9	4,2

Как видно из данных, представленных в таблицах, большинство респондентов удовлетворены организацией учебного процесса, материально-техническим обеспечением вуза в котором обучаются. В основном низкая удовлетворенность

наблюдается в сфере питания и условий проживания.

Далее мы изучали источники финансирования обучения в российском вузе в зависимости от гражданства студента (см. табл. 15-16).

Таблица 15.

Источники финансирования обучения в российском вузе, в зависимости от гражданства студента, магистранта, аспиранта
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Родители и родственники	17	46	49	17
Стипендия Правительства РФ (через Россотрудничество)	38	19	—	36
Самостоятельно	23	24	20	15
Направившее на учебу предприятие	9	6	10	18
Без оплаты, по межправительственному соглашению	8	—	16	9
Другое	5	5	5	5

Таблица 16.

Источники финансирования обучения в российском вузе, в зависимости от гражданства студента, магистранта, аспиранта
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
Родители и родственники	44	14	29	25
Стипендия Правительства РФ (через Россотрудничество)	19	55	22	11
Самостоятельно	23	6	30	26
Направившее на учебу предприятие	9	20	5	21
Без оплаты, по межправительственному соглашению	—	—	9	12
Без оплаты, на основе межвузовских соглашений	5	5	5	5

Мир русскоговорящих стран

Многие иностранные студенты учатся в РФ благодаря ресурсам своей семьи или семейной группы. Кроме того, мы видим как активно Правительство РФ через стипендии ими же учрежденными (*Правительством РФ – С. Т.*) через Россот-

трудничество рекрутирует иностранных абитуриентов.

Далее мы изучали способ изучения русского языка в зависимости от гражданства студента (см. табл. 17-18).

Таблица 17.

Способ изучения русского языка, в зависимости от гражданства студента, магистранта, аспиранта*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
С репетитором	28	39	44	32
Самостоятельно	21	12	15	18
На родине на специальных курсах	18	8	9	42
На родине в школе и т. д.	12	18	21	7
Русский – мой родной язык / знаю его с детства	8	19	16	—
Не обучался русскому языку / обучаюсь на другом языке	8	—	—	8
Другое	5	6	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100,
так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Таблица 18.

Способ изучения русского языка, в зависимости от гражданства студента, магистранта, аспиранта*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
С репетитором	34	67	—	—
Самостоятельно	21	19	—	—
На родине в школе и т. д.	14	7	26	100
На подготовительном факультете вуза	12	—	—	—
Русский – мой родной язык / знаю его с детства	9	—	74	100
На родине на специальных курсах	9	16	—	—
Не обучался русскому языку / обучаюсь на другом языке	—	—	—	—
Другое	5	5	—	—

*Сумма процентов по вертикали больше 100,
так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов опрошенных, многие иностранные студенты перед поступлением в вуз активно обращались за помощью к репети-

торам. Отрадно, что во многих странах есть возможность в рамках школы осваивать русский язык.

Далее изучали планы иностранных студентов, магистрантов, аспирантов по трудоустройству (см. табл. 19-20).

Таблица 19.

Планы иностранных студентов, магистрантов, аспирантов по трудоустройству

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
В России	26	75	16	9
В родной стране	56	17	64	62
В другой стране	18	8	20	29
Затруднились ответить	—	—	—	—

Таблица 20.

Планы иностранных студентов, магистрантов, аспирантов по трудоустройству

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
В России	73	8	18	24
В родной стране	20	80	32	66
В другой стране	7	12	50	5
Затруднились ответить	—	—	—	5

Как видно из ответов, чем ниже уровень образования в стране, из которой прибыл иностранный студент, тем в большей степени он связывает свое будущее с РФ. То есть, как правило, люди поступают рационально, исходя из своих ресурсов или ресурсов своей семьи.

Далее мы изучали причины, по которым студенты хотели бы

остаться жить в России после окончания обучения, в зависимости от их гражданства (см. табл. 21-22). Выборочная совокупность иная, поскольку в таблицах представлены ответы той части респондентов, которая указала, что желает остаться после окончания обучения в России.

Таблица 21.

Причины, по которым хотели бы остаться жить в России после окончания обучения, в зависимости от гражданства студента, магистранта, аспиранта*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Россия более динамичная, перспективная страна, чем моя	38	87	64	7

Место системы образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Казахстан	Узбекистан	Туркменистан	Китай
Хочу поработать в России по специальности, получить опыт	17	19	13	29
Хочу продолжить обучение в России	17	7	8	44
Нравится / привык жить здесь / хочу больше узнать о России	16	12	—	37
В моей стране ниже уровень жизни	12	13	28	—
Другое	—	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100,
так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Таблица 22.

Причины, по которым хотели бы остаться жить в России после окончания обучения, в зависимости от гражданства студента, магистранта, аспиранта*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранцы граждане из различных стран			
	Таджикистан	Индия	Украина	Беларусь
В моей стране ниже уровень жизни	97	9	49	54
Россия более динамичная, перспективная страна, чем моя	84	13	43	69
Хочу поработать в России по специальности, получить опыт	24	9	14	21
Хочу продолжить обучение в России	19	42	21	31
Нравится / привык жить здесь / хочу больше узнать о России	17	19	19	27
Другое	5	5	5	5

*Сумма процентов по вертикали больше 100,
так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Иностранцы студенты, магистранты, аспиранты при решении, где именно жить, ориентируются на уровень жизни страны и перспективы в профессии или карьере.

В рамках исследования мы провели серию глубинных интервью со студентами, из сильно ресурсных групп (родители имеют высшее образование и состоятельные) n=10. Далее приводим некоторые типичные высказывания респондентов.

Юсуф, 21 год студент из Таджикистана.

«Мои родители хотели, чтобы я стал врачом. Поэтому я поступил в медицинский вуз. Про рейтинги вузов я знаю, но я также знаю свой уровень знаний и количество денег у моей семьи. Я считаю так, если хотя бы один вуз из какой-либо страны попадает в мировые престижные рейтинги, значит в целом в этой стране неплохое обра-

зование. Надо же понимать, что рейтинги коммерциализированы. Вузы борются за студентов, чтобы больше получить денег. Им не во всем можно верить. Я для себя решил, что закончу вуз и останусь в РФ. В России врачей уважают, а в других странах, чтобы работать по специальности, нужно там и учиться, а денег у семьи столько нет, да и язык английский, я знаю слабо».

Амир, 20 лет, Казахстан.

«Родители в свое время получили высшее образование в СССР. Я очень хотел получить высшее образование в России. Я целенаправленно принимал участие в ежегодных олимпиадах, проводимых в РФ, которые дают право призерам и победителям поступать на льготных условиях. И все же без экзаменов мне поступить не удалось. В итоге я наравне со всеми сдал ЕГЭ и прошел конкурсный отбор. Учусь на бюджете. Очень нравится учиться. Хочу стать инженером. На Родину возвращаться не планирую. Хочу добиться успеха в профессии или в карьере, уж как получится, но обязательно в России».

Анвар, 20 лет, Туркменистан.

«За мое обучение платит моя страна, меня нельзя отчислить, мне все равно как я учусь, мне оценки «отлично» не нужны. У нас в стране образование копируется техническое, но у меня нет денег, чтобы стать инженером. После окончания вуза в РФ вернуться на Родину и отслужу в армии. После ар-

мии вернуться в Россию. В РФ много возможностей, легко найти работу. Мама хотела, чтобы я был финансово независимым, но у нас нет денег для решения этой задачи. Поэтому мама все время нанимала самых лучших репетиторов, лишь бы я жил лучше, чем она с моим отцом».

Мы видим из типичных высказываний респондентов, что при выборе страны для обучения респонденты ориентируются на мнение референтной личности или группы, ресурсы семьи или семейной группы.

Заключение

В рамках исследования нашли подтверждение основная и рабочие гипотезы.

С целью увеличения политического влияния России через элементы «мягкой силы», необходимо:

- целенаправленно проводить выставки российского образования в зарубежных странах, в ходе которых будет осуществляться информирование о правилах приема в вузы РФ и вариантах обучения;
- в странах-донорах (страны оттока абитуриентов) целенаправленно создавать филиалы ведущих российских университетов;
- широко популяризировать русский язык, через различные онлайн-курсы с разнообразной тематикой;
- переводить основные общественно-политические российские издания на государственные языки стран СНГ, стран Балтии, Грузии, а также Китайский;

– открывать за рубежом различные фонды и неправительственные организации, которые будут активно заниматься экспортом российской культуры и образования;

– ежегодно увеличивать количество выдаваемых стипендий иностранным гражданам на обучение в России;

– увеличить финансирование программ, направленных на сохранение русской идентичности за рубежом, поддерживать русские диаспоры. Таким образом, русскоязычное население при финансовой поддержке российских фондов могли бы служить ресурсом русского влияния в странах проживания;

– увеличить финансирование высшего образования, совершен-

ствовать материально-техническое оснащение вузов;

– расширять сеть Российских центров науки и культуры в странах СНГ, Балтии, Восточноевропейских и Балканских странах, странах Северной, Западной и Восточной Европы, странах Азии, странах Ближнего Востока и Африки, странах Латинской Америки, странах Северной Америки и Океании с целью популяризации русского языка, культуры и системы образования;

– за счёт государственного бюджета существенно расширить список льгот для иностранных студентов (бесплатный проезд, билеты в театр, музей и т. д.).

Библиографический список

1. Антонова Н. Л. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства / Н. Л. Антонова, А. Д. Сущенко, Н. Г. Попова // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 1. С. 31-58.

2. Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32-57.

3. Антюхова Е. А. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике Германии // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 41-45.

4. Бастрыкина Е. А. Использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике КНР // Амурский научный вестник. 2021. № 1. С. 4-11.

5. Владимирова Д. А. «Мягкая сила» во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий / Д. А. Владимирова, Е. В. Журбей, А. А. Карловская // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1 (52). С. 123-137.

6. Емельянова Н. Н. «Мягкая сила» как элемент внешней политики в новейшей истории Индии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 10 (74). С. 14.

7. Ермакова А. Н. «Мягкая сила» как комплекс инструментов современной внешней политики КНР // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10, № 4-1. С. 41-49.

8. Игнатенкова И. А. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-3 (76). С. 234-237.
9. Кушнарев Ф. Ю. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Ф. Ю. Кушнарев, Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева [и др.] // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12-22.
10. Мансур Д. Н. К вопросу о роли «мягкой силы» в политике России в отношении Украины (2004-2014 гг.) / Д. Н. Мансур, А. Ю. Сидоров // Вопросы истории. 2021. № 12-1. С. 150-156.
11. Осташова Я. В. Образование как элемент политики «мягкой силы»: современные политические реалии России и Казахстана // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10, № 3 (37). С. 220-226.
12. Сутырин В. В. За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. 2020. № 9. С. 44-57.
13. Торкунов А. В. Университет как часть национальной экономики // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 111-122.
14. Таланов С. Л. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / С. Л. Таланов, А. В. Гаврилов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 6. С. 24-30.
15. Юдина Н. В. Внешняя языковая политика и планирование США и КНР в контексте политики «мягкой силы» / Н. В. Юдина, О. А. Селиверстова // Вопросы филологии. 2017. № 4 (60). С. 6-11.
16. Asquer A., and Alzahrani A. Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia // Public Management Review. 2020. 22 (2): 2020. Pages 255-277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.
17. Borden C., Shaker, G. and B. Kienker. The impact of alumni status on institutional giving by faculty and staff // Research in Higher Education, 2014. 55(2), Pp. 196-217.
18. Bruckmann, S. and T. Carvalho. The reform process of Portuguese higher education institutions: from collegial to managerial governance // Tertiary Education and Management. 2014. 20(3), Pp. 193-206.
19. Delaney J. and W. Doyle. State spending on higher education capital outlays // Research in Higher Education, 2014. 55(5), Pp. 433-466.
20. Freeman B. Benchmarking Australian and New Zealand university meta-policy in an increasingly regulated tertiary environment // Journal of Higher Education Policy and Management, 2014. 36(1), Pp. 74-87.
21. Hillman N., Tandberg, D. and J. Gross. Market-based higher education: does Colorado's voucher model improve higher education access and efficiency? // Research in Higher Education, 2014. 55(6), Pp. 601-625.
22. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // Policy Reviews in Higher Education. 2022. Volume 6, Issue 1. Pages 6-26. <https://doi.org/10.1080/23322969.2021.1904791>.
23. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004, p. 5.

Reference list

1. Antonova N. L. «Mjagkaja sila» vysshego obrazovanija kak faktor mirovogo liderstva = The “soft power” of higher education as a factor of global leadership / N. L. Antonova, A. D. Sushhenko, N. G. Popova // *Obrazovanie i nauka*. 2020. T. 22, № 1. S. 31-58.
2. Arteev S. P. Vneshnjaja politika Rossii: «mjagkaja sila» regionov = Russian foreign policy: regional “soft power” // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. 2021. T. 13, № 1. S. 32-57.
3. Antjuhova E. A. Obrazovanie kak instrument «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Germanii = Education as a tool of “soft power” in German foreign policy // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 2019. № 57. S. 41-45.
4. Bastykina E. A. Ispol'zovanie instrumentov «mjagkoj sily» vo vneshnej politike KNR = Using “soft power” tools in the PRC foreign policy // *Amurskij nauchnyj vestnik*. 2021. № 1. S. 4-11.
5. Vladimirova D. A. «Mjagkaja sila» vo vneshnej politike Rossii i Kitaja: osobnosti nacional'nyh strategij = “Soft power” in Russian and Chinese foreign policy: features of national strategies / D. A. Vladimirova, E. V. Zhurbej, A. A. Karlovskaja // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija*. 2020. № 1 (52). S. 123-137.
6. Emel'janova N. N. «Mjagkaja sila» kak jelement vneshnej politiki v novejshej istorii Indii = “Soft power” as an element of foreign policy in India's recent history // *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*. 2018. № 10 (74). S. 14.
7. Ermakova A. N. «Mjagkaja sila» kak kompleks instrumentov sovremennoj vneshnej politiki KNR = “Soft power” as a set of tools in modern foreign policy of the PRC // *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij*. 2021. T. 10, № 4-1. S. 41-49.
8. Ignatenkova I. A. Realizacija strategicheskikh nacional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «mjagkoj sily» na primere razvitija jeksporta obrazovanija = Realization of Russia's strategic national interests through “soft power” policy on the example of education export development // *Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie*. 2021. № 6-3 (76). S. 234-237.
9. Kushnarev F. Ju. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = The impact of COVID-19 on the higher education system / F. Ju. Kushnarev, D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva [i dr.] // *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2020. № 10. S. 12-22.
10. Mansur D. N. K voprosu o roli «mjagkoj sily» v politike Rossii v otnoshenii Ukrainy (2004-2014 gg.) = On the role of “soft power” in Russia's policy toward Ukraine (2004-2014) / D. N. Mansur, A. Ju. Sidorov // *Voprosy istorii*. 2021. № 12-1. S. 150-156.
11. Ostashova Ja. V. Obrazovanie kak jelement politiki «mjagkoj sily»: sovremennye politicheskie realii Rossii i Kazahstana = Education as an element of “soft power” policy: current political realities of Russia and Kazakhstan // *Evrazijskij Sojuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij*. 2021. T. 10, № 3 (37). S. 220-226.
12. Sutyryn V. V. Za predelami «mjagkoj sily»: gumanitarnoe vlijanie i sotrudnichestvo vo vneshnej politike = Beyond the “soft power”: humanitarian influence and cooperation in foreign policy // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 2020. № 9. S. 44-57.

13. Torkunov A. V. Universitet kak chast' nacional'noj jekonomiki = University as part of the national economy // Voprosy jekonomiki. 2019. № 12. S. 111-122.
14. Talanov S. L. Obrazovanie kak instrument «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii = Education as an instrument of “soft power” in Russian foreign policy / S. L. Talanov, A. V. Gavrilov // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2017. № 6. S. 24-30.
15. Judina N. V. Vneshnjaja jazykovaja politika i planirovanie SShA i KNR v kontekste politiki «mjagkoj sily» = Foreign linguistic policy and planning in the U.S. and the PRC in terms of “soft power” policy / N. V. Judina, O. A. Seliverstova // Voprosy filologii. 2017. № 4 (60). S. 6-11.
16. Asquer, A., and Alzahrani A. Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia // Public Management Review. 2020. 22 (2): 2020. Pages 255-277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.
17. Borden, C., Shaker, G. and B. Kienker. The impact of alumni status on institutional giving by faculty and staff // Research in Higher Education, 2014. 55(2), Pp. 196-217.
18. Bruckmann, S. and T. Carvalho. The reform process of Portuguese higher education institutions: from collegial to managerial governance // Tertiary Education and Management. 2014. 20(3), Pp. 193-206.
19. Delaney, J. and W. Doyle. State spending on higher education capital outlays // Research in Higher Education, 2014. 55(5), Pp. 433-466.
20. Freeman, B. Benchmarking Australian and New Zealand university meta-policy in an increasingly regulated tertiary environment // Journal of Higher Education Policy and Management, 2014. 36(1), Pp. 74-87.
21. Hillman, N., Tandberg, D. and J. Gross. Market-based higher education: does Colorado’s voucher model improve higher education access and efficiency? // Research in Higher Education, 2014. 55(6), Pp. 601-625.
22. Lebeau Y., Alruwaili J. Convergence and local orders in the dynamics of change in higher education: a perspective from Saudi Arabia // Policy Reviews in Higher Education. 2022. Volume 6, Issue 1. Pages 6-26. <https://doi.org/10.1080/23322969.2021.1904791>.
23. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2004, p. 5.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 28.03.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022

Научная статья

УДК 323.2

DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-48-60

EDN: YXRZFY

Социальное государство в России: новая повестка дня

Владимир Ильич Пештнев¹, Галина Николаевна Краснова²

¹Доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им.

К. Д. Ушинского», г. Ярославль

²Старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль

¹keu08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6367-7651>

²g.krasnova@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0001-9804-2679>

Аннотация. Сращивание пандемии и рецессии формирует новые тренды и чрезвычайную повестку дня социального государства в России. Рекомбинация социальных функций подготовлена и конституционной реформой 2020 года, которая, во-первых, осуществила детализацию ст. 7 Конституции (социальное государство) и, во-вторых, закрепила принципы социальной справедливости, цивилизации государства и общества. На эти вызовы власть оперативно отреагировала антикризисным планом на трехлетку (2020-2022 гг.), с помощью которого предполагается переломить негативные тренды и выйти на деэскалацию бедности. Поэтапно адаптировать экономику России к рецессии, осуществить восстановительный рост (до уровня 2019 г.) и выйти на новые рубежи развития и благосостояния. В рамках этой стратегии власть оказывает помощь и содействие: а) семьям с детьми, безработным и малообеспеченным, созданию новых рабочих мест; б) малому и среднему предпринимательству; в) системообразующим предприятиям (налоговые льготы, инвестиции, сохранение занятости и др.). В статье рассмотрен феномен социального государства с выделением наиболее познавательных идей, высказанных до и после конституционной реформы 2020 года. Показаны диверсификация и интенсификация социальной миссии государства в России, условия продвижения к социальному контракту с участием ответственного бизнеса и активных граждан (новых партнеров). Обозначены контуры прекариата в России (группы с шатким социально-

экономическим положением), обоснована необходимость растущих вложений в человеческий капитал (медицина, образование, культура и спорт). Социальные ассигнования и инвестиции необходимы до и после выборов 2021 года при любых темпах экономического роста.

Ключевые слова: социальное государство; трансформация экономики и общества; конституционная реформа; гуманизация общества; политические перемены; антикризисная реформа; пандемия

Для цитирования: Певтиев В. И., Краснова Г. Н. Социальное государство в России: новая повестка дня // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 48-60. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-48-60>. <https://elibrary.ru/yxrzfy>.

Original article

The social state in Russia: a new agenda

Vladimir I. Peftiev¹, Galina N. Krasnova²✉

¹Doctor of economics, professor at the Department of economic theory and management, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

²Senior lecturer at the Department of economic theory and management, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

¹keu08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6367-7651>

²g.krasnova@yspu.org✉, <https://orcid.org/0000-0001-9804-2679>

Abstract. The pandemic and recession convergence is shaping new trends and an extraordinary agenda for the social state in Russia. The recombination of social functions was also prepared by the constitutional reform of 2020, which, firstly, carried out the detailing of Article 7 of the Constitution (social state) and, secondly, it established the principles of social justice, the civilization of the state and society. The authorities responded to these challenges by developing an anti-crisis plan for the next three years (2020-2022), which is expected to break the negative trends and help achieve de-escalation of poverty, gradually adapt the Russian economy to the recession, restore growth (up to the level of 2019) and reach new frontiers of development and prosperity. As part of this strategy, the authorities help and assist: a) families with children, the unemployed and low-income people, and the creation of new jobs; b) small and medium-sized businesses; and c) systemic enterprises (tax benefits, investment, maintaining employment, etc.). The article examines the phenomenon of the social state, highlighting the most informative ideas expressed before and after the 2020 constitutional reform. The authors show diversification and intensification of the social mission of the state in Russia, the conditions for moving towards a social contract involving responsible business and active citizens (new partners). The contours of the precariat in Russia (groups in a precarious socio-economic situation) are outlined, and the need for increasing

investment in human capital (medicine, education, culture, and sports) is substantiated. Social provisions and investments are needed before and after the 2021 election whatever the rate of economic growth.

Key words: social state; economic and social transformation; constitutional reform; humanization of society; political change; anti-crisis reform; pandemic

For citation: Peftiev V. I., Krasnova G. N. The social state in Russia: a new agenda. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):48-60. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-48-60>. <https://elibrary.ru/yxrzfy>.

Введение

Пандемия коронавируса и глобальная рецессия приглушили на время международный и общероссийский резонанс на конституционную реформу 2020 года. Эта реформа являет собой оптимальный компромисс между полярными общественными запросами в России: на *стабильность* и на *перемены*. [Петухов, 2018]. Конституционные поправки к тексту 1993 г., надеемся, внесут весомый вклад в трансформацию экономики и общества России. Инициатива Президента В. В. Путина, одобренная общенародным голосованием, опередила самые смелые ожидания оппозиции и даже конституционалистов (например, новеллы по формированию Правительства и его отчетности перед Государственной думой). Особо ценными, на наш взгляд, представляются новации в ст. 7 Конституции о *социальном государстве*. Ее детализация прописана в разделе 1, гл. 1 ст. 7, п. 1 и ст. 75. Речь идет о таких, конституциональных началах, как сбаланси-

рованность прав и обязанностей, социальное партнерство, солидарность, адресность социальной поддержки и др.

Социальному государству в России предстоит найти и реализовать достойные ответы на старые и новые вызовы: первые – от системного кризиса глобализации, а вторые – от пандемии и рецессии. Наложение этих вызовов друг на друга осложняет социально-экономическую ситуацию и требует от социально-политических партнеров согласованных и нестандартных решений: 1) сохранение здоровья и жизни граждан России и соответственно увеличение продолжительности жизни; 2) создание новых рабочих мест (НРМ), технологичных, с достойной заработной платой и внушительным социальным пакетом; 3) гарантии жизнестойкости малому и среднему бизнесу (МСБ), весомому компоненту среднего класса – носителю общественной устойчивости; 4) диверсифицированная и перманентная помощь семьям с детьми и станов-

ление значимой по масштабам индивидуально-семейной собственности на землю, недвижимость, материальные и финансовые активы. Эти приоритеты заслуживают, на наш взгляд, самого пристального и взвешенного внимания, без крайностей политико-идеологического порядка.

Тема статьи предполагает разумные самоограничения, направленные на фиксацию авторских гипотез и рекомендаций с конструктивным потенциалом. Этой цели будут способствовать содержательные рубрики по ходу исследования и заявленная библиография с акцентом на новейшие публикации.

Статус и дилеммы социального государства

Феномен социального государства относится к компетенции ведущих социо-гуманитарных наук. Выделим наиболее познавательные идеи и наблюдения, высказанные до и после конституционной реформы 2020 года.

Председатель Конституционного Суда (КС) В. Д. Зорькин по этой и близкой проблематике высказывался неоднократно для правоведов и философов, а также и в «Российской газете» (9.10.2018) для широкой публики. Самыми актуальными, по нашему мнению, представляются следующие идеи: Конституция как *правовой интегратор* российского общества [Зорькин, 2018], эта миссия целиком и полностью относится и к социальному

государству; *справедливость* – императив цивилизации права [Зорькин, 2019], основополагающий принцип и для социального государства. В. Д. Зорькину принадлежит метафора – живая конституция.

Н. С. Бондарь (член КС), сопоставляя идеалы и реальность, призывал отказываться от политических иллюзий и руководствоваться юридическим прагматизмом [Бондарь, 2018], что является своевременным предупреждением для законодателей и политиков-популистов. Животворна и сегодня заповедь (духовное завещание) К. Маркса: «Право не может быть выше, чем *экономический строй* и обусловленное им *культурное развитие* общества» [Маркс, 1959, с. 21]. В новейшей публикации Н. С. Бондарь систематизирует актуальные вызовы праву (*экономике и социальному государству* – В. П., Г. К.). Вызовы эпохальные, рубежные: А) Источник перемен – глобализация (международное право) или суверенитет государства (национальное законодательство)? Б) Глобальный дефицит конституционного равенства (рецидивы ограничений и запретов) и – особо – фактическое неравенство возможностей. В) Деформация социокультурных и нравственно-этических начал в праве и обществе [Бондарь, 2020]. Сказанное является оптимальным (скорее приемлемым) сочетанием экономического прагматизма и социальной справедливости – приоритет первого по-

рядка для текущего и последующих десятилетий XXI века.

Социологи и политологи активно обсуждают достижения и упущения социального государства в Европе и России. Г. Ю. Канараш отвергает пессимистический вывод об эрозии (даже разложении) «государства благосостояния». В ЕС речь идет о другом – о модернизации и адаптации социального союза. Достигнут консенсус всех партий (правящих и оппозиции) относительно предложения социальной политики, но с учетом глобальных факторов неравенства: а) массовая безработица; б) сжатие среднего класса и диффузия прекариата (социумов с шатким текущим статусом); в) пандемия и рецессия. Европейское общество движется к консолидированной *социал-демократии, без крайностей* левых и правых партий. По мнению политолога из Института философии РАН, продолжают эстафету социального государства *бизнес с социальной ответственностью и самореализация* индивидов [Канараш, 2020].

Что же касается России, то позиции ученых и журналистов расходятся. С. А. Кравченко придерживается концепции «травмы» для постсоветских обществ. «Травмы» в России, по С. А. Кравченко, происходят и укореняются под воздействием многих факторов: а) последствия рыночных преобразований; б) недоверие к власти; в) ностальгия по прошлому; г) апатия к настоящему; д) неизвестность бу-

дущего. С. А. Кравченко без критики цитирует диагноз «болезни» социологии: «Социология – это наука XX века, ушедшая в прошлое, потому что не вписалась в новое время» [Кравченко, 2020, с. 62].

Еженедельник «Эксперт», орган деловых кругов, посвятил свою редакционную статью «Преодоление немоты» акциям протеста в России, Белоруссии и Европе. Выводы еженедельника: акции протеста – следствие радикализации популизма, новое поле боя. Населению больше не нужен «уютный центризм». В другой статье того же номера «Черный лебедь политической системы» описан феномен «А. Навального» (популист от несистемной оппозиции), а также появление новых партий с нетривиальными программными лозунгами, таких как «Новые люди» (А. Нечаев) и «За Правду» (З. Прилепин). Приводится и позиция философа – диссидента Бориса Межуева: «Несистемная оппозиция будет успешна, только если начнет работать на левом фланге» (Эксперт, 2020, с. 11). Политический дизайн в России на пороге рекомбинации.

Концептуальные идеи высказывают и «нейтральные» аналитики: «юридические формулировки успешнее, когда они основаны на уже существующей практике» [Исаев, 2020, с. 5]; Н. И. Лапин называет две функции социального государства: 1) защита «слабых»; 2) *гуманизация человека* [Лапин, 2019]. В. Д. Зорькин для «Российской газеты»: «Достойная жизнь и свобод-

ное развитие человека еще без *адекватного* теоретического осмысления» [Российская газета, 2018, 9 октября]. В этих кратких, но емких формулировках очерчены контуры полузабытых пространств изучения социального государства.

К проблематике социального государства подключились и экономисты. Тандем *Бузгалин – Колганов* видит решение глобальной рецессии в векторе *социализации* по двум направлениям: 1) прямая селективная (с выделением категорий работников) общественная поддержка лишавшихся работы лиц и их семей в достаточных масштабах и 2) прямая и/или косвенная общественная помощь частному сектору. Авторы рассматривают три базовых варианта действий по адресам выделяемой общественной помощи: «а) целевое выделение средств собственникам предприятий; б) выплаты пособий работникам для поддержания производства; в) та или иная форма компромисса между первыми двумя вариантами» [Бузгалин, 2020, с. 151-152]. Если отвлечься от фразеологии «критического марксизма», то пакет сценариев антикризисного плана в целом очерчен верно. Оставляем открытым вопрос, какой маршрут («дорожную карту») выберет Россия.

Власть и оппозиция в социальной политике России

Рыночная экономика – самая динамичная и предельно противоречивая система хозяйства. Её органические «провалы» в странах со зрелыми рынками (безработица, экология, социальное жилье, бедность) фиксируются с середины XX в. Кризисы пытаются минимизировать (например, в Северной Европе) высокими налогами и бюджетными ассигнованиями для пенсионеров, инвалидов, семей с детьми, малообеспеченных. Но социально-рыночное хозяйство не снимает полностью свои ограничения из-за верховенства в отдельных странах «неолиберального авторитаризма» (Ханафи) [Ханафи, 2020, с. 5]. Часть этих проблем унаследовала и постсоветская Россия, еще не завершившая период первоначального накопления капитала. Гримасы и скандалы доцивилизованной рыночной экономики предвосхищены К. Марксом в первом томе «Капитала» (очерк о колонизации). Социально-экономическое неравенство в России подтверждается статистикой (см. табл. 1) и наблюдениями социологов [Горшков, 2020]. За финансовую трехлетку предполагается переломить негативные тренды и выйти на деэскалацию бедности.

Таблица 1.

Масштабы материального неблагополучия в России

Индикаторы		2018	2019	2020 (II квартал)
1. Население с доходами ниже прожиточного минимума (ПМ) в процентах от общей численности населения				
Россия		12,6	12,3	13,5
Ярославская область		10,2	10,3	—
2. Безработные, %				
Россия		4,8	4,6	4,6
Ярославская область		3,9	4,8	4,7
3. Аварийный жилищный фонд, тыс. кв. м				
		2014-2018	2019	2020
Расселено	Россия	10 857,17	—	8,80
	Ярославская область	136,89	4,02	5,48
Общая площадь, подлежащая расселению (целевой показатель)	Россия	—	140	1 000
	Ярославская область	—	1,28	9,19

Источник: Росстат (авторская сводка данных)

За II квартал 2020 г. население с доходами ниже прожиточного минимума увеличилось, безработные – остаются на уровне предыдущего года. По данным Росстата, можно видеть, что информация по аварийному и ветхому жилищному фонду неполная, потому что сопоставить данные нет возможности.

За весну-лето 2020 г. по поручению президента федеральное правительство вместе с губернаторами и министрами «точно» выделяло ассигнования и укрепляли инструменты поддержки: 1) семьям с детьми и безработным; 2) малому и среднему бизнесу, пострадавшему от пандемии и рецессии и 3) системообразующим предприятиям (более 1 тыс.). Обновленная Конститу-

ция дала старт пакету начинаний с целью качественного преобразования институтов социального государства в России. Выделим наиболее новаторские из них. Прежде всего это срочная ипотека для семей с детьми с льготной ставкой в 6,5 % с возможностью продления. Продвигаются сельская ипотека, специальные программы (сельский доктор/учитель).

Для пополнения бюджета социальной направленности устанавливается повышенная ставка НДФЛ для граждан с годовым доходом свыше 5 млн руб. Налог целевой – на лечение больных детей. Возможны вычеты из базового дохода для налогообложения с целью поощрения социальных вложений.

Социальную направленность несет включение местного самоуправления в федеральную консолидированную финансовую систему с гарантиями инвестиций и бюджетных трансфертов в обустройстве территорий, выделение грантов победителям конкурсов малых и средних городов, особо – с объектами исторического и культурного наследия.

Социальный контракт – это новое слово в социальной политике России. Эта институция предполагает взаимные и приемлемые права и обязанности власти, бизнеса и граждан по соблюдению законов и порядка во имя всеобщего блага. Содержательное наполнение социального контракта и его правовой статус потребуют времени и терпения сторон.

В условиях массовой безработицы было бы своевременным и правильным решением установление минимальной часовой оплаты труда после консультации с профсоюзами (ФНП) и бизнесом (РСПП, Деловая Россия и др.). В ЕС и США такие нормативы снижают напряженность и конфликты между работодателями и лицами наемного труда (ЛНТ). Такая новелла должна быть включена в Трудовой кодекс (ТК) России.

Системная оппозиция жаждала реванша на выборах в Государственную думу России. Ее инициативы в социальной сфере следовали одна за другой, как правило, бюджетно-налоговые и образовательные. Традиционные партии России («долго-

жители» – КПРФ, ЛДПР, СР) были окрылены конституционными поправками и локальными успехами на осенних выборах 2020 г., которые позволяют им претендовать на участие во власти и потеснение позиций «ЕР». Партии-новички запомнились институциональными новациями: «Новые люди» (ротация и омоложение кадров; кадры решает все), а партия *З. Прилепина* – заботой о поколении «дети войны».

Наступившее десятилетие – это время автономизации, диверсификации и интенсификации социальных пособий, льгот и временных выплат. Пробивает себе путь самостоятельный подход к социальной политике – по поколениям. Руководство России видит главного приобретателя – *детей*, будущее нации. Социологи и психологи призывают учитывать запросы поколения Z (от 15 до 25 лет).

Социальная политика России находится под влиянием, с одной стороны, социальных достижений глобализации и конструктивной оппозиции внутри страны – с другой. В конкуренции моделей социального государства полезен опыт Евросоюза, который вводит стандарты материального благополучия с медианными значениями (средние величины самого многочисленного социума – страты).

Наступил момент для пересмотра критериев определения прожиточного минимума (ПМ), минимального размера оплаты труда за месяц (МРОТ), бюджетной корзи-

ны на научной основе и при общественном консенсусе (согласии). Задача нелегкая, но нетерпящая отлагательств.

Новые партнеры социального государства

Финансово-материальные ресурсы государства на социальные цели всегда ограничены. Никакие «подушки безопасности» не покроют расходы для нуждающихся в период пандемии и рецессии. В такой ситуации государство обращается к человеческой солидарности ответственного бизнеса и неравнодушных граждан. Социальные институты возникают сначала по призыву власти и зову сердца, а затем получают официальное и общественное признание. Так было с общественными палатами, советами при министерствах и ведомствах. Общероссийский народный фронт (ОНФ), созданный по инициативе Единой России, перерос партийные рамки и вовлекает в свои ряды тысячи беспартийных. Волонтеры оказались незаменимыми помощниками медперсонала и социальных служб. Новые партнеры социального государства со временем добивались *институционализации* по всем слагаемым (установления, учреждения, кадры). Каждый социальный институт проходит турбулентный путь рассеянной самоидентификации к внедрению организационного начала и, наконец, интеграции или оппозиции с властью. Интеграция здоро-

вых сил нации должна получить оформление в *социальном контракте* (проект Президента РФ). Как его интерпретирует федеральная власть, оппозиция (системная и несистемная) и научное сообщество?

Социальный контракт для власти – это не замена пособия по безработице, а инструмент вовлечения лишившихся дохода в общественно-полезную деятельность по изготовлению благ и выполнению работ, имеющих устойчивый спрос. В первую очередь он предназначен для самозанятых и владельцев личного подсобного хозяйства (ЛПХ). На три года выделяется 116 млрд руб. Пособие могут получить 400 тыс. семей. Необходима регистрация дохода в семьях ниже прожиточного минимума.

Поддерживая в основном текущие и чрезвычайные меры власти, оппозиция и гражданское общество обращают внимание на неохваченные социальной политикой категории граждан, а они многочисленны:

- население моногородов (более 400), депрессивных территорий, зон экологического неблагополучия;
- малые народы и этнические группы Заполярья, тундры, селения в горной местности;
- дети войны, детдомовцы, бездомные.

Среда обитания может и должна стать удобной, чистой и цивилизованной; ее приведут в приемлемый порядок лишь в полном согласии власти, бизнес и граждане, то есть

официальные и самоинициативные партнеры социального государства.

Заключение

К осени 2020 г. Россия завершила адаптацию к пандемии и рецессии. Началось восстановление экономики и противодействие сезонным инфекциям. Государству предстоит маневрировать ресурсами по многим направлениям. Самые сложные и ответственные из них: а) пособия безработным и семьям с существенными потерями доходов; б) поддержка пенсионеров (индексация на 6,3 %), в том числе и тех, кто подрабатывал в «переменные» времена; в) содействие «контуженым» отраслям и бизнесам; г) точечные (селективные) льготы прорывным технологиям и производствам. Иными словами, прекариат (шаткое положение) становится всеобщим феноменом современной эпохи после серии кризисов, а не только в сфере занятости [Тощенко, 2020].

Современное социальное государство напоминает многогранник, стороны которого автономны, пограничны и коммуникативны по периметру и внутри пространства. Усложнение его функций просматривается не только и не столько по индикаторам материального благополучия, но и по всем слагаемым экзистенциального бытия человека как личности с *самоидентификацией* к себе, другим и к социуму. Для России достойные стандарты жизни включают: а) качественные и безопасные дороги (особенно –

местные); б) комфортное жилье (ветхое и аварийное должно исчезнуть из быта и лексикона); в) разветвленная социальная инфраструктура (детсад, школа, поликлиника, стоянки и гаражи, парки и скверы, музеи и театры и др.). Предстоит вернуться к растущим вложениям в человеческий капитал (медицина, образование, культура, спорт и др.).

Модернизация социальной жизни, полагаем, будет протекать и по ее субъектам. Партнерами-конкурентами власти становятся ответственный бизнес и динамичные граждане. Игнорирование этих актеров губительно для политической элиты старой закалки. В Евросоюзе это поколение политиков не может взять под контроль акции протеста *недовольных* существующими порядками. Ожидаем реконфигурации политического ландшафта после выборов 2021 года [Пефтиев, 2019]. Важно быть готовыми и к политическим переменам в России.

Гражданское общество – это инициативы пассионарного меньшинства. Тандем пандемия-рецессия продемонстрировал неготовность многих россиян к самодисциплине, соблюдению правил безопасности. Часть российского бизнеса *ждет*, а не действует, ждет финансовой щедрости и правовых послаблений от государства. В час невзгод и испытаний самое действенное лекарство – жизненный порыв всех и каждого (А. Бергсон).

Порыв и солидарность, надеемся, цивилизацию государства и общевосстановят экономику, обеспечат ста.

Библиографический список

1. Бек Ульрих Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации / пер. с нем. Москва : Прогресс – традиция, Территория будущего, 2007. 464 с.
2. Байков В. Н. О критериальной идентификации российских средних классов / В. Н. Байков, Е. В. Одинцова, В. Г. Квачев // Социс. 2019. № 4. С. 118-128.
3. Бондарь Н. С. Конституция России в условиях глобальных перемен // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 18-32.
4. Бондарь Н. С. «Вечные» идеалы: насколько они неизменны в изменяющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20-34.
5. Бузгалин А. В. Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социс. 2020. № 8. С. 145-156.
6. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социс. 2019. № 11. С. 3-17.
7. Зорькин В. Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 5-17.
8. Зорькин В. Д. Справедливость – императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 15-25.
9. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября.
10. Исаев Н. И. Технология интересов: «рынки власти» как сети // История государства и права. 2020. № 1. С. 3-10.
11. Канараш Г. Ю. «Незачем резать курицу, несущую золотые яйца»: социальное государство и его трансформации в начале XXI в. // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 51-60.
12. Кравченко С. А. Социологическая теория травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социс. 2020. № 4. С. 60-69.
13. Маркс К. Критика готской программы. Москва : Госполитиздат, 1959. 40 с.
14. Основы социального государства и гражданского общества : учебное пособие / сост.: С. А. Бабуркин, В. П. Басков, А. В. Гаврилов, О. В. Епархина, В. И. Пефтиев, С. Л. Таланов. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 99 с.
15. Петухов В. В. Динамика социальных настроений и формирование спроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40-55.
16. Ханафи С. Глобальная социология: навстречу новым направлениям // Социс. 2019. № 8. С. 3-7.
17. Пефтиев В. И. Политические перемены в России: оценки и ожидания // Социально-политические исследования. 2019. № 3(4). С. 5-16.
18. Тощенко Ж. Т. Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социс. 2020. № 8. С. 3-12.

Reference list

1. Bek Ul'rih. Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizacii = Authorities and their opponents in the age of globalization / per. s nem. Moskva : Progress – tradicija, Territorija budushhego, 2007. 464 s.
2. Bajkov V. N. O kriterial'noj identifikacii rossijskih srednih klassov = On the criterion identification of the Russian middle classes / V. N. Bajkov, E. V. Odincova, V. G. Kvachev // Socis. 2019. № 4. S. 118-128.
3. Bondar' N. S. Konstitucija Rossii v uslovijah global'nyh peremen = Russia's Constitution in the context of global changes // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 12. S. 18-32.
4. Bondar' N. S. «Vechnye» idealy: naskol'ko oni neizmenny v izmenjajushhimsja mire? = “Eternal” ideals: how unchangeable are they in a changing world? // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 6. S. 20-34.
5. Buzgalin A. V. Rynok i sobstvennost': social'no-jekonomicheskie uroki pandemii = Market and property: social and economic lessons of the pandemic / A. V. Buzgalin, A. I. Kolganov // Socis. 2020. № 8. S. 145-156.
6. Gorshkov M. K. O social'nyh rezul'tatah postsovetskih transformacij = On the social results of the post-Soviet transformations // Socis. 2019. № 11. S. 3-17.
7. Zor'kin V. D. Konstitucija RF – pravovaja osnova integracii rossijskogo obshhestva = The Constitution of the RF as the legal basis for the Russian social integration // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 12. S. 5-17.
8. Zor'kin V. D. Spravedlivost' – imperativ civilizacii prava = Justice as an imperative of civilizing the law // Voprosy filosofii. 2019. № 1. S. 15-25.
9. Zor'kin V. D. Bukva i duh Konstitucii = The letter and spirit of the Constitution // Rossijskaja gazeta. 2018. 9 oktjabrja.
10. Isaev N. I. Tehnologija interesov: «rynki vlasti» kak seti = The technology of interests: “markets of power” as networks // Istorija gosudarstva i prava. 2020. № 1. S. 3-10.
11. Kanarash G. Ju. «Nezachem rezat' kuricu, nesushhuju zolotyje jajca»: social'noe gosudarstvo i ego transformacii v nachale XXI v. = “No reason to cut the hen that lays golden eggs”: the welfare state and its transformations at the beginning of the XXI century // Sociologicheskie issledovanija. 2020. № 6. S. 51-60.
12. Kravchenko S. A. Sociologicheskaja teorija travmy: diskurs v sovremennoj teoreticheskoj sociologii = Sociological theory of trauma: discourse in contemporary theoretical sociology // Socis. 2020. № 4. S. 60-69.
13. Marks K. Kritika gotskoj programmy. Moskva : Gospolitizdat, 1959. 40 s.
14. Osnovy social'nogo gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva = The basics of the welfare state and civil society: uchebnoe posobie / sost.: S. A. Baburkin, V. P. Baskov, A. V. Gavrilov, O. V. Eparhina, V. I. Peftiev, S. L. Talanov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 99 s.
15. Petuhov V. V. Dinamika social'nyh nastroenij i formirovanie sprosa na peremenny = The dynamics of social attitudes and the formation of demand for change // Socis. 2018. № 11. S. 40-55.
16. Hanafi S. Global'naja sociologija: navstrechu novym napravlenijam = Global sociology: towards new directions // Socis. 2019. № 8. S. 3-7.

17. Peftiev V. I. Politicheskie peremeny v Rossii: ocenki i ozhidaniya = Political change in Russia: assessment and expectations // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. № 3(4). S. 5-16.

18. Toshhenko Zh. T. Prekarnaja zanjatost' – fenomen sovremennoj jekonomiki = Precarious employment as a phenomenon of modern economy // Socis. 2020. № 8. S. 3-12.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 01.04.2022; approved after reviewing 26.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022

Научная статья
УДК 392:008(510)
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-61-72
EDN: YIMZGD

**Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного
в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.)**

Анна Анатольевна Забияко^{1✉}, Е Янян²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и МХК ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», г. Благовещенск

²Аспирант кафедры литературы и МХК ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», г. Благовещенск

¹sciencia@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²yanyan.ye@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2619-1506>

Аннотация. В статье исследуются сюжет народной сказки о поедании женьшеня и вознесении к Бессмертному, возникший в начале XVII в., собранный и опубликованный в северо-восточном журнале «Цилинь» (Маньчжу-Диго) в 1943 г., и его рецепция в современной китайской культуре и науке. Фитолатрия как неотъемлемая черта религиозного сознания северо-восточного населения Китая неотделима от целительных характеристик самого женьшеня. С древности люди наделяют женьшень чудодейственными качествами, среди которых – обретение бессмертия в результате поедания корня. Фитолатрия связана с анимизмом и антропоморфизмом – в сказках, преданиях и легендах Северо-восточного Китая чудо-корешок обретает человеческий облик, превращаясь в антропоморфного духа (младенца, мальчика в набрюшнике, Мудрого Старца или Прекрасной Девы), дарующего бессмертие достойному. Только особенный человек, чтящий Закон тайги, удостоивается подобной благодати. Данная публикация восполняет лакуны в фольклористике Северо-востока Китая, в 40-е годы прошлого века развивающейся вопреки японской оккупации, а иногда зачастую под протекцией прояпонских изданий. Авторы приходят к выводу, что анализу «экспедиционной сказки» 1943 г. позволяет проследить непрерываемую связь развития фольклорного образа женьшеня в китайской культуре с древности до

© Забияко А. А., Е Янян, 2022

---

*Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного
в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.)*

почти сегодняшних дней, отражающую синкретизированные религиозные представления жителей многонационального Северо-востока, а данный текст и его публикация отражают неизвестные и противоречивые страницы собственно китайской фольклористики, до сегодняшнего дня до конца не изученные. В целом же данные материалы в совокупности с русскими научными, фольклорными и художественными текстами создают общий текст дальневосточной художественной этнографии.

Ключевые слова: образ женьшеня; Закон Тайги; фитолатрия; анимизм; антропоморфизм; няньхуа; мальчик с набрюшником; восхождение на небо; обретение бессмертия

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)»

Для цитирования: Забияко А. А., Е Янян Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.) // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 61-72. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-61-72>. <https://elibrary.ru/yimzgd>.

PHILOLOGY

Original article

The story of eating ginseng and the ascension of the Immortal in the “Folk Tale of Ginseng” (Qilin magazine, 1943)

Anna A. Zabayako¹, E Yanian²

¹Doctor of philology, professor, head of the Department of literature and history of world arts at Amur State University, Blagoveshchensk

²Post-graduate student, the Department of literature and history of world arts at Amur State University, Blagoveshchensk

¹sciencia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²yanyan.ye@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2619-1506>

Abstract. This article studies the folk tale of ginseng eating and ascension to the Immortal, which originated in the early 17th century and published in the Northeastern Qilin (Manchu-Digo) magazine in 1943, and its reception in modern Chinese culture and science. Phytolatriy as an inherent feature of the north-eastern Chinese religious consciousness is inseparable from the healing characteristics of ginseng itself. Since ancient times, people have attributed miraculous qualities to ginseng, among them gaining immortality by eating the root. Phytolatriy is associated with animism and anthropomorphism – in fairy tales, myths and legends of Northeast China, the miracle root takes on human

form, turning into an anthropomorphic spirit (a baby, a boy in a girdle, a Wise Old Man or a Beautiful Virgin) that gives immortality to the worthy. Only a special person, who honors the Taiga Law, is honored with this kind of grace. This publication fills the lacunae in the folklore studies of northeast China, which in the 1940s was developing in spite of the Japanese occupation, and often under the patronage of pro-Japanese publications. The authors conclude that the 1943 analysis of the “expeditionary tale” allows to trace the continuous development of the ginseng folklore image in Chinese culture from ancient times to almost the present day, reflecting the syncretized religious views of the multinational North-East residents, while this text and its publication reflect the unknown and controversial pages of Chinese folklore proper, not yet fully explored to this day. On the whole, these materials together with Russian scientific, folklore, and literary texts create an overall context of Far Eastern literary ethnography.

Key words: image of ginseng; Taiga Law; phytolatry; animism; anthropomorphism; nyanhua; boy in a girdle; ascent to heaven; acquiring immortality

The research is supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00318 “Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s – 1940s. XX century)”

For citation: Zabiyaکو A. A., E. Yanyan The story of eating ginseng and the ascension of the Immortal in the “Folk Tale of Ginseng” (Qilin magazine, 1943). *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):61-72. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-61-72>. <https://elibrary.ru/yimzgd>.

Женьшень на северо-востоке Китая – растение абсолютно уникальное, наделяемое чудотворными свойствами, вокруг которых сформировалась особая мифологическая система представлений. Подобное обожествление корня жизни – проявление фитолатрии (Фитолатрия (культ растений) – почитание растений, имеющих хозяйственное значение для человека. В различных культурах встречается множество священных растений: лотос, бам-

бук, рис, кокос, маис и т. п. Причинение вреда таким растениям часто расценивались как святотатство и приравнивалось к убийству человека. В религиозной ментальности дальневосточного фронта священным растением предстаёт женьшень), одной из форм религиозного синкретизма жителей дальневосточного фронта [Конталева, 2017; Забияко, 2015]. Самыми непосредственными носителями знания об онтологии женьшеня яв-

Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.)

ляются таежные жители. В первой половине XX века они могли быть любой национальности – маньчжурами, китайцами, корейцами, монголами, русскими. Объединяющим и регламентирующим их жизнь установлением служил свято чтимый всеми таежниками Закон Тайги [Забияко, 2016]. Женьшень является хорошо известным ценным лекарственным материалом и признан королем трав в мире [孙文采, 王嫣娟, 1994, с. 1].

Особое место среди таёжников занимают искатели женьшеня (тоже вне их этнической принадлежности). Наряду с тигром, священными местами (особыми локусами проявления *священного*) женьшень относится ими к разряду священных объектов «Шу-Хая» – «Лесного моря». Если тигр является зооморфным воплощением Горного и Лесного Духа, то женьшень – его растительная эманация [Забияко, 2016]. Ему посвящены молитвы, сопровождаемые определенными ритуалами. Н. А. Байков, много времени уделивший исследованию таежной мифологии, обращенной к женьшеню, приводил следующие сведения: «По понятиям китайцев, только чистый, непорочный человек может найти “корень жизни”. Для человека порочного и безнравственного это недоступно, так как от такого человека растение исчезает, и корень глубоко уходит в землю, горы начинают колебаться и лес стонать, из зарослей выходит грозный владыка тайги, хранитель

женьшеня – тигр, – и разрывает не-удачливого искателя. Найдя дорогое растение, искатель бросает в сторону палку, закрыв глаза рукою, падает ниц на землю и произносит молитву для умиловления божества. Молитва эта приблизительно гласит: Великий дух, не уходи! Я пришёл сюда один с чистым сердцем и душой, освободившийся от грехов и злых помышлений. Не уходи! После этой молитвы искатель решается взглянуть на открытое им растение» [Байков, 1934, с. 27].

Образы женьшеня, описание сопровождающих его культов, образы собирателей этого чудодейственного корня и охотников на женьшеньщиков, сюжетные коллизии, связанные с их взаимоотношениями занимают знаковое положение в семиозисе научной и художественной этнографии русской дальневосточной литературы и русского беженства в Китае [Забияко, 2016, с. 21–57]. Долгое время в исследовании художественной рефлексии образа женьшеня мы опирались исключительно на русские источники, оставленные учеными-натуралистами (Н. А. Байков), этнографами (В. К. Арсеньев, П. В. Шкуркин) и писателями (М. Щербаков, Б. Юльский и др.). Парадокс заключался в том, что традиционную мифологию и фольклор жителей северо-восточных земель собирали и исследовали русские эмигранты – по большому счету, чужаки на этих землях. Опираясь не только на полевые иссле-

дования, но и на переводы европейских трудов по Китаеведению и китайской медицине, они создавали в определенном смысле адаптированный с точки зрения российской художественной традиции тексты.

Китайская традиционная медицина весьма активно исследовала женьшень, его целебные свойства – этому посвящено множество трактатов и научных исследований. Например, в самой ранней из существующих монографий традиционной китайской медицины «Травник Шэнь-нуна» («神农本草经») («Травник Шэнь-нуна» – самый ранний из сохранившихся трактатов по фармакологии в Китае. «Травник Шэнь-нуна» был написан во времена династии Восточная Хань (25–220 гг. н. э.). Это был компендиум, создаваемый на основе хроникального способа многими учеными-медиками династий Цинь и Хань, которые суммировали, собирали и разбирались в результатах фармакологического опыта того времени. Это было первое систематическое изложение китайской фитотерапии) написано: «Женьшень сладкий, питает пять внутренних органов, успокаивает дух, успокаивает душу, улучшает зрение и улучшает интеллект. Гарантирует долгую службу, продлевает жизнь. Одно название, «Рен Сянь» (人衔), другое название «Гуй Гай» (鬼盖), растет в долине» (人参,味甘微寒,主补五脏,安精神,定魂魄,止惊悸,除邪气,明目,开心,益智。久服,轻身延

年。一名人衔,一名鬼盖。生山谷。) [顾观光, 2007, с. 21]. и в «Компендиуме лекарственных веществ» («本草纲目») («Компендиум лекарственных веществ» был опубликован в 1593 году. Это всемирно известный шедевр фармакологии и медицинский шедевр, систематически обобщающий многолетний опыт китайских трудящихся в борьбе с болезнями. Поскольку Ли Шичжэнь долгое время жил среди людей, за десятилетия медицинской практики он лично много раз ездил в горы за лекарствами и консультировался с крестьянами, охотниками, рыбаками, лесорубами, лекарями и монахами) известного фармацевта Ли Шичжэня (李时珍): «Женьшень долго растет, после того, как вырастет похож на человека, поэтому его называют женьшенем, волшебной травой» (人漫年深,浸渐长成者,根如人形,有神,故谓之人漫,神草。) [李时珍, 2004, с. 563].

К сожалению, к изучению образа женьшеня с точки зрения его религиозно-мифологической природы и исследованию его как источника фольклорной образности китайская наука практически не обращалась. В целом этот пробел во многом объясняется социально-политическими трансформациями в Китае конца XIX – двух третей XX в., и на Северо-востоке, в частности, горькой памятью о японском владычестве с 1931 по 1945 гг., стремлением Нового Китая начать

строительство нового государства и его институтов – с нового листа национальной независимости и с собственной культурной программой, определяемой атеистическим наследием марксизма. Все эти факторы определили проблемы становления китайской северо-восточной этнографии и фольклористики – и отсутствие материалов по устному народному творчеству данного региона. По идеологическим и вполне понятным националистическим настроениям не возникло преемственности между мощным этнографическим багажом, накопленным русскими эмигрантами-ориенталистами, японскими этнографами и теми китайскими гуманитариями, что пришли в китайские научные центры уже после образования КНР. А в годы «культурной революции» практически все имеющиеся архивные материалы были уничтожены либо утрачены – как «буржуазное» наследие «колониального прошлого». После этого самая ранняя книга о женьшене, которую начала выпускать провинция Цилинь, вышла в 1962 году – «Сказки женьшеня Фусун».

Современные архивные разыскания в китайских периодических изданиях Северо-востока – тогдашней Северной Маньчжурии – позволяют приоткрыть завесу над неизведанным пространством развития китайской культуры этого региона в суровые годы японского владычества. То, что до недавнего времени рассматривалось исключи-

тельно как результат деятельности «марионеточных» коллаборационистских сил – сегодня обретает совершенно иное значение.

Журнал «Цилинь» («麒麟») начал свою деятельность 1 июня 1941 г. и был закрыт после капитуляции Японии в августе 1945 г. Его программной установкой было стать популярным журналом, который выступал бы с целью «утешения народа» и «поддержки национальных чувств» населения. Тем не менее, дух журнала популярной литературы был в этом издании определяющим. Более половины пространства в журнале было отдано современной беллетристике – романам о любви, «истинно тайным историям», детективным, историческим и юмористическим сюжетам, а также публикациям о боевых искусствах и т. д. Ввиду отсутствия в то время изданий популярной литературы на Северо-Востоке журнал «Цилинь» по праву считается основным источником популярной литературы тех лет [刘晓丽, 2005, с. 85]. Ежемесячник литературы и искусства, который в основном публиковал произведения популярной литературы и работы по искусству, в настоящее время признан внесшим огромный вклад в дело сохранения национальной культуры [周葱秀, 涂明, 1999, с. 499].

«Народная сказка о женьшене» в журнале «Цилинь» вышла за подписью Е Фэн (野风; «Дикий ветер»)

[中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 2016, с. 388] – очевидно, под псевдонимом. В статье Лю Сяоли «Исследование литературных журналов Северо-Восточного Китая с 1939 по 1945 год» эта народная сказка классифицируется как экспедиционная (то есть собранная в результате полевых исследований – основная практика изучения фольклора в современной науке). К сожалению, не указано никаких подробностей и хронологии ее собирания. Однако мы можем понять из текста, что в нем соединились материалы местной истории, культуры, старые легенды, анекдоты и мифологические представления [刘晓丽, 2005, с. 103].

Истории о женьшене такого типа впервые появились в XVII в. В записках «Эссе династии Мин» («У Цзацзу», «五杂俎») Се Чжаочжэ (谢肇浙) династии Мин говорится: «Тысячелетний женьшень, напоминающий человеческую фигуру, часто ходит посреди ночи. Если его приготовить и съесть, его бессмертие исчезнет. Согласно легенде, в горах жили даосская монашка и ее ученик. Однажды, когда ученик черпал воду у колодца, он увидел младенца и забрал его с собой, но потом, когда он вернулся, младенец стал корнем. Даосская монашка была очень довольна и начала готовить его, но он еще не был приготовлен до конца, потому что на горе не было пряностей, поэтому она спусти-

лась с горы. Набрав пряности и травы, она не могла вернуться, потому что вода преградила ей путь. Ученик почувствовал голод и съел все, когда почувствовал аромат полуготового корня. Когда священница вернулась, ученик превратился в бога и улетел на небо» (千年人参, 根作人形, 中夜常出游, 烹而食之则仙去. 相传, 有女道士师弟二人居深山中. 一日, 其徒汲水于井畔, 见一婴儿, 抱归, 成一树根. 师大喜, 烹之未熟, 以粮尽下山, 为水阻, 不得远. 徒饥闻甑中气香美食之. 此师归, 已飞升天矣).

В «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь») главными героями являются старый монах и его ученик – А Лиан (阿莲). «Недавно здесь появился один пухленький ребенок, голый, в красном набрюшнике, и целый день играл с А Лианом» (近些日子, 来了一个胖小孩, 光着身子, 穿了一个红肚兜, 成天跟阿莲玩) [野风, 1943, с. 133]. Дудо (肚兜) – набрюшник имеет очень давнюю историю в Китае. Его функции направлены на сохранение здоровья (в основном, женщин и детей). В детском варианте – это, в первую очередь, сохранение энергии *ци*, содержащейся в желудке. Потому набрюшник обычно имеет несколько карманов – для мускуса, имбиря, других снадобий. После того, как женщина забеременеет, мать и семья ее мужа шьют набрюшник для рождения

ребенка. Это благословение и поздравление к новой жизни. Набрюшник дудо (肚兜) в основном красного цвета, поскольку в китайской культуре красный цвет является символом достоинства и силы, а также изгоняет злых духов [周丹, 2011, с. 19].

Остановимся подробнее на сюжете: А Лиану сильно досталось от старого монаха за то, что не выполнил данных ему заданий по хозяйству – потому что был сильно увлечен игрой с маленьким мальчиком. Рассердившийся монах избил своего ученика до ссадин и боли во всем теле. Поначалу монах даже и не поверил словам своего ученика. Ведь глубоко в горах, кроме старого монаха и А Лиана, не было других семей, и старому монаху появление почти голого толстяка показалось странным и удивительным. Для того, чтобы узнать правду, понять, откуда появился чудесный мальчик и как найти его местонахождение, монах придумал хитрый способ. Он дал ученику иголку с ниткой и попросил А Лиана: *«Когда вы снова начнете играть, тайком воткни эту иголку в набрюшник толстяка, он уйдет с ниткой, и нитка будет следовать за ним»* (在你们分手的时候, 求你把这一根针偷着扎到他的肚兜上, 他带着线走, 你尽管松开线车就行了) [野风, 1943, с. 135]. Так монах смог проследить путь мальчика, но, когда они дошел до конца нитки – был крайне удивлен: *«Старый монах моргнул своими*

старыми глазами, посмотрел внимательно и увидел, что нить обернута вокруг растения, с пальмовидными ветвями и листьями, маленькими белыми цветами, а листья на земле не знают, сколько под ними слоев. Очевидно, это сколько лет старому женьшеню» (老和尚眨一眨老眼, 仔细一看, 只见这线正缠着一棵植物, 伸着巴掌似的枝叶, 开着白色的小花, 贴着地面上的叶子也不知道是多少层, 分明是一株多少年的老人参) [野风, 1943, с. 136].

По следам иголки с ниткой старый монах и А Лиан нашли маленького толстяка с красным набрюшником, но теперь это был уже не маленький мальчик, а старый женьшень, который, увидев А Лиана, снова приобрел антропоморфный облик.

Женьшень наделен душой, наделен способностью действовать и говорить, и прикоснувшись к нему, раны маленького монаха смогли залечиться – такова магия женьшеня и его превосходные целебные способности: *«Толстый мальчишка быстро подбежал, улыбаясь и нежно помогая своими белыми и нежными руками. Каким-то образом его телу <ученика> сразу стало легко и комфортно, и вся боль исчезла. Они встали с земли, отряхнулись, взяли за руки, и поднялись вместе на гору»* (胖孩子很快的跑了前来, 笑嘻嘻的用那白嫩的两手轻轻一扶, 不止怎地, 身上立刻轻快, 舒服, 一些疼痛都丢

了。起来拍拍屁股，牵着手两个人一同又跳蹦地走上山头) [野风, 1943, с. 133].

Женьшень не только обладает целебной силой, но и может помочь добиться сверхъестественных результатов и стать бессмертным, о чем мечтают все. Но результат всегда один. Те, кто одержим этим стремлением, часто не может съесть женьшень, или даже выпить воду после, в которой варился женьшень. Старый монах и А Лиан выкопали женьшень, а затем положили его в кастрюлю, чтобы приготовить. В это время старый монах ушел по делам, а А Лиан не смог удержаться, слопал женьшень и налил воду в кастрюлю. На следующий день, когда старый монах вернулся, молодой монах уже вознесся на небо вместе с домом. «А Лиан, А Лиан, ты съел сокровище, ты стал богом!» (阿莲, 阿莲, 你吃了宝贝应神了!) [野风, 1943, с. 137]. Маленький монах, не имеющий и мысли съесть чудодейственный корешок, случайно съедает его и становится бессмертным. Все эти метаморфозы вызваны бесхитростностью и непорочностью мальчика, и духовными свойствами женьшеня, которые воспроизводятся из большинства легенд о женьшене. Суть сюжета о женьшене такова: в Шу-Хае действует Закон Тайги, женьшень – один из священных образов, эманация Духа Леса, и только добрые (бесхитростные)

люди могут получить благословение этого Властителя.

Те, кто съедает это растение, возносятся на небеса и становятся бессмертными. Это отражено и в современных легендах, например, в легенде о храме Сюанькун (悬空寺) – Висячем храме [山川文社]. Сюжет сказки очень похож на легенду династии Мин, но сказка о женьшене, опубликованная в журнале, богаче подробностями и описаниями – возможно, полученными в результате литературной обработки.

Видно, что с течением времени сюжетная линия в целом не изменилась, но детали стали несколько иными. В 1943 году сюжетная линия стала более развернутой. Образ женьшеня также изменился – от младенца к маленькому мальчику в красном набрюшнике. Образ маленького мальчика в красном набрюшнике является классическим изображением мальчика в искусстве новогодних картин (няньхуа) [王树村, 2002, с. 171]. Фольклорный сюжет, отраженный в рассматриваемой сказке, воссоздан в новогодней картине Лю Пэйхэна (刘佩珩) «Чудесные редкости Чанбайшаня» («长白珍奇») (1992 г.).

Основной образ картины – толстый мальчик в красном набрюшнике. Маленький пухлый мальчик несет чудодейственные продукты Цзилия – женьшень и линчжи (трутовик, ганодерма – гриб бессмертия), с легендарной горы Чан-

байшань стекает чистейшими потоками водопад. В густом лесу мальчика окружают пары (好事成双 – согласно китайской идиоме, «хорошие вещи идут парами») красноглазых (японских) журавлей, пятнистых оленей, леопардов, амурских тигров, уток-мандаринок и маньчжурский цокор, обитающие в северо-восточном регионе и занесенные в настоящее время в Красную книгу [姜彦艳, 2021, с. 24]. Единичность редчайшего представителя семейства грызунов объясняется тем, его роль в симбиотической природной цепочке неоднозначна – цокоры сильно вредят сельскому хозяйству, прорывая подземные норы. Очевидно, что символическое наполнение новогоднего ребуса (а именно так понимается смысловое содержание няньхуа) должно было принести его обладателю необыкновенное здоровье и удачу, даруемые всеми чудесами северо-восточной живительной природы. Сама же история появления данного образца няньхуа была приурочена к возрождению этого традиционного жанра народной живописи, ранее процветавшего в городке Туньюй (уезд в городе Байсангур провинции Цзилинь). В тот год няньхуа «Чуангуаньдун» стала единственной картиной на Северо-востоке, удостоенной чести дать своему городку звание «Городок современной китайской народной живописи».

Итак, благодаря разысканию и анализу «экспедиционной сказки» 1943 г. мы можем проследить непрерываемую связь развития фольклорного образа женьшеня в китайской культуре с древности до почти сегодняшних дней, в свою очередь, отражающую синкретизированные религиозные представления жителей многонационального Северо-востока. Бессмертными (высшее стремление в даосизме) в данной сюжетике становятся те, кто и не помышляет об этом – они просто по чудесному наитию хотят съесть ароматный корень. Данный сюжет о женьшене существенным образом корректирует и объясняет неясные места в российском исследовании священных образов, формирующих мифологические представления народов, проживающих на территории дальневосточного фронта и отраженных в литературном творчестве П. В. Шкуркина, Н. А. Байкова, М. В. Щербакова. Но что самое важное – данный текст и его публикация восполняют неизвестные и противоречивые страницы собственно китайской фольклористики, до сегодняшнего дня до конца не изученные. В целом же данные материалы в совокупности с русскими научными, фольклорными и художественными текстами создают общий текст дальневосточной художественной этнографии.

Библиографический список

1. Байков Н. А. В делях Маньчжурии. Харбин : Типо-хромолит. и изд-во «Офсет-Пресс» (Р.М. Бурсук), 1934. 158 с.
2. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта. Культура и литература русского Харбина. Новосибирск : Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 437 с.
3. Забияко А. П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко, А. А. Хисамутдинов. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2015. С. 3–14.
4. Конталева Е. А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей // Религиоведение. 2017. № 4. С. 62–78.
5. 抚松县文联辑 抚松人参故事选 民间故事, 抚松县文联, 1962 –页 138.
6. 顾观光 (清), 于童蒙编译, 神农本草经, 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2007 –页 44.
7. 姜彦艳 闯关东年画地域特征分析. 吉林艺术学院, 2021 –页 24.
8. 刘晓丽 1939-1945 年东北地区文学期刊研究. 华东师范大学, 2005 –页 37.
9. 李时珍 (明) 本草纲目中, 北京: 人民卫生出版社, 2004 –页 1507.
10. 山川文社 小和尚偷吃千年人参飞升成仙, 竟带着整座寺庙一块飞到了 // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677691798707976563&wfr=spider&for=pc>. (Дата обращения: 20.05.2022).
11. 孙文采, 王嫣娟 中国人参文化–北京: 新华出版社, 1994. – 页 391.
12. 王树村 中国年画史–北京: 北京工艺美术出版社, 2002. –页 296.
13. 野风人参的故事 // 麒麟, 1943(03). 132–137.
14. 周葱秀, 涂明 中国近现代文化期刊史–太原: 山西教育出版社, 1999. – 页 576.
15. 周丹 当代肚兜服饰的演变研究. 湖南师范大学, 2011–页 19.
16. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 现代汉语词典–北京: 商务印书馆, 2016.

Reference list

1. Bajkov N. A. V debrjah Man'chzhurii. = In the wilds of Manchuria. Harbin : Tipo-hromo-lit. i izd-vo «Ofset-Press» (R. M. Bursuk), 1934. 158 s.
2. Zabijako A. A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira. Kul'tura i literatura russkogo Harbina. = The mentality of the Far Eastern frontier. Culture and literature of Russian Harbin. Novosibirsk : Izdatel'stvo Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2016. 437 s.
3. Zabijako A. P. Na sopkah Man'chzhurii: russkij opyt ishoda i diasporizacii = On the Manchurian highlands: The Russian experience of exodus and diasporization // Zabijako A. A. Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v uslovijah dal'nevostochnogo frontira / A. A. Zabijako, A. P. Zabijako, S. S. Levoshko, A. A. Hisamutdinov. Blagoveshhensk : Izd-vo Amurskogo gos. un-ta, 2015. S. 3–14.
4. Kontaleva E. A. Religioznyj sinkretizm v interpretacii rossijskih i zarubezhnyh issledovatelej = Religious syncretism as interpreted by Russian and foreign researchers // Religiovedenie. 2017. № 4. S. 62–78.

5. 抚松县文联辑 抚松人参故事选 民间故事, 抚松县文联, 1962 –页 138.
6. 顾观光著 (清), 于童蒙编译, 神农本草经, 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2007 –页 44.
7. 姜彦艳 闯关东年画地域特征分析. 吉林艺术学院, 2021–页 24.
8. 刘晓丽 1939-1945 年东北地区文学期刊研究. 华东师范大学, 2005 –页 37.
9. 李时珍著 (明) 本草纲目 中, 北京: 人民卫生出版社, 2004 –页 1507.
10. 山川文社 小和尚偷吃千年人参飞升成仙, 竟带着整座寺庙一块飞到 // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677691798707976563&wfr=spider&from=pc>. (Data obrashhenija: 20.05.2022).
11. 孙文采, 王嫣娟 中国人参文化–北京: 新华出版社, 1994. – 页 391.
12. 王树村 中国年画史–北京: 北京工艺美术出版社, 2002. – 页 296.
13. 野风人参的故事 // 麒麟, 1943(03). 132–137.
14. 周葱秀, 涂明 中国近现代文化期刊史–太原: 山西教育出版社, 1999. – 页 576.
15. 周丹 当代肚兜服饰的演变研究. 湖南师范大学, 2011–页 19.
16. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 现代汉语词典–北京: 商务印书馆, 2016.

Статья поступила в редакцию 04.03.2022; одобрена после рецензирования 01.05.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 04.03.2022; approved after reviewing 01.05.2022; accepted for publication on 05.05.2022

Научная статья
УДК 82-3
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-73-88
EDN: YBOYVD

**Сравнительное изучение ранней прозы Н. В. Гоголя
и новелл Пу Сунлина: постановка проблемы**

Сунь Вэньцзюнь

Аспирант филологического факультета университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне
Китайская Народная республика, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь
sunventszyun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1903-2224>

Аннотация. В статье теоретически обосновывается сравнительное изучение книги Н. В. Гоголя «Вечера и на хуторе близ Диканьки» и сборника новелл Пу Сунлина «Описания чудесного из кабинета Ляо», а также демонстрируется пример такого анализа. Для решения этих задач предпринимается историко-теоретический обзор понятия «типологическая связь» в сравнительном литературоведении. Рассматриваются основные работы русских и зарубежных исследователей, различные теоретические концепции сравнительного литературоведения, что позволило сделать вывод о том, что в настоящее время анализ типологических связей не ограничен социальным контекстом и предполагает фундаментальное изучение поэтики отдельных авторов.

В статье демонстрируется, что равнение поэтики Н. В. Гоголя и Пу Сунлина позволяет лучше понять уникальность и своеобразие творчества каждого из них. С этой точки зрения типологическое изучение их фантастической прозы – «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Описания чудесного из кабинета Ляо» Пу Сунлина – представляется очень актуальным. В статье делается вывод, что опыт сравнительного литературоведения в изучении не связанных генетически текстов показывает возможность сопоставления произведений Гоголя и Пу Сунлина в аспекте отражения в их творчестве фантастического и народной демонологии. Перспективность изучения этой проблемы проиллюстрирована примером анализа двух текстов данных авторов. Полученные результаты позволяют полагать, что сравнительная поэтика Гоголя и Пу Сунлина позволит глубже понять своеобразие как двух этих авторов, так и русской и китайской литературы.

© Сунь Вэньцзюнь, 2022

Ключевые слова: сравнительное литературоведение; типологические связи; историческая поэтика; русская литература; китайская литература; мотив; сюжет; Н. В. Гоголь; Пу Сунлин

Для цитирования: Сунь Вэньцзюнь К проблеме сравнительного изучения ранней прозы Н. В. Гоголя и новелл Пу Сунлина // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 73-88. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-73-88>. <https://elibrary.ru/yboyvd>.

Original article

**On the comparative study of N.V. Gogol's early prose
and Pu Songling's short stories**

Sun Wenjun

Post-graduate student at the Faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University, People's Republic of China, Guangdong province, Shenzhen
sunventszyun@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1903-2224>

Abstract. The article provides a theoretical basis for a comparative study of N. V. Gogol's book *Evenings on a Farm near Dikanka* and Pu Songling's collection of short stories *Descriptions of the Miraculous from Liao's Study*, and also gives an example of such an analysis. To address these problems, the author undertakes a historical and theoretical review of the concept “typological connection” in comparative literary studies. There is a review of the main works of Russian and foreign researchers, as well as various theoretical concepts of comparative literary studies, which leads to the conclusion that the analysis of typological relations is not currently limited to the social context and involves a fundamental study of certain authors' poetics.

The article demonstrates that comparing the poetics of N. V. Gogol and Pu Songling allows us to better understand the uniqueness and originality of their work. From this point of view, the typological study of their fantasy prose – Gogol's “*Evenings on a Farm near Dikanka*” and Pu Songling's “*Descriptions of the Miraculous from Liao's Study*” – seems quite relevant. The article concludes that the experience of comparative literary studies in examining genetically unrelated texts shows the possibility of comparing the works of Gogol and Pu Songling in terms of reflecting fantasy and folk demonology in their works. The prospect of studying this problem is illustrated by the analysis of two texts by these authors. The results suggest that the comparative poetics of Gogol and Pu Songling will allow a deeper understanding of both these authors' originality as well as that of Russian and Chinese literature.

Key words: comparative literary studies; typological connections; historical poetics; Russian literature; Chinese literature; motif; plot; N. V. Gogol; Pu Songling

For citation: Sun Wenjun On the comparative study of N.V. Gogol's early prose and Pu Songling's short stories. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):73-88. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-73-88>. <https://elibrary.ru/yboyvd>.

Исследование творчества классиков русской и китайской литературы – Н. В. Гоголя и Пу Сунлина – имеет давнюю историю в соответствующих научных традициях. Произведения Гоголя изучаются с конца XIX века – в пионерских работах В. И. Шенрока и Н. С. Тихонравова; новеллистику Пу Сунлина начинают исследовать в первой половине XX века – в советской науке основание этому положил видный синолог В. М. Алексеев. Творчество русского и китайского писателя отличает интенсивная работа с фольклорным и литературным материалом, интерес к фантастике и народной демонологии, яркость красок в изображении бытовых зарисовок. Эти черты могут послужить начальным импульсом к сравнительному изучению творчества Гоголя и Пу Сунлина. Насколько нам известно, в настоящий момент не существует специальных работ, посвященных компаративному анализу их произведений. Для того чтобы обосновать возможность исследования творчества двух писателей, принадлежащих к различным культурам (имперская Россия у Гоголя и пат-

риархальный Китай эпохи Цин у Пу Сунлина), различным эпохам (первая половина XIX века и рубеж XVII–XVIII века), различным литературным традициям и жанрам (романтическая повесть и стилизации в стиле новелл *сяошо*), необходимо обратиться к теории сравнительного литературоведения.

С появлением в европейском сознании XVIII в. понятия «мировая литература», освященного авторитетом И. В. Гете, и постепенным развитием этнографии международные литературные связи становятся востребованным и широко масштабным явлением. С этого времени интеллектуалов интересует вопрос о сходстве и различиях между непохожими друг на друга культурами и их частными проявлениями. В центре внимания находится французская цивилизация, поэтому именно она становится отправной точкой для сравнительного изучения литератур. От момента появления французской школы компаративистики и до наших дней одной из актуальных задач сравнительного литературоведения является изучение данных связей.

Существенную роль в этом процессе сыграл сравнительно-исторический метод, помогающий глубоко исследовать и дифференцировать сходства и различия явлений, принадлежащих литературам разных народов.

В русском, а затем и советском литературоведении решающую роль сыграли работы А. Н. Веселовского (1838–1906), академика Петербургской академии наук, историка и теоретика литературы. Ему принадлежит создание понятия и целой филологической дисциплины, которую он назвал «историческая поэтика». Веселовский, находясь в рамках позитивистской науки, интерпретирует причины одномерности поэтического выражения у архаических народностей. По мысли ученого, на заре человеческого общества естественные выражения, которые когда-то служили собирательной психике, и соответствующие им бытовые условия, имели большое сходство, поэтому элементы стиля и ритмики, образности и схематизма простейших поэтических форм как мотивы и сюжеты также были до некоторой степени схожи [Веселовский, 1940]. *Повторность* и *общность* компонентов структуры литературных явлений, таких как мотивы, сюжеты, типичные внутренние образы и другие, можно объяснить двумя причинами – единством человеческих психологических процессов и историческими влияниями. Исследование литературных жанров, от-

носящихся к ранним этапам развития человечества (миф, эпос, сказка, роман и т. д.), проведенное Веселовским, показывает, что вышеупомянутые сходства и повторы наиболее ярко проявляются через мотивы и сюжеты [Веселовский, 1940]. По Веселовскому, «...мотив представляет собой простейшую повествовательную единицу и формулу» [Веселовский, 1940, с. 500]. С его помощью можно лучше отразить те яркие, типичные и повторяющиеся, впечатления от действительности, которые были у разных народов на ранних стадиях общественного развития и пробуждения человеческого сознания. Например, одни и те же мотивы появляются как в восточных, так и в западных мифах и сказках: похищение солнца (солнечное затмение), явление полумесяца (чудовище, затмевающее луну в китайском фольклоре – лунное затмение) и т. д. Примечательно, что автор указывает, что такие мотивы являются самостоятельным зарождением, а не заимствованием или влиянием, то есть описывает вид литературной связи, который его последователи назовут типологическим. Аналогичным образом проявляют себя сюжеты – «сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности», или «комплексы мотивов» [Веселовский, 1940, с. 495]. Однако следует иметь в виду, что в отличие от мотива, именно

через сюжет можно отразить своеобразие личного творчества. Благодаря этому становятся возможны заимствования и взаимодействия между литературами разных стран, что у Веселовского получает название «миграции сюжетов».

Таким образом, по словам ученика Веселовского В. М. Жирмунского, типологические связи в качестве концепции, объясняющей литературные аналогии, представляют собой «полигенезис» – самостоятельное зарождение сходных художественных явлений (мотивов и сюжетов) на близких исторических этапах разных народов.

А. Н. Веселовский заложил основы дальнейшего развития сравнительного литературоведения. Однако, к сожалению, в классическом сравнительном литературоведении, представленном Веселовским, типология в известной степени ограничивается сближением отдельных компонентов структуры литературных явлений (таких как мотивы и сюжеты). Позднее многие исследователи, такие как В. М. Жирмунский и Н. И. Конрад, обосновали целостность структуры литературных явлений и их историческую обусловленность.

Согласно теории академика В. М. Жирмунского (1891–1971), сравнительно-исторический метод на марксистском этапе его развития не используется для беспринципного фантазированного сопоставления фактов в художественной литературе. Поэтому необходимо учи-

тывать условия изучаемого литературного явления в рамках местного исторического или специального литературного развития, его связи с отражаемой им социальной реальностью, его исторической, национальной и индивидуальной спецификой. «Основной предпосылкой сравнительно-исторического изучения литератур разных народов является идея единства и закономерности общего процесса исторического развития человеческого общества, которая определяет закономерность общего процесса развития литературы как одного из видов идеологической надстройки» [Жирмунский, 1979, с. 66].

Этому выдающемуся исследователю принадлежит понятие «типологические схождения», которое постулирует изучение сходных процессов в разных литературах, возникающих при отсутствии непосредственного взаимодействия и контакта – на сходных ступенях общественного развития или по причине универсальных закономерностей человеческого сознания [Жирмунский, 1979].

Несомненно, сравнительное изучение литературной конвергенции очень важно, поскольку оно позволяет установить общую модель литературного развития в его общественной обусловленности. По мнению Жирмунского, типологические схождения представляют собой один из трех аспектов сравнительно-литературных исследований, к которым также относят гене-

тический подход и контактные типы. Генетический подход устанавливает, что сходство между литературными явлениями зависит от их родства, но различия в их проявлениях могут возникать в разных социальных контекстах (реализм зарождается на почве романтизма). В то же время исследователь подчеркивает, что контактный тип связей является чрезвычайно важным в сравнительных исследованиях, а благодаря сходству исторического и социального развития между народами, «влияния» и «заимствования» между культурами также распространены (Вальтер Скотт – Гоголь; Байрон – Пушкин).

Возвращаясь к исторической типологии, следует сказать, что сходства между литературными явлениями можно обнаружить в их идейно-психологическом содержании, мотивах и сюжетах, поэтических образах и ситуациях, в особенностях жанровой композиции и художественного стиля; в то же время трудно игнорировать и различия, обусловленные расхождениями в социально-историческом развитии. Например, наблюдается схожая структура литературного развития в западной цивилизации: Ренессанс, барокко, классицизм, романтизм, реализм, натурализм, модернизм [Жирмунский, 1979].

Проиллюстрируем мысль ученого примером из истории китайской литературы. Долгое время она сохраняла свой средневековый уникальный характер. Превращенный в

полуколониальное государство, Китай не мог в полной мере воспринять элементы западной культуры, что стало возможным с развитием национальной литературы и привело к скачку в общественном и литературном развитии. Китай успешно использовал опыт европейских литератур, но не повторил весь путь развития европейских литератур, а использовал их лучшие достижения. В литературоведении этому способствовало пристальное изучение классической русской и советской литературы.

Как следует из примера, Жирмунский приходит к выводу, что вопрос историко-типологических аналогий неразрывно связан с международным литературным взаимодействием. Иначе говоря, «...ни одна великая национальная литература не развивалась бы при отсутствии международных литературных взаимодействий» [Жирмунский, 1979, с. 71].

Известный советский востоковед академик Н. И. Конрад (1891–1970) предпринял попытку сравнительного изучения восточной и западной литературы. В своих исследованиях он делает особый акцент на «взаимопроникновении» литературы (то есть на межлитературных связях). Соответственно, перевод в этом процессе является «главным орудием» [Конрад, 1978, с. 29].

Ученым был разработан новый метод, применяемый в сравнительном литературоведении, – анализ межлитературных связей в контек-

сте исторического развития мировой литературы, что, по мысли ученого, не только не уменьшает самостоятельность каждой национальной литературы в отдельности, но, наоборот, делает своеобразие литератур народов Востока и Запада более заметным.

Согласно теории Конрада, под сравнительным литературоведением можно понимать разные вещи. Во-первых, его можно понимать как изучение двух или более отдельных литературных произведений, созданных народами, имеющими общую историю. Во-вторых, в сравнительно-типологическом плане могут изучаться и сходные явления, возникшие в литературах разных народов. В-третьих, под ним также можно воспринимать и такие явления в разных литературных произведениях, в основе которых не лежит историческая общность и которые никак не связаны друг с другом, или даже появились в разные исторические периоды. К тому же сравнительно-типологические исследования также могут быть использованы для обнаружения типологической общности явлений, которые происходят независимо друг от друга. Наконец, «сравнительное литературоведение можно понимать и как изучение связей между литературами разных народов» [Конрад, 1978, с. 32-33].

Посредством сравнительно-типологического исследования современной литературы Конрад пришел к выводу, что «посредник»

играет незаменимую роль. Например, буддистская литература проникла в Китай с помощью «посредников», которыми стали монахи [Конрад, 1978, с. 40-43].

Опираясь на вышесказанное, можно прийти к выводу, что сравнительное изучение национальных литератур Востока и Запада, как в классическом, так и в современном аспектах, в процессе их исторического развития является важнейшей задачей исследователей литературы. Это заставляет обратить особое внимание не только на то, что разделяет и сталкивает, но и на то, что соединяет и усиливает. Это поможет нам четко выявить ряд особенностей конкретных литературных произведений разных народов, своеобразие личного творчества писателей, кроме того, это позволит всесторонне проанализировать особенности литератур разных народов в процессе развития мировой литературы.

По мнению Б. Г. Реизова (1902–1981), трудно дать удовлетворительный ответ на вопросы о том, какими признаками руководствуются и какие методики используют в процессе компаративного изучения литературы. В каждом отдельном случае ситуация изменяется, что в свою очередь позволяет человеку познать тайну творческого процесса и поэтической мудрости писателя. Компаративистские исследования продуктивны, так как проникают в более глубокий слой художественного сознания (системы твор-

чества, ориентации мысли и т. д.) [Реизов, 1986]. Изучение сходств бессмысленно, если оно находится вне рамок строгого научного подхода. При этом сравнение само по себе не является наукой – это всего лишь метод исследования.

Ученый полагает, что единство национальной литературы можно понимать как бесконечную систему, постоянно производящую связи между текстами. Эти связи, с одной стороны, способствуют развитию национальной литературы, усиливая ее уникальность, с другой – ее своеобразие стимулирует интерес к другим литературным произведениям и, наконец, развивает саму систему [Реизов, 1986].

Словацкий компаративист Диониз Дюришин (1929–1997) подробно рассматривает с марксистских позиций важнейшие положения теории сравнительного изучения литературы. Основываясь на трудах А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского и других ученых, он дает системную классификацию типологических сходжений, выделяя такие их виды как общественно-типологические, литературно-типологические и психолого-типологические аналогии.

Первые – устанавливают общественную обусловленность литературно-типологических сходжений. «Они существуют не только в общей структуре литературного произведения, но в наиболее концентрированном виде проявляются в

его идейных компонентах» [Дюришин, 1979, с. 178].

Литературно-типологические аналогии представляют собой результат имманентных законов развития художественной литературы, поэтому требуют всестороннего рассмотрения принципов литературного процесса. Для этого необходимо не только восприятие аналогий и отличий в контексте литературных направлений, жанров и жанровых форм, но и рассмотрение различных компонентов художественного произведения, таких как идейно-психологическая направленность, характеристика персонажей, композиция и сюжет, мотивы и др., что становится отправной точкой для комплексного изучения компаративной типологии [Дюришин, 1979].

Психологическо-типологические сходжения связаны с индивидуально-психологической натурой художника. К тому же, при компаративном анализе соотношений контактно-генетических и типологических сходжений Д. Дюришин постулирует их взаимообусловленность и взаимоперекрещивание.

В своей статье «Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика» российский компаративист И. О. Шайтанов дает нам общую картину исторического развития компаративистики в мировом аспекте, останавливаясь на возможностях современной компаративистики с типологической точки зрения. На фоне кризиса компаративи-

стики 1950-х гг. у американских ученых происходит полемика с французскими коллегами об отношении между компаративистикой и поэтикой [Шайтанов, 2009]. Примечательно, что она становится поворотным пунктом в судьбе сравнительного изучения литературы. В рамках спора чешско-американский ученый Рене Уэллек указал на одну из самых ярких особенностей французской школы компаративистики – привязанность к фактам. По мысли компаративиста, акцент лишь на фактах десятилетиями служил неким методологическим оберегом в мировом масштабе и породил нелюбовь к теории сравнительного литературоведения. Ограничение исключительно непосредственным рассмотрением «источников и влияний» препятствует построению внятной типологической модели. Как полагает Уэллек, в современной компаративной типологии невозможно упускать из виду сопоставление на уровне культуры и слепо следовать принципу формального соответствия двух иноязычных литератур.

В статье “The Crisis of Comparative Literature” исследователь утверждает, что затянувшийся кризис сравнительного литературоведения давно характеризуется тремя основными чертами: разграничением предмета и методологии, механистической концепцией источников и влияний, а также мотивацией культурного национализма [Wellek, 1976, с. 290]. Поэтому су-

щественное развитие сравнительного литературоведения во многом зависит от радикальной переориентации этих трех черт. Следует отказаться от искусственного разделения на «сравнительное» и «общее» литературоведение, поскольку крайне несостоятельно и непрактично противопоставлять их друг другу. Сравнительное изучение не является так называемым «пунктом обмена» между двумя литературами: оно не может ограничиваться ориентацией на внешнее, на второсортных писателей, на переводы, и на «посредников». По мнению Уэллека, попытка выделить не только предмет, но и методы сравнительного литературоведения потерпела еще большую неудачу. Сравнительное изучение литературы стало устоявшимся термином для любого исследования литературы, выходящего за рамки одной национальной литературы. Исследователь также подчеркивает необходимость сочетания теоретического, критического и исторического подходов в сравнительном литературоведении для достижения его центральной задачи – описания, интерпретации и оценки произведений искусства или любой группы произведений искусства. Проблема «литературности» как центральный вопрос эстетики становится особенно актуальной в литературоведении, а потому последнее следует отличать от изучения истории идей или религиозных и политических концепций [Wellek, 1976]. С этой точки зрения,

литературное произведение представляет собой центр исследования. Компаративисты «кризисной эпохи» ввели концепцию «онтологического разрыва», существующего между психологией автора и произведением, между обществом и эстетическим объектом, то есть изучение произведения искусства называется «внутренним», а его отношения к психологии автора, к обществу – «внешним» [Wellek, 1976, с. 294].

Один из основателей сравнительного литературоведения Хатчeson Маколей Познетт раскрывает источники сходства между ранними драмами Афин и современной Европы с точки зрения взаимосвязи между определенными формами социальной организации и безличным представлением человеческого характера [Posnett, 1886]. Он утверждает, что одним из ключевых принципов развития человеческой цивилизации и литературы, в частности, является процесс эволюции личного характера от безличного. В процессе перехода от ранних родовых общин к возникновению городов и поселков, мы обнаруживаем в развитии цивилизации личный характер, который все отчетливее выделяется из общей массы. К тому же наивысшая степень эволюции характера происходит там, где каждый отдельный человек в группе обладает ярко выраженной индивидуальностью. Именно этот двуединый процесс мы подразумеваем под «принципом литературного разви-

тия» [Posnett, 1886, с. 72]. Только тогда, когда «...глубина и масштаб индивидуальности развиваются параллельно, мы можем быть уверены в постоянстве такого развития» [Posnett, 1886, с. 72].

Французский компаративист середины XX века Франсуа Жо (Jost) утверждал, что сравнительное литературоведение отличается от изучения «национальной литературы» тем, что оно представляет собой не просто академическую дисциплину, а целостный взгляд на литературный мир, так называемое литературное мировоззрение – обзор мира культуры, который является инклюзивным и всеобъемлющим. Сравнительные исследования можно подразделить на четыре области: влияния и аналогии; движения и направления; жанры и формы; мотивы, темы и сюжеты. Первая из них является центральной, фокусируется на взаимодействии между двумя или более национальными литературами, произведениями или авторами, или на особой функции определенных личностей в распространении различных литературных теорий. Кроме того, под этой областью исследования можно понимать, например, источники (вдохновение или информация, предоставляемая или подпитываемая иностранными авторами или книгами), богатство (отклик, успех или влияние, которого литература одного народа достигает в литературе другого) и образы или миражи (истинное или ложное представление

страны о литературе другой). «Сходство между литературой и другими дисциплинами также относится к этой категории» [François Jost, 1974, с. 33].

Исходя из этого, исследователь открыл множество новых перспектив для развития сравнительного литературоведения. Например, компаративистам важно уделять основное внимание источнику текста, но также следует сосредоточиться на «получателе», поскольку во втором случае нас больше интересует результат или степень усвоения оригинала. Роль посредников в этом процессе нельзя игнорировать, однако нам следует уделять больше внимания передаваемым произведениям и авторам, а не типам посредничества. С его точки зрения, самая серьезная проблема позитивизма, лежащего в основе классических концепций сравнительного литературоведения, в том, что многие компаративисты утверждают, что наличие личных связей между авторами или прямых связей между конкретными литературными явлениями становятся необходимым условием для проведения любого исследования связей. По наблюдениям Жо, в процессе развития сравнительного литературоведения, будь то влияния или аналогии, следует учитывать значение социального климата культурных групп, непосредственного контакта между людьми и произведениями и, наконец, личного творчества писателей, которые придают каждому

произведению свою уникальность и своеобразие [François Jost, 1974].

Современный исследователь Дэвид Феррис в своей статье “Why Compare” отмечает, что сравнение в гуманитарных науках возникает при изучении мира, поскольку стремление к мировой литературе было задачей сравнения с самого начала. Подробные пояснения были представлены ученым с точки зрения учения Аристотеля и Платона соответственно. Аристотель считал, что подражание и сравнение неразрывно связаны, последнее является формой познания, уходящей корнями в сходство. Он ввел два типа сравнения: исторический, закрытый, поскольку ограничен тем, что уже существует; второй остается открытым, так как он опирается на возможность: это то, что могло бы уже существовать [Ferris, 2011]. В мифе «о пещере» Платон представляет концепции «привыкание», «насмешку» и «знание», показывая новый реальный мир в сравнении с нереальным прошлым опытом внутри пещеры. Для достижения точки, которая установит сравнение как знание, требуется время; требуется то, что он называет «привыканием». Мир и сравнение принимают негативную силу насмешки, а также требуют необходимости эффективного отрицания опыта временности для того, чтобы сравнительная задача была установлена. [Ferris, 2011].

Итак, Феррис указывает на необходимость стремления к миро-

вой литературе, так как она отвечает внутренней тенденции методологической практики, которая обосновала значение не только литературоведения, в том числе сравнительного, но и гуманитарных наук. «Естественные науки изучают то, что есть в нашем мире, социальные науки рассматривают существование человека в обществе. Человек всегда задается вопросом «почему» – это и является основанием для сравнения», – пишет ученый [Ferris, 2011, с.43].

Краткий очерк истории проблемы типологических связей, или «схождений» и «совпадений», согласно более ранней терминологии, показывает динамику интерпретации этого понятия в науке. Ранняя и классическая компаративистика, отталкиваясь от учения позитивистов, полагала, что единственной причиной для появления не обусловленных генетических сходств становится тождество или близкое сходство общественных отношений (Познетт, Веселовский и их французские современники). Позднее марксистская философия расширяет диапазон понимания типологии в литературе благодаря представлению о культуре как порождении экономических отношений (об этом классические советские работы Алексева, Жирмунского, Реизова и их единомышленников, например, А. Дима и Д. Дюришина). Компаративистика второй половины XX – начала XXI века утверждает возможность более широкой системы

отношений литературного текста и культуры в целом. Оказываются возможными сравнительные исследования произведений, не имеющих общего социального фона, но обнаруживающих сходство, которое требует логического объяснения. Сам принцип сравнения здесь объясняется исходя из классической греческой мысли, объявляющей сравнение естественной и необходимой чертой человеческого мышления.

Изучение произведений Н. В. Гоголя и Пу Сунлина возможно исключительно в рамках типологического подхода. Хотя классик китайской литературы жил столетием раньше автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», его произведения не были известны в Европе и в России, что объяснялось отсутствием интереса к самобытной китайской литературе со стороны проникнутой классическими, сентименталистскими, а затем и романтическими тенденциями в западной цивилизации. Не было и должного числа переводчиков с китайского языка. Таким образом, какие-либо контакты между творчеством Гоголя и Пу Сунлина следует признать невозможными.

Типологическое изучение литературы на настоящем этапе предполагает изучение внутреннего сходства текстов, а не объяснения аккумуляирования в них общих социальных черт (Жо). Последнее также можно едва представить в случае двух исследуемых авторов.

Пу Сунлин писал в феодальном имперском Китае династии Цин, находясь в рамках жестко стандартизированной чиновничьей системы, которая предполагала рациональное отношение к действительности, на практике смешенное с различными традиционными китайскими верованиями. Социальный контекст Гоголя выглядит иначе: на раннем этапе своего творчества писатель фактически отказывается выражать имперскую идеологию России, которая принадлежит к семье европейских держав и движется от феодализма к империализму. В рамках русского романтизма Гоголь видит себя свободным художником, порывающим общественные связи и служащим идеалу красоты и истины. Тем не менее интерес к романтической прозе порождает у Гоголя увлечение фантастикой и народной демонологией, которыми насыщаются его произведения 1830-х годов. Именно последнее дает основание для сопоставления двух писателей, принадлежащих различным культурам и эпохам.

В «Записках Ляо Чжая» Пу Сунлин работает в жанре *сяошо* – лаконичной новеллы с динамичным фантастическим сюжетом. Писатель находит средства для выражения своих образов внутри традиционного литературного языка *вэньянь*, что заставляет искать своеобразие его стиля не только в выборе речевых средств, но в сплетении тончайшей паутины известных и

полузабытых цитат и аллюзий из текстов классической китайской литературы. В это пространное собрание произведений входят сотни текстов, посвященных отношениям человека и сверхъестественных сил – посланцев неба, демонов, лисиц и т. д. Опираясь на традицию «рассказов и чудесном», восходящих к новеллистике эпохи Тан, Пу Сунлин создает обширную систему связей между миром людей и миром духов, что позволяет говорить о постоянном присутствии сверхъестественного в жизни человека, что неоднократно отмечалось в работах китайских исследователей [朱其铠, 1989, с. 39-40; 范小青, 2004; 陈新星, 2011; 邓小康, 2012, 任访秋, 1981]. Эта особенность позволяет говорить о внешнем сходстве, разумеется, при ярких отличиях, от романтической фантастики Гоголя. В произведениях последнего также обнаруживается соположенность мира людей и мира нечистой силы, как расценивает его писатель-христианин. При всех чертах сходства у Гоголя тем не менее прослеживается романтическая ирония и фантастика гофмановского типа, что невозможно себе представить у Пу Сунлина. Кроме того, Гоголь рано осознает необходимость создать для своей фантастической прозы специфический, черпающий элементы из литератур барокко и романтизма, витиеватый стиль.

Все эти обстоятельства делают возможным сравнительное сопоставление двух авторов с точки зрения их интерпретации фантастических и народно-демонологических мотивов.

Проиллюстрируем все вышесказанное примером из произведений Гоголя и Пу Сунлина. В повести «Заколдованное место» русского писателя и новелле «Лисий сон» персонажи сталкиваются с действием сверхъестественных сил. В первом случае деда, в прошлом выдающегося среди товарищей казака, путает нечистая сила. У Пу Сунлина студент Би И-ань неожиданно сталкивается с лисицей – демоническим существом из китайского фольклора. Как и гоголевский персонаж, студент также выдающийся человек в рамках культуры цинского Китая – он известный ученый, имеющий значительную книжную выучку. Оба персонажа имеют представление о той силе, с которой им приходится столкнуться: дед не понаслышке знает о кознях дьявола, а Би И-ань по своей должности знает о заклинании духов и сам с увлечением изучает жизнь лисиц по фантастической «Повести о Синем Фениксе». В обоих случаях сверхъестественное существо вступает в игру с персонажами: путает деда и буквально играет в шахматы со студентом. Если у Гоголя освобождение от морока происходит благодаря вере деда и его смекалке, то у

Пу Сунлина расставание студента и лисицы передается с оттенком сожаления и вина за это ложится на Би И-аня, который хвастает своим чудесным знакомством перед друзьями. В обоих случаях представлен сказ: рассказчик «Вечеров» дьячок Диканьской церкви Фома Фомич повествует о необычайном происшествии и Ляо Чжай придается воспоминаниям о рассказе студента. При этом установки рассказчиков различны. Первый – предупреждает об опасности, исходящей от нечистой силы, и одновременно веселит забавными злоключениями деда. Второй рассказчик создает более сложную картину отношений человека и демонического существа, поскольку от лисицы, вопреки многим другим историям Ляо Чжая, не исходит никакой опасности, а потому расставание сблизившихся существ выглядит как сюжет о нарушении запрета, который навеки разлучает влюбленных.

Таким образом, двухвековой опыт сравнительного литературоведения в изучении не связанных генетически текстов показывает возможность сопоставления произведений Гоголя и Пу Сунлина в аспекте отражения в их творчестве фантастического и народной демонологии. Перспективность изучения этой проблемы проиллюстрирована примером анализа двух текстов данных авторов. Полученные

результаты позволяют полагать, что сравнительная поэтика Гоголя и Пу Сунлина позволит глубже по- нять своеобразие как двух этих ав- торов, так и русской, и китайской литературы.

Библиографический список

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем в 23 томах. Том. 1. Москва : Наука, ИМЛИ РАН, 2003. 922 с.
2. Пу Сунлин Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.
3. Веселовский А. Н. Поэтика сюжета (1897–1906) // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Ленинград : Художественная литература, 1940. 649 с.
4. Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно–исторического изучения лите- ратур // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград : Наука, 1979. 497 с.
5. Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения // Конрад Н. И. Избранные труды. Литература и театр. Москва : Наука, 1978. 469 с.
6. Реизов Б. Г. Сравнительное изучение литературы // Реизов Б. Г. История и теория литературы. Ленинград : Наука, 1986. 319 с.
7. Диониз Дюришин Типологические схождения // Диониз Дюришин. Теория сравнительного изучения литературы. Москва : Прогресс, 1979. 301 с.
8. Шайтанов И. О. Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. №1-2. С. 99-108.
9. Wellek R. The Crisis of Comparative Literature // Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven and London: Yale University Press, 1976, 420 p.
10. Posnett H. The Principle of Literary Growth // Posnett H. Comparative Literature. London: Kegan Paul, Trench, 1886, 472 p.
11. François Jost. Part II. Relations: Analogies and Influences, Prolegomenon A // François Jost. Introduction to comparative literature. Indianapolis: Pegasus, 1974, 349 p.
12. 朱其铠. 全本新注聊斋志异 // 蒲松龄. 聊斋志异[G] 北京: 人民文学出版社, 1989: 39-40.
13. 范小青. 真幻之间的定位[D]. 武汉: 武汉大学文学院, 2004: 5.
14. 陈新星. 秀才与大学生的爱情憧憬——蒲松龄与霍夫曼 爱情小说之比较 [D]. 成都: 西南大学文学院, 2011: 20.
15. 邓小康. 探索《聊斋志异》中书生的形象描述[J]. 文学 界: 理论版, 2012, 143(5): 67-68.
16. 任访秋. 聊斋志异选讲[M]. 郑州: 河南人民出版社, 1981: 340.

Reference list

1. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 23 tomah. Tom.1 = Complete works and letters in 23 volumes. Vol.1. Moskva : Nauka, IMLI RAN, 2003. 922 s.
2. Pu Sunlin Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Ljao Chzhaj chzhi i) = Strange stories from the Loser's study (Liao Zhai Zhi Yi). Sankt-Peterburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 784 s.

3. Veselovskij A. N. Pojetika sjuzheta (1897–1906) = Poetics of the plot (1897-1906) // Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1940. 649 s.
4. Zhirmunskij V. M. Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izu-chenija literatur = Problems of comparative and historical literary studies // Zhirmunskij V. M. Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Za-pad. Leningrad : Nauka, 1979. 497 s.
5. Konrad N. I. Problemy sovremennogo sravnitel'nogo literatu-rovedenija = Problems of modern comparative literary studies // Konrad N. I. Izbrannye trudy. Literatura i teatr. Moskva : Nauka, 1978. 469 s.
6. Reizov B. G. Sravnitel'noe izuchenie literatury = Comparative literary studies // Reizov B. G. Istorija i teorija literatury. Leningrad : Nauka, 1986. 319 s.
7. Dioniz Djurishin Tipologicheskie shozhdenija = Typological convergences // Dioniz Djurishin. Teorija sravnitel'nogo izuchenija literatury. Moskva : Progress, 1979. 301 s.
8. Shajtanov I. O. Zachem sravnivat'? Komparativistika i / ili po-jetika = Why compare? Comparativism and/or poetics // Filologicheskaja regionalistika. 2009. №1-2. S. 99-108.
9. Wellek R. The Crisis of Comparative Literature // Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven and London: Yale University Press, 1976, 420 p.
10. Posnett H. The Principle of Literary Growth // Posnett H. Comparative Literature. London: Kegan Paul, Trench, 1886, 472 p.
11. François Jost. Part II. Relations: Analogies and Influences, Prolegomenon A // François Jost. Introduction to comparative literature. Indianapolis: Pegasus, 1974, 349 p.
12. 朱其铠. 全本新注聊斋志异 // 蒲松龄. 聊斋志异[G] 北京: 人民文学出版社, 1989: 39-40.
13. 范小青. 真幻之间的定位[D]. 武汉: 武汉大学文学院, 2004: 5.
14. 陈新星. 秀才与大学生的爱情憧憬——蒲松龄与霍夫曼 爱情小说之比较 [D]. 成都: 西南大学文学院, 2011: 20.
15. 邓小康. 探索《聊斋志异》中书生的形象描述[J]. 文学界: 理论版, 2012, 143(5): 67-68.
16. 任访秋. 聊斋志异选讲[M]. 郑州: 河南人民出版社, 1981: 340.

Статья поступила в редакцию 08.03.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 08.03.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-89-102
EDN: XVDOKC

**Циклообразующие мотивы в произведении
Н. Л. Ключаревой «Деревянное солнце»**

Наталья Владимировна Лукьянчикова^{1✉}, Наталья Витальевна Киселева²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль

²Кандидат культурологии, доцент кафедры общего образования ГАУ ДПО ЯО «Институт развития образования», г. Ярославль

¹lunavl@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

²scorti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-3859>

Аннотация. В статье представлена попытка рассмотреть произведение современной отечественной писательницы Н. Л. Ключаревой «Деревянное солнце» в аспекте циклизации. В созданном в нулевых годах XXI века и включающем в себя ряд небольших очерков произведении Н. Л. Ключаревой глубоко осмысляются реалии российской действительности. Анализируя мотивную структуру «Деревянного солнца» на основе классических и современных литературоведческих концепций, мы выделяем ряд циклообразующих мотивов, характеризующих такие ключевые для русского национального характера понятия, как Родина, дорога, дом, утрата, рассматриваем способы их реализации в текстах очерков, выявляем роль указанных мотивов в формировании авторской идеи, воссоздании целостной авторской картины мира. Полагаем, что система мотивов в «Деревянном солнце» Н. Л. Ключаревой является важным способом объединения очерков в цикл, выстраивания структурных связей и отношений внутри цикла, позволяя в то же время выявить значение и смысл каждого анализируемого очерка. Авторы статьи обращают внимание на художественное своеобразие произведений, составляющих цикл и создающих противоречивый образ современной России. Особый акцент авторы статьи делают на интертекстуальных связях произведений, включенных в цикл Н. Л. Ключаревой «Деревянное солнце». Анализ циклообразующих мотивов дает возможность выявить основные идеи произведения и сделать выводы о его художественном своеобразии. Авторы

© Лукьянчикова Н. В., Киселева Н. В., 2022

статьи полагают, что обращение Н. Л. Ключаревой в цикле «Деревянное солнце» к мотивам Родины, дороги, дома и др. свидетельствует о серьезном интересе современного прозаика к ценностям, традиционным для отечественной литературы.

Ключевые слова: Н. Л. Ключарева; цикл; циклизация; мотив; мотивная структура; очерк; интертекстуальные связи

Для цитирования: Лукьянчикова Н. В., Киселева Н. В. Циклообразующие мотивы в произведении Н. Ключаревой «Деревянное солнце» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 89-102. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-89-102>. <https://elibrary.ru/xvdokc>.

Original article

Cycle-forming motifs in N. L. Klyuchareva's work *The Wooden Sun*

Natalia V. Lukyanchikova^{1✉}, Natalia V. Kiseleva²

¹Candidate of philological sciences, associate professor of the Russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

²Candidate of culture studies, associate professor at the Department of general education, Institute for the development of education, Yaroslavl

¹lunavl@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

²scorti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-3859>

Abstract. The article attempts to consider the work of the contemporary Russian writer N. L. Klyuchareva *The Wooden Sun* in terms of cyclization. N. L. Kluchareva's work, consisting of a number of small essays, was written at the beginning of the XXI century and presents a deep understanding of Russian realities. Analyzing the motive structure of *The Wooden Sun* on the basis of classical and modern literary concepts, the authors single out a number of cycle-forming motives that characterize such key concepts for the Russian national character as Motherland, road, home, loss, consider the ways they are implemented in the texts of essays, identify the role of these motifs in shaping the author's idea and reconstructing the author's holistic picture of the world. The system of motifs in N. L. Klyuchareva's work is an important means of combining essays into a cycle, building structural connections and relationships within the cycle, allowing at the same time to identify the sense and meaning of each of the essays under analysis. The authors of the article pay attention to the artistic uniqueness of the works that make up the cycle and create a contradictory image of contemporary Russia. Special emphasis is placed on the intertextual connections of the works included in N. L. Klyuchareva's cycle "The Wooden Sun". The analysis of cycle-forming motifs makes it possible to identify the main ideas of the work and draw conclusions about its artistic

originality. The authors of the article believe that N. L. Klyuchareva's appeal to the motifs of Motherland, road, home, etc. indicates a serious interest of the modern prose writer to the values traditional for national literature.

Key words: N. L. Klyuchareva; cycle; cyclization; motif; motif structure; essay; intertextual connections

For citation: Lukyanchikova N. V., Kiseleva N. V. Cycle-forming motifs in N. Klyuchareva's work *The Wooden Sun. World of Russian-speaking countries.* 2022; 2(12):89-102. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-89-102>. <https://elibrary.ru/xvdokc>.

Цикл «Деревянное солнце» был написан Н. Л. Ключаревой в двухтысячные годы для газеты «Первое сентября». Миниатюры, посвященные русской провинции, дают возможность читателю не только понять, но и почувствовать, что такое Россия – с ее маленькими городками и полупустыми деревнями, лесами и болотами – и дорогами, похожими на болота, очень простыми «простыми людьми».

Творчество Н. Л. Ключаревой в последнее десятилетие становится объектом серьезного научного интереса филологов. Так диссертация О. М. Близняк посвящена характеристике мотивных комплексов, выделенных исследовательницей в произведениях современных писательниц, в частности – в повести Н. Ключаревой «Россия: общий вагон» [Близняк, 2011]. Сюжетно-композиционную структуру повести «Деревня дураков» анализирует в своей статье Н. Е. Лихина, исследуя принципы и приемы нарративной организации произведения [Лихина, 2019]. Ю. В. Клабукова рассматривает в исследовании мен-

тальные модели аутичности и коммуникативности, реализуемые в произведении Н. Л. Ключаревой, соотнося их с традиционным для русской культуры мотивом юродства [Клабукова, 2015]. Очевидно, что наиболее серьезным вниманием ученых пользуются повести «Деревня дураков» и «Россия: общий вагон».

На наш взгляд, одним из перспективных направлений исследования творчества Н. Л. Ключаревой (в частности, цикла «Деревянное солнце») является изучение мотивной структуры произведений, комплекса мотивов как циклообразующего фактора.

Понятие мотива широко используется в отечественном литературоведении с опорой на классические идеи академика А. Н. Веселовского (мотив – «простейшая повествовательная единица, образно ответившая на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский, 1989, с. 305]), О. М. Фрейденберг, Б. В. Томашевского (мотив – «тема неразложимой части произведения» [Томашев-

ский, 1996, с. 191]), Б. Н. Путилова («традиционное для эпоса содержательное поле, получившее свой закреплённый тип описания» [Путилов, 1975, с. 148]), Б. М. Гаспарова и др. Существенный вклад в теорию мотива внесли работы таких исследователей, как Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, И. В. Силантьев. В частности, И. В. Силантьев определяет мотив как «эстетически значимую повествовательную единицу», «интертекстуальную в своем функционировании» [Силантьев, 2004, с. 96].

Согласно мнению В. Е. Хализева, мотивы могут выступать как «аспект отдельных произведений и их циклов, в качестве звена их построения» [Хализев, 1999, с. 173]. Под циклом в литературоведении понимается «объединение отдельных самостоятельных произведений», порождающее «новую художественную целостность» [Дарвин, 2000, с. 485].

Мотивы Родины, дороги, дома, утраты формируют структуру цикла «Деревянное солнце», обеспечивая идейно-тематическое единство произведения Н. Л. Ключаревой.

Одним из важнейших циклообразующих мотивов «Деревянного солнца» является мотив Родины. Цикл Н. Л. Ключаревой начинается с очерка «Безымянный». Полагаем, что интерпретировать это название можно по-разному: может быть, автор до последнего сомневается в том, как же всё-таки назовет произведение. Кроме того, чувство Роди-

ны – безымянное, его сложно определить, сложно найти название. Уже в этом очерке намечается многоплановость в ощущении Родины: «Безымянное чувство России, требующее постоянного отклика, каждую минуту нового и живого» [Ключарева, 2009, с. 5]. Но это «новое» и «живое» в то же время связано с чрезвычайно тяжелыми словами: «безотрадные образы», «торчит, как заноза», «щемящая заноза» [Ключарева, 2009, с. 5]. Речь идет о чувстве Родины как о необходимом и мучительном одновременно, о Родине, где безотрадность связана с надеждой. Мотивом Родины начинается и заканчивается цикл. В первом очерке автору сложно подобрать заголовок, описать, что такое «чувство Родины», поэтому и называется текст «Безымянный», а в последнем очерке заголовок появляется, причем называется очерк вполне ожидаемо – «Чувство Родины». Стоит обратить внимание, что в первом случае речь идет о чувстве России, а во втором – о чувстве Родины. И это для автора очень важно. Для нее Родина – это город-миллионник, место детства, родной двор, воздух. Этот образ складывается из множества художественных деталей, запахов, звуков, людей.

В «Деревянном солнце» большое, необъятное понятие «Россия» словно раскладывается на пазлы: Кострома, Ярославль, Рыбинск, Молога, Пермь, Нижний Новгород, Старая Русса, Санкт-Петербург (Питер), Йошкар-Ола, Новый Кур-

лак Воронежской области. Автор, пытаясь понять суть России, всматривается в каждый отдельный пазл, который сливается с другим, а тот – с третьим и т. д. Это слияние затем отражается в понятии «Родина». И вроде бы разложенная на пазлы, Россия, тем не менее, создает впечатление общей картины, в которой один пазл без другого не может существовать. Они могут воздействовать на читателей только вместе, подтверждая и усиливая друг друга. Анализируя очерки, входящие в цикл «Деревянное солнце», отмечаем, что, говоря о России, Н. Л. Ключарева чаще начинает с изображения места, а уже затем обращается к человеку.

В изображении пространства в цикле Н. Ключаревой одним из наиболее частых мотивов является мотив дороги. Так в очерке «Шамбала Кологривского уезда» мы видим этот мотив, реализованный в разных вариантах. С одной стороны, это дорога, которая как на ладони, «рукой подать, а тронешься в путь – и целый день едешь, недоумевая, откуда оно берется, это неуклонно нарастающее расстояние» [Ключарева, 2009, с. 10]. С другой стороны, это «бездорожное, безмерное пространство» [Ключарева, 2009, с. 10]. Несмотря на то, что Кострома представляется в очерке как бездорожное пространство, оно тем не менее предполагает постоянное движение. Полагаем, что дорога в «Деревянном солнце» демонстрирует иллюзорность связи

между пространствами. Важным образом, связанным с дорогой, в русской литературе, начиная с XIX века, стал вокзал, станция (вспоминается вокзал в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» – настоящий человеческий муравейник с его «движением приготовлений на станции, беганьем артельщиков, появлением жандармов и служащих и подъездом встречающих» (Кн. 1, ч. I. гл. XVII) [Толстой, 1997, с. 55] – и многочисленные вокзалы и станции из произведений А. П. Чехова, А. И. Куприна и других русских писателей, где вокзал – место встречи, надежды или расставания, трагедии персонажей – сопряжен с движением, кучей картонок и чемоданов, свистом поездов, радостными голосами встречающих и грустными провожающих). В «Деревянном солнце» вокзал также изображается достаточно часто. Но автовокзал в Костроме («Шамбала Кологривского уезда») – своеобразная ловушка, «неприметный капкан» на дороге, которая словно не начинается, а – напротив – завершается здесь, недаром мужичок «в резиновом плаще» напоминает, что некому теперь продавать червя или муху – «все в могилах», а растворимый кофе в буфете выглядит «словно снадобье, переносящее в другую складку мира» [Ключарева, 2009, с. 10]. Повидимому, переход в иную «складку мира» предполагает и несостоявшийся железнодорожный вокзал, рельсы которого легли в сотне ки-

лометров от Кологрива («Шамбала Кологривского уезда»), платформа, по которой поезда не ходят лет десять («День выборов»), безымянная платформа («Электричка с той стороны»), «автобус, в котором погашен свет, с невидимым водителем и пассажирами» («Русский дух») [Ключарева, 2009, с. 56].

Дорога в цикле Н.Л. Ключаревой – это не только пространственный, но и временной образ: она мыслится как связь между настоящим и будущим, прошлым и настоящим. На автовокзале в Костроме мы видим расписание «как «Повесть временных лет»: «Галич, Солигалич, Судиславль, Чухлома»» [Ключарева, 2009, с. 10], уводит в прошлое и Кологривский краеведческий музей («Шамбала Кологривского уезда»), напоминают о нем и газетные кулечки, на которых видно слово «Перестройка» («День выборов»).

В некоторых очерках цикла «Деревянное солнце» автор использует кинематографический прием, подобный тому, который используется в фильме «Любовь и голуби»: герой вышел в одном месте, а оказался в другом. Так в очерке «Мечтатели» «двое мальчишек из рязанского села Сапожок отправились покататься на велосипедах. Через два месяца их нашли в Праге» [Ключарева, 2009, с. 31], один ученик «поехал с одноклассниками в соседнее село, а попал в Севастополь» [Ключарева, 2009, с. 31]. В очерке «Энциклопедист Шустов» герой «успеваает быть

везде»: «появится в небесах комета – с отрядом школьников он карабкается по перевалам в горную обсерваторию на Кавказе. Случится затмение – и Шустов с охапкой детей уже на Алтае» [Ключарева, 2009, с. 6]. Так дорога соединяет не только места, пространства, но и времена.

В произведениях цикла Н. Л. Ключаревой отмечаем интертекстуальные связи в изображении пространства и времени. Так, например, в очерке «Мечтатели» такой герой, как пенсионер Смирнов, идет дорогой героев древнерусских хождений («Пенсионер Смирнов из Йошкар-Олы дошел до Иерусалима»), напоминает героев сказок («сносил три пары кроссовок») и образ отца Федора из произведения «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова («пил воду из источников, ночевал под открытым небом, завернувшись в прорезиненный плащ. Деньги жена переводила по адресам на маршруте») [Ключарева, 2009, с. 31].

Хотя дороги в очерках Н. Ключаревой разные: грунтовые («Шамбала Кологривского уезда»), ухабистые, стылые уральские дороги («Чужое дежавю»), узкие перешейки земли посреди воды («Половодье в Поволжье») и т. п. – объединяет их то, что всегда они косые, уходящие в непроглядную мглу, кривые, не доходящие до того места, куда надо. Дорога не предполагает достижения какого-то места, конечной точки, а предполагает

движение, показана как ловушка, портал, иллюзия, так называемая дорога-обман, дорога в тартарары. Стоит выделить и характерные для нее аспекты: эта кривая и косая дорога связывает не только пространства, но и времена, носит мистический характер (поехал в соседнее село, а оказался в Севастополе), охватывает широкий культурный массив (сказки, хождения и т. п.).

Помимо мотива дороги, циклообразующим мотивом, тесно связанным с мотивом Родины, является мотив дома. В очерке «Космонавт Олег» писательница несколько раз подчеркивает особенность современных домов: дом – коробка. На вопрос журналистки: «С чем у Вас ассоциируется Родина?» – Олег ответил, что «с бетонными коробками, в которых мы все живем! С унылыми дворами без единого кустика, по которым я каждое утро волочу сонных близнецов в садик!» [Ключарева, 2009, с. 8], хотя журналистка ждала ответа традиционно сентиментального – с березами. С образом дома – бетонными коробками – мы также встречаемся в очерке «Мыльные пузыри в чебуречной». И хотя речь идет о разных городах России, оказывается, что дома везде одни и те же – бетонные коробки, которые подчеркивают отсутствие индивидуальности. Об этом говорится и в «В провинции у моря» где Старая Русса представляет собой «обнаженное убожество одинаковых жилищ» [Ключарева, 2009, с. 22]. В очерке «Мыльные

пузыри в чебуречной» образ дома связан с черными бараками, ржавыми гаражами, бетонными заборами. В очерке «Чужое дежавю» перед читателем предстают разрушенные строения, которые стали теперь музеем истории политических репрессий «Пермь-36».

Дом как забытая, вернее, брошенная территория изображен в очерке «Деревянное солнце»: пустые деревни, завалившиеся домики, сгорбленные дома.

Заброшенность дома, а следовательно, и всей деревни, малой родины подчеркнута в очерке «Летопись, написанная детьми». В деревне рушится, уходит в прошлое все: и молочный комплекс, когда-то являвшийся воплощением не только благополучия и процветания, но и идеологии («...взгляд упал на развалины бывшего молочного комплекса. У нас в Курлаке его называли БАМ. Тоже была своего рода стройка века. А теперь – все заросло крапивой. Так пришла тема: «Новокурлакские руины социализма». Их у нас много, как везде» [Ключарева, 2009, с. 50]), разрушается школа, что свидетельствует, вероятно, об отсутствии будущего у этого места («А заколоченное здание бывшей школы так стремительно обветшало, что его, как печально шутит Николай Макаров, смело можно включать в исследование о руинах социализма» [Ключарева, 2009, с. 51]). Заброшенность и разруха ассоциируются в сознании людей с войной («Как по-

сле войны» [Ключарева, 2009, с. 50]), с уходом надежды.

В очерках Н. Л. Ключаревой нет счастливого дома, но необходимо отметить, что писательница изображает много заборов. Особое внимание заборам и надписям на них уделено в очерке «Заборное слово». В каждом городе можно найти место, где «любой желающий может высказать миру и городу все, что угодно»: и политические лозунги («РОССИЯ БЕЗ ПУТИ»), и этический протест («Ваши нравы не по мне!»), и философский афоризм («Не судите, да и не судимы будете»), и бытовое обещание («Красота внутри») [Ключарева, 2009, с. 40].

В очерках цикла «Деревянное солнце» мотивы дороги и дома пересекаются, например, в очерке «Русский Тихий», где города Золотого кольца России «были ужасны» [Ключарева, 2009, с. 58]. Грустное впечатление производит это «затхлое царство пивных и чебуречных. Под стенами древних кремлей». На протяжении всего цикла Наталья Ключарева старается показать городки и деревни России не покрытыми «непрозрачной пленкой культуры» музейными экспонатами, заставляющими сентиментально вздыхать о прошлом, а местами, которые сегодня не слишком пригодны для жизни («Убогое угасание жизни. Вымирание, запустение, скука, вялость, сон, бессмысленность») [Ключарева, 2009, с. 58]).

Читая очерки Н. Л. Ключаревой, понимаешь, что дом не крепость, не

место, куда в любом случае хочется вернуться – и это грустно, несмотря на то что писательница избегает нагнетания трагизма, придерживается принципа простоты.

Традиционный для русского национального сознания мотив утраты является циклообразующим в «Деревянном солнце». У Н. Л. Ключаревой он многопланов. Самая тяжелая утрата – это люди. Мы видим, как постепенно они уходят в прошлое. Показателен в этом плане очерк «Бесплатный концерт», где писательница изображает танцы в провинциальном городке, на которые собираются маленькие, нарядные старушки («Инночка! А Валя придет? Как умерла?») [Ключарева, 2009, с. 25]). Так незаметно уходит жизнь, но этот уход подруги старушки Вали не заметили не потому, что им все равно, а потому, что они не согласны с этим уходом. Интересный, на наш взгляд, прием использует автор: потерю человека, с одной стороны, она сопоставляет с осенней природой, засыпающей, умирающей («падают, кружась, кленовые вертолеты») [Ключарева, 2009, с. 25], с другой стороны, соотносит человеческую жизнь и все связанное с ней с природой-вечностью: «Пыльные листья не шелохнутся, будто и время остановилось. Только иногда выплывет из вечности трамвай, гроыхнет на повороте, и опять – ничего, никого» [Ключарева, 2009, с. 25].

Для героев очерка «Деревянное солнце» утрата, смерть – это при-

вычное дело, «как масляное пятно на обоях, как пыльный столетник, скучающий на окне» [Ключарева, 2009, с. 29].

Мотив потери, утраты людей связан с мотивом запустения деревень. Уходит спокойная, мирная, народная Россия: «Грустные прогулки по пустым деревням. <...> кажется, что эти завалившиеся домики, в которых когда-то была жизнь, тоже тают, съеживаются, и скоро их попросту размочит и унесет вниз под гору мутным ручьём» [Ключарева, 2009, с. 29]. Вместе с деревнями утрачивается, уходит ремесло («Нет мастеров. Все уже отправились. <...> И рукоделие с собой унесли. А кому оставлять-то? Дома как один пустые» [Ключарева, 2009, с. 29]). А ведь это память о семье, роде, народе. Остались только «полусгнившие наличники», «лебеди на кособокой калитке», «резной петушок».

В ряде очерков цикла автор говорит об общенациональных, общенародных потерях, которые старались забыть в нулевых, особо о них не упоминать. Одной из таких утрат является Молога – город в Ярославской области (очерк «Подводный уезд»). Этот город, находившийся в 120 километрах от Ярославля, был полностью затоплен, и на месте когда-то плодородных земель образовалось Рыбинское водохранилище. Трагедию города Н. Ключарева передает разными способами: во-первых, создаются фонетические и смысло-

вые ассоциации: «Молога» – это морока – обморок – опрокинутый в омут город – обитель рыбы и мутной воды [Ключарева, 2009, с. 28]. Название с его повторяющимися гласными «О» напоминает плач, стон. Во-вторых, писательница подчеркивает, что жителей Мологи их соседи называют «утопленниками» (живых людей уже потеряли, утратили).

Н. Л. Ключарева трагедию Мологи соотносит с трагедией репрессированного народа, который, несмотря ни на что, выживает. В небольшом очерке репрессированный народ представлен образом попа: «А в бедной береговой церкви служит блаженный поп... В мордовских лагерях его, босого, привязали к дереву, и снег под ним (в крещенские морозы) растаял за ночь до земли. С тех пор он в любую погоду ходит без сапог. И когда его спрашивают, можно ли в пост яйца или молоко, смеется: «Ешьте, робяты, всё ешьте, токо людей не ешьте!» [Ключарева, 2009, с. 28].

Соединение времен и соединение трагедий – характерная черта очерка «Подводный уезд». Город постоянно о себе напоминает. Как поп не умер в мордовских лагерях, так и город не умер окончательно: «Если в безветренную погоду подплыть к тому месту, где раньше была Молога, то сквозь мутную воду проступают очертания улиц, каменные фундаменты, мостовые и даже фонарные столбы» [Ключарева, 2009, с. 6].

Последний абзац, на наш взгляд, выражает точку зрения автора: утрата была бессмысленной, потому что Рыбинское водохранилище само собой уходит, утрачивается («Рыбинское водохранилище мелет»), то есть творение человеческих рук не смогло победить время, остаться в вечности, в отличие от города, который все чаще стал напоминать о себе.

Н. Л. Ключарева показывает, как эти уходящие люди, вещи, объекты «цепляются» за жизнь, хотят остаться, продолжить жить, существовать. «В местах, откуда ушло все живое, вещи приобретают пронзительную и страшную одушевленность» [Ключарева, 2009, с. 6]. Например, в очерке «Деревянное солнце» это большой плюшевый лев, который смотрит на дорогу живыми глазами или «белая колокольня мологской обители», которая «поднимается над морем, оглядывая творение рук человеческих зияющим черным взглядом» («Подводный уезд»).

Мы видим, что у Н. Л. Ключаревой мотив утраты связан с расточительством, о котором упоминается в очерке «Серафима Никитина». Кажется, что конца этим потерям нет, но это первое впечатление. Особого внимания в цикле Н. Л. Ключаревой заслуживают герои – хранители глубинного, традиционного духа. В очерке «Летопись, написанная детьми» такими героями выступают школьники из села Новый Курлак Воронежской области. Они вместе с

учителем истории занимаются краеведческими изысканиями, пытаются сохранить память о прошлом. В их музее «пыльные лапти с тусклыми самоварами, в которых посторонний равнодушный взгляд не увидит ничего примечательного, оживают, обрастая маленькими и неповторимыми человеческими историями» [Ключарева, 2009, с. 51]. И за каждой вещью скрывается человеческая жизнь.

Героём-хранителем является и Серафима Никитина из одноименного очерка. Именно она, по словам автора, «принадлежит к редкому русскому типу собирателей», который «пронзительно важен и трагичен, наверное, только у нас в России, где расточителей не в пример больше, и память о прошлом из нормального свойства, присущего каждому человеку, превращается в редкую доблесть отчаянных одиночек» [Ключарева, 2009, с. 52]. Героиня – ученый-фольклорист, она ездит по деревням, собирает старинные песни.

В очерке «Мечтатели» учитель Красильников каждую неделю ездил на велосипеде за 40 км только для того, чтобы обновлять русскоязычный сайт о муравьях. Учитель рисования Семенов строил Дворец Искусств для сельских школьников на собственные деньги. Т. Г. Курсина бережет память о политических заключенных из лагеря «Пермь-36».

Хранить можно не только вещи или память об этих вещах, но и человеческую жизнь, вернее, бере-

гать, защищать ее. Именно этим занимается отец Борис в очерке «Богатырь и детские колокольчики». Он сам построил Свято-Лазаревский монастырь, обустроил конюшни. Именно здесь отец Борис возвращает в жизнь трудных подростков: «не постом и молитвой, а джигитовкой и вольтижировкой» [Ключарева, 2009, с. 20].

Итак, Н. Л. Ключарева понимает, что в России нулевых, несмотря на потери, есть люди, осознающие необходимость соблюдать и сохранять традиции.

Полагаем, что в цикле «Деревянное солнце» особую роль играют интертекстуальные связи. Мы уже упоминали «Повесть временных лет» (в связи с очерком «Шамбала Кологривского уезда»). Связь с «Повестью временных лет» мы обнаруживаем и в одном из последних произведений сборника – «Ниоткуда в тартарары». Завершается очерк вопросом: «Откуда есть пошла?». Вопрос, заданный в произведении XII века, дополняется в

очерке Н. Л. Ключаревой вопросом из поэмы Н.В. Гоголя «Куда мчишься?». И если в «Повести...» сказано, что «пошла» от апостолов, показывая мощный фундамент русской государственности, путь героический, широкий, то в цикле «Деревянное солнце» эта связь потерялась: «Ниоткуда, – отвечает. – В тартарары» [Ключарева, 2009, с. 52]. В этом же эссе мы находим отсылку к известному стихотворению Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять», но строчки приобретают трагические ноты: «Зачем? Почему? В чем корень наших нетей? Даже не пытайся, уברי аршин. Не понять умом, да-да. Только слово «стать» тут исключительно для рифмы поставлено. У нас не стать, а гать, тухлое болотце с лишайничком...» [Ключарева, 2009, с. 57].

Таким образом, циклообразующим началом в «Деревянном солнце» Н. Л. Ключаревой являются мотивы Родины, дороги, дома, утраты, несущие важное содержательное и конструктивное начало.

Библиографический список

1. Близняк О. М. Мотивные комплексы как системная характеристика современной русской литературы: на материале творчества А. Барковой, О. Фокиной, Н. Ключаревой. Краснодар, 2011. 24 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Москва : Высшая школа, 1989. 408 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Москва : Наука, 1994. 304 с.
4. Дарвин М. Н. Цикл // Введение в литературоведение. Москва : Высшая школа, 2000. С. 329-339.
5. Клабукова Ю. В. Аутичность и коммуникативность как ментальные модели и приемы построения пространства в повести Н. Ключаревой «Деревня дураков» // Вестник ВятГУ. 2015. № 4. С. 96-101.
6. Ключарёва Н. Л. Деревянное солнце. «ЛитРес: Самиздат», 2009. 61 с.

7. Лассан Э. Дорога без конца как русская национальная идея // Русистика и компаративистика: Сб. науч. ст. Москва : МГПУ, 2008. Вып. 3. С. 211–223.
8. Лихина Н. Е. Антиномичность как сюжетно-композиционный принцип повести Н. Ключаревой «Деревня дураков» // Филологический аспект. 2019. № 8 (52). С. 97–108.
9. Ляпина Л. Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 1990. №1. С. 22–30.
10. Ляпина Л. Е. Литературная циклизация: (К истории изучения) // Русская литература. 1998. №1. С. 170–177.
11. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В. Я. Проппа. Москва : [Наука], 1975. С. 141–155.
12. Силантьев И. В. Мотив в системе художественного повествования. Проблемы теории и анализ. Новосибирск, 2001. 236 с.
13. Силантьев И. В. Поэтика мотива. Москва : Языки славянской культуры. 2004, 296 с.
14. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Научное издание. Новосибирск : Издательство ИДМИ, 1999. 104 с.
15. Тамарченко Н. Д. Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему) // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1988. С. 38–48.
16. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Собр. соч. в XX т. Т. 8. Москва : Терра, 1997.
17. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Москва : Аспект Пресс, 1996. 334 с.
18. Тюпа В. И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс. 1996. № 2. С. 52–54.
19. Фрейденберг О. М. Система литературного сюжета // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. Москва : Наука, 1988. С. 216–237.
20. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва : Высшая школа, 1999. 404 с.

Reference list

1. Bliznjak O. M. Motivnye komplekсы как sistemnaja harakteristika sovremennoj russkoj literatury: na materiale tvorčestva A. Barkovoj, O. Fokinoj, N. Ključarevoj = Motive complexes as a system characteristics of modern Russian literature: based on the works of A. Barkova, O. Fokina, and N. Klyuchareva. Krasnodar, 2011. 24 s.
2. Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics. Moskva : Vysshaja shkola, 1989. 408 s.
3. Gasparov B. M. Literaturnye lejtmotivy = Literary leitmotifs. Moskva : Nauka, 1994. 304 s.
4. Darvin M. N. Cikl = Cycle // Vvedenie v literaturovedenie. Moskva : Vysshaja shkola, 2000. S. 329–339.

5. Klabukova Ju. V. Autichnost' i kommunikativnost' kak mental'nye modeli i priemy postroenija prostranstva v povesti N. Kljucharevoj "Derevnja durakov" = Autism and communicativeness as mental models and methods of constructing space in N. Klyuchareva's story "The Village of Fools" // Vestnik VjatGU. 2015. № 4. S. 96-101.
6. Kljucharjova N. L. Derevjannoe solnce = Wooden sun. «LitRes: Samizdat», 2009. 61 s.
7. Lassan Je. Doroga bez konca kak russkaja nacional'naja ideja = The road without end as a Russian national idea // Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. st. Moskva : MGPU, 2008. Vyp. 3. S. 211–223.
8. Lihina N. E. Antinomichnost' kak sjuzhetno-kompozicionnyj princip povesti N. Kljucharevoj "Derevnja durakov" = Antinomianism as a plot-compositional principle of N. Klyuchareva's story "The Village of Fools" // Filologicheskij aspekt. 2019. № 8 (52). S. 97–108.
9. Ljapina L. E. Zhanrovaja specifika literaturnogo cikla kak problema istoricheskoj pojetiki = Genre specificity of a literary cycle as a problem of historical poetics // Problemy istoricheskoj pojetiki. 1990. №1. S. 22–30.
10. Ljapina L. E. Literaturnaja ciklizacija: (K istorii izuchenija) = Literary cyclization: (On the history of the studies) // Russkaja literatura. 1998. №1. S. 170–177.
11. Putilov B. N. Motiv kak sjuzhetoobrazujushhij jelement = Motive as a storytelling element // Tipologicheskie issledovanija po fol'kloru. Sbornik statej v pamjat' V. Ja. Proppa. Moskva : [Nauka], 1975. S. 141–155.
12. Silant'ev I. V. Motiv v sisteme hudozhestvennogo povestvovanija. Problemy teorii i analiz. = Motive in the system of literary narrative. Theory and analysis problems. Novosibirsk, 2001. 236 s.
13. Silant'ev I. V. Pojetika motiva. = Motif poetics. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2004, 296 s.
14. Silant'ev I. V. Teorija motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii.= The motif theory in Russian literary criticism and folklore studies: an essay on historiography. Novosibirsk : Izdatel'stvo IDMI, 1999. 104 s.
15. Tamarchenko N. D. Motiv prestuplenija i nakazanija v russkoj literature (vvedenie v problemu) = The motive of crime and punishment in Russian literature (introduction to the problem) // Materialy k slovarju sjuzhetov i motivov russkoj literatury: Sjuzhet i motiv v kontekste tradicii. Novosibirsk, 1988. S. 38–48.
16. Tolstoj L. N. Anna Karenina = Anna Karenina // Sobr. soch. v XX t. T. 8. Moskva : Terra, 1997.
17. Tomashevskij B. V. Teorija literatury. Pojetika. = Theory of literature. Poetics. Moskva : Aspekt Press, 1996. 334 s.
18. Tjupa V. I. Tezisy k proektu slovarja motivov = Theses for the dictionary of motives draft // Diskurs. 1996. № 2. S. 52-54.

19. Frejdenberg O. M. Sistema literaturnogo sjuzheta = Literary plot system // Montazh: Literatura. Iskusstvo. Teatr. Kino. Moskva : Nauka, 1988. S. 216–237.
20. Halizev V. E. Teorija literatury = Literary theory. Moskva : Vysshaja shkola, 1999. 404 s.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 27.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.
The article was submitted on 05.03.2022; approved after reviewing 27.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-103-113
EDN: XKSNQC

**О формировании русского научного языка
во второй половине XVIII – начале XIX веков**

Наталья Владимировна Николенкова

Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», г. Москва
natanik2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5875-6028>

Аннотация. Изучение истории языка русской науки необходимо в первую очередь для понимания тенденций и перспектив ее развития. Язык русской науки сегодня подвергается сильному влиянию английского – это связано и с требованиями писать статьи в англоязычные журналы, и с проведением многочисленных международных конференций, на которых даже русисты делают доклады на английском, и с распространением англоязычной по происхождению терминологии, заменявшей устоявшуюся русскую, что для многих кажется маркером «новизны» подхода. Изменить подход можно только если понять, какие тенденции действовали в русском научном языке на разных этапах его исторического развития. Настоящая статья посвящена одному из самых ранних периодов формирования русского научного языка – второй половине XVIII – началу XIX вв. Именно в этот период появляются первые русские ученые, пишущие на родном языке. Активизация переводческой деятельности приводит к появлению качественных сочинений научного характера (это и энциклопедии, и учебные книги, и словари) – и эти произведения становятся ориентиром для появления оригинальных научных текстов. Наконец, в 1783 г. создается Российская Академия, первым трудом которой становится Словарь Академии Российской (1789-1794 гг.). В работе проанализированы некоторые особенности языка науки этого периода и их отражение в научном языке нашего времени. В статье делается вывод, что формирование языка науки в период XVIII – начала XIX в. было противоречивым: научный язык стремился избегать морфологических и синтаксических новаций и одновременно лексика языка стремилась к образности и яркости, что привело к формированию в русском языке терминологии, имеющей внутреннюю форму.

© Николенкова Н. В., 2022

Ключевые слова: история русского языка; язык русской науки XVIII – начала XIX вв.; научная терминология; Словарь Академии Российской; М. В. Ломоносов; А. П. Сумароков; Н. М. Карамзин

Для цитирования: Николенкова Н. В. О формировании русского научного языка во второй половине XVIII – начале XIX веков // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 103-113. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-103-113>. <https://elibrary.ru/xksnqc>.

Original article

On forming the Russian scientific language in the late XVIII – early XIX centuries

Natalia V. Nikolenkova

Candidate of philological sciences, associate professor at the Faculty of philology,
Lomonosov Moscow State University, Moscow
natanik2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5875-6028>

Abstract. Studying the history of the Russian language of science is necessary primarily to understand the trends and prospects of its development. The language of Russian science today is heavily influenced by English, which is due to the requirement to write articles for journals in English, and to numerous international conferences where even Russian scientists make reports in English, as well as to the spread of terminology in English, in place of the conventional Russian terminology, which for many seems a marker of “novelty” in approach. It is possible to change the approach only if we understand the tendencies in the Russian scientific language at different stages of its historical development. This article is devoted to one of the earliest periods in the formation of the Russian scientific language – the second half of XVIII – early XIX centuries. It was during this period that the first Russian scholars appeared, writing in their native language. And the increasing translation activity leads to the appearance of quality works of a scientific nature (encyclopedias, academic books, and dictionaries) – and these works become a reference point for the emergence of original scientific texts. Finally, in 1783 the Russian Academy was founded, and its first work was the Dictionary of the Russian Academy (1789-1794). The article analyzes certain features of the scientific language at that period and their reflection in the current scientific language. The author concludes that the formation of the science language in XVIII – early XIX centuries was contradictory: the scientific language sought to avoid morphological and syntactic innovations and at the same time the vocabulary of the language sought imagery and vividness, which led to the formation of terminology with its internal form in the Russian language.

Key words: history of the Russian language; language of Russian science in XVIII – early XIX centuries; scientific terminology; Dictionary of the Russian Academy; M. V. Lomonosov; A. P. Sumarokov; N. M. Karamzin

For citation: Nikolenkova N. V. On forming the Russian scientific language in the late XVIII – early XIX centuries. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12): 103-113. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-103-113>. <https://elibrary.ru/xksnqc>.

Язык русской науки начинает формироваться в середине XVII в. [Николенкова, 2013], безусловно, наиболее важным из ранних этапов является период с середины XVIII по начало XIX в., когда появляются первые по-настоящему научные труды – как переводные, так и оригинальные. Именно середина XVIII в. – это деятельность М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, активизация лексикографической работы, итогом которой явилось создание Словаря Академии Российской 1789-1794 гг.; переводятся с европейских языков энциклопедии, создаются грамматики русского и иностранных языков. Традиция описания научного языка этого периода – указание на формирование собственно русской научной терминологии, которая базируется на трех принципах: по возможности термин необходимо перевести (формируя новое слово или используя имеющие в языке языковые единицы, в том числе славянизмы), можно калькировать термин или полностью заимствовать его [Камчатнов, 2005]. Проблема формирования языка русской науки в течение долгого времени являлась актуальной, становясь предметом ис-

следования многих российских филологов в разное время [Борисова 1982; Веселитский 1964; Герд 1971; Кутина 1964; Гиренко 2003; Иванилова 2021; Итунина 2020; Коготкова 1991; Кожина 1994; Котюрова 1983; Татаринов 1995; Трошева 1994; Царев 1967].

Однако язык науки не состоит только из терминов, хотя этот признак называют в качестве главного при описании научного стиля речи сегодня [Сидорова, 2005]. «Для современного научного стиля актуален целый ряд параметров: преимущественное использование сложных синтаксических конструкций, деепричастных оборотов, употребление сложных союзов, отглагольных существительных и т. д.» [Сидорова, 2005, с. 102]. Важными для описания научного стиля речи являются определенные лингвистические запреты, среди которых отсутствие слов, имеющих экспрессивную окраску [Сидорова, 2005].

Такое представление о научном языке вырабатывается в XX в., тогда как язык науки предшествующих периодов множества из этих положений не знал. Обращаясь к научным текстам XVIII–XIX вв.,

можно обнаружить целый ряд языковых особенностей, которые с течением времени либо перестали быть актуальными для научного языка, либо даже превратились в запреты (разной степени строгости). Но на ранних этапах развития научного языка именно такие признаки могли быть маркером научного текста. Рассмотрим некоторые из них.

Яркой лексической особенностью научного языка XVIII – начала XIX вв. в сравнении с языком современной науки является широкое распространение в нем диминутивов (*в науке есть два варианта написания термина – через «и» или «е». Вариант «диминутив» сегодня кодифицирован орфографистами и включен в словарь* (<https://orfo.ruslang.ru/search/word>). Большая часть таких образований в современном русском языке имеют экспрессивную стилистическую окраску – уменьшительно-ласкательный вариант может использоваться, к примеру, в текстах, обращенных к детям младшего возраста (такие употребления характерны для детских текстов начиная со сказок – *лисичка, зайчик, петушок* [Скляревская, 2016], но есть и в детской литературе обучающего характера – «найди на картинке ..., нарисуй солнышко» и т. д.). Научная статья не может содержать такой лексики, если она не вошла в язык как термин. Вхождение в научный язык таких образованных как диминутивы терминов как раз и

относится в рассматриваемому периоду.

В первую очередь необходимо отметить лексему «*частица*» в значениях ‘одна из служебных частей речи’ и ‘наименьшая часть чего-то’. Ее широко использует М. В. Ломоносов: «показано, что упругость воздуха зависит... от самых простых, твердых и неразделимых частиц (Рассуждение о упругости воздуха, 1749) (*все примеры, кроме обозначенных отдельно, взяты из НКРЯ:*

<https://processing.ruscorpora.ru/search/>); «воздух теплотворной материи противится, связав оную между своими частицами» (Волфианская экспериментальная физика, 1745); «химия показывает только материи, из которых состоят смешанные тела, а не каждую их частицу особливо» (Слово о пользе химии, 1751). Диминутивный характер термина подчеркивается возможностью для самого ученого менять ее в некоторых случаях на «*крупница*» [Волков, 2010, с. 72]. Широко употребляют его и другие авторы середины XVIII в., обращаясь к научному материалу: «однако выключаются из сего ... частицы и, не, ни» (Тредиаковский В. К. Способ к сложению российских стихов, 1751-1752); «сие воздушное видение, от частиц ледоватых в воздухе, освещенных солнцем, происходящее, прежде за чудесное и предзнаменательное поставлялось» (Татищев В. Н. История российская, 1750).

Обращение к другим текстам научного содержания описываемого периода дает возможность увидеть, что диминутивы используются невероятно широко, причем в основном значении – для обозначения предмета небольшого размера. Уменьшительная форма слов создает образность текста – читающий может представить себе размеры каждого описываемого объекта. Приведем примеры из энциклопедий о животных: *лапки* у ней весьма коротки, продолговатым *носиком*, *птичка* имеет *шейку* (Новое зрелище вселенная, представленное из Царства Природы, 1811). Такие характеристики получают животные и птицы, не отличающиеся большими размерами – жаворонок, воробей, *кролик* (диминутивом является и само название животного – кролик; слово заимствовано из польского, суффикс «ик» здесь имеет значение «маленький» *król*).

Во многих случаях диминутив, в XVIII в. используемый в основном значении, сегодня стал термином и это уменьшительное значение потерял. К примеру, говоря о насекомых, авторы и переводчики энциклопедий конца XVIII в. широко используют лексему «усики» (*осязательные усики*). В языке современной биологии мы имеем термин «усики» для названия органов осязания и обоняния, например, членистоногих. Другой пример – термин «чешуйки» (в биологии есть отряд чешуйчатых; «чешуйками» называют вкрапления частиц в ми-

нералогии – также со времен М. В. Ломоносова). В биологии широко распространен диминутив «*лапка*» – к примеру, растение «кошачья лапка» и т. д.

В XVIII в. наряду с термином «животное», которое постепенно становится основным в текстах о животных, используется «зверь, *зверок*». В словнике Словаря Академии Российской обе лексемы даны как нейтральные варианты в значении ‘животное четвероногое бессловесное, дикое’ [САР-3, 1974, с. 35], а как «уменьшительное» характеризуется «*зверочек*». Если приведенные выше примеры из энциклопедий обращены к молодому поколению (к российскому юношеству), то САР – серьезный научный труд, составленный ведущими учеными Российской Академии [Камчатнов, 2005, с. 599-600]. Диминутивы весьма частотны в словарных статьях САР, что еще раз доказывает ориентированность языка науки раннего периода на образность в передаче научной информации. В разных словарных статьях о животных (все эти статьи относятся к энциклопедическим, а не собственно лингвистическим – составители САР описывают конкретное животное, а не дают толкование лексеме) отмечаем употребления *зайчик*, *рыбка*, *лапки*, *хвостик*, *бычок* в значениях ‘животное маленького размера’ или ‘детеныш’ («может родиться 8 *зайчаток*»), например).

Отмечены диминутивы и в других энциклопедических статьях

САР. К примеру, описание компаса начинается так: «Орудие, показывающее страны света и состоящее из магнитной стрелки, надетой на острее, утвержденное на дне *ящичка*, стеклом покрытаго. У морского компаса бывают два ящика» [САР-3, 1974, с. 764]. Артиллерийское «трещотка» включает такой фрагмент описания: «в середине же оных прикрепляется тонкая из крепкого дерева *дощечка*, которая во время верчения с одной *бороздки* на другую перескакивая производит треск» [САР-6, 1974, с. 261]. Таким образом, можно утверждать, что на самом раннем этапе своего развития язык русской науки стремился не к сухому безэмоциональному изложению, а как раз к яркости, к желанию вызвать у читателя образ описываемого предмета.

Следующей особенностью раннего этапа формирования научного языка будет его зависимость от устаревших или устаревающих слов. Язык художественной литературы этого времени уже всячески стремится к отказу от архаизмов: к примеру, в рецензии на перевод романа Ричардсона «Кларисса» Н. М. Карамзин пишет: «*Колико для тебя чувствительно* и проч. Девушка, имеющая вкус, не может ни сказать, ни написать в письме *колико*» [Камчатнов, 2005, с. 425]. При этом научные тексты включают данный союз: «Я вам прежде говорил, *колико* науки полезны» (Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ, 1733);

«не довольно, чтобы хорошую делать известь, порядочно ее гасить и мешать с песком, но надобно еще наблюдать меру ... и не подливать, *колико* возможно, свежей воды» (Зрелище природы и художеств, 1784); «а в диссертациях то сии соплетатели *колико* много нагородили всенелепых небылиц (Самойлович Д.С. Способ самый удобный повсеместного врачевания смертоносной язвы заразноносной чумы, 1797) – в последнем примере «*колико*» выполняет роль, близкую к усилительной частице. С началом XIX века, по данным НКРЯ, «*колико*» исчезает из текстов.

До 20-х гг. XIX в. в языке науки активно употребляются местоимения «*сей*» и «*оний*», в языке художественной литературы они постепенно вытесняются местоимениями «*тот*» и «*этот*». Любопытно, что эти архаизированные местоимения используются даже в энциклопедиях, предназначенных для детского и юношеского чтения, к примеру: *сие* кровожадное животное; *сие* беспокойное животное; *сей* воробенышек; *сие* удивительное плодородие; умерщвляют целые стада *оных* (Новое зрелище вселенныя, представленное из Царства Природы, 1811), широко используется в энциклопедических статьях САР. Авторы включают архаизированные местоимения в описания даже в тех случаях, когда они оказываются окружены новыми заимствованиями: «Судно *сие* длиною по гондеку 91 фут, по килю 80; ширина его 25,

а глубина трюма 12 фут»; «оная компания решила послать вторично судно «Нева» в такую же экспедицию (Головнин В. М. Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку, 1809).

Такое словоупотребление, на наш взгляд, не связано с попыткой придания языку науки высокого стиля – в грамматиках этого периода ни архаичный, ни славянизированный характер данных местоимений не отмечен [РГ, 1802, с. 141], нет его и в словарях. Скорее речь должна идти об отказе использовать в научном языке слова, характерные для сочинений «нового стиля»; тем самым научные сочинения воспринимались как тексты с основой на уже сложившиеся мнения, как имеющие солидную основу. Заметим, что во многом такой подход сохраняется и в языке современной науки (использование слов типа «тренд» или «кейс» кажется современным подходом, тогда как отказ от их использования свойственен традиционным исследованиям).

В языке науки XVIII – начала XIX вв. активно употребляются формы «есть» и «суть», хотя в художественных текстах уже преобладают нулевые формы связки. Приведем некоторые примеры: «Таковы *суть* озера Канадския и Каспийское в Персии, иначе Каспийским морем называемое» (Зрелище природы и художеств, 1784); «Философия *есть* наука испытания причин истинам (Козельский Я. П.

Философические предложения, 1768); «самые величайшие и славнейшие из них *суть* Нильские крокодилы» (Новое зрелище вселенная, представленное из Царства Природы, 1811). Использование связки помогает разбить предикативную единицу на две части, во многих случаях подсказывая, что сейчас будет дана дефиниция или другая важная информация. В языке современной науки обе формы потенциально возможны – но только в определении, дефиниции. Активно используют форму «суть» медиевисты, в их текстах часто можно обнаружить некоторую архаизацию стиля.

Широкое использование глагольной связки можно также связать с тем, что ряд научных текстов до начала XIX в. может иметь вопросно-ответную форму. Такая традиция идет из грамматических сочинений – еще и в начале XVIII в. часть из них строилась на чередовании вопросов и ответов правильного содержания и формы, так были построены и другие научные тексты, например, «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ» В. Н. Татищева. В начале XIX в. эта форма остается в текстах, предназначенных для юношества («Детская энциклопедия» в 6 частях, переведенная С. Ушаковым, 1811 г.). Заметим, что и в сегодняшних учебных пособиях и детских энциклопедиях вопросы занимают существенное место, хотя составители все же намного реже предлагают варианты

ответов (однако для маленьких детей составляют тексты такого характера).

Назовем еще один яркий признак научного языка рассматриваемого периода – использование прилагательных с суффиксом «оват». Практику употребления таких прилагательных начинает М. В. Ломоносов при редактировании перевода «Минерального каталога Кунсткамеры» с латинского на русский язык. Ломоносов также очевидно стремится к образности научного языка – прилагательным «словатый» он заменяет большое число нейтральных прилагательных, использованных его предшественниками [Волков, 2010]. В языке Ломоносова встречается и другие образования этого типа – *морщеватый, жиловатый*. Активное использование такой словообразовательной модели мы обнаруживаем в статьях Словаря Академии Российской: *желтоватый, красноватый, шероховатый, кругловатопродолговатый* и т. д. [САР, 1974]. Современный научный язык не содержит запрета на употребление таких прилагательных, но существенно ограничивает их использование – свойственны они по-прежнему лишь профессиональному языку геологии.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Формирование языка науки в период XVIII – начала XIX в. было во многом противоречивым. С одной стороны, научный язык стремился избегать морфологических и синтаксических новаций, свойственных ряду художественных произведений этого периода (сочинения А. П. Сумарокова, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина и его последователей). Сохранение определенной архаичности формы изложения создавало видимость консерватизма научного языка, опоры на многочисленные традиции. С другой стороны, лексика языка (во многом благодаря языку Ломоносова, а потом и составителей Словаря Академии Российской) стремилась к образности, яркости, формированию у читателя представления об описанном предмете. Это привело к формированию в русском языке терминологии, имеющей внутреннюю форму (ушки, усики). Такая терминология, восходящая к раннему этапу формирования научного языка, не создает разрыва между литературным языком и особым научным стилем, позволяет вводить эту терминологию в речь даже юных носителей русского языка.

Библиографический список

1. Борисова Е. Н. Формирование терминологических систем в русском языке второй половины XVIII века // История структурных элементов русского языка: Сборник научных трудов. Москва : МГПИ им. В. И. Ленина, 1982. С. 72-81.

2. Веселитский В. В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. Москва : Наука, 1964. 176 с.
3. Волков С. С. М. В. Ломоносов в работе над «Минеральным каталогом» // Словарь языка М. В. Ломоносова. Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М. В. Ломоносова». Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. С. 49-74.
4. Герд А. С. Проблемы становления и унификации научной терминологии // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 14-22.
5. Гиренко Л. С. Лексические средства выражения плотности содержания (в русских научных текстах XVIII в.) // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь : Пермский ун-т, 2003. Вып. 6. С. 140-152.
6. Иванилова Т. Н. Роль Ломоносова в развитии научного стиля и формировании научной терминологии. URL: http://www.f-tnx.ru/inostrannye_yazyki_i_yazykoznanie/rol_lomonosova_v_razvitiy_nauchnogo.html. (Дата обращения: 16.11.2021).
7. Итунина А. Л. Особенности формирования языка русской науки в XVIII - начале XIX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 10 (100). Часть 2. Октябрь. С. 149-151.
8. Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. Москва : Издательский центр «Академия», 2005. 688 с.
9. Коготкова Т. С. Национальные истоки русской терминологии. Москва : Наука, 1991. 120 с.
10. Кожина М.Н. Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Ч. 1 / В. А. Салимовский, М. П. Котюрова [и др.]. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1994. 300 с.
11. Котюрова М. П. Эволюция выражения связности речи в научном стиле XVIII–XX вв. Пермь : ПГУ, 1983. 80 с.
12. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). Москва ; Ленинград : Наука, 1964. 219 с.
13. Николенкова Н. В. Стратегии формирования церковнославянского языка как языка науки в XVII в. (на примере перевода Атласа Влаеу) // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21-27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. Москва : Индрик, 2013. С. 590-609.
14. Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской академией. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1802. 355 с.
15. Сидорова М. Ю. Русский язык. Культура речи. Конспект лекций / М. Ю. Сидорова, В. С. Савельев. Москва : Айрис-пресс, 2005. 208 с.
16. Складневская Г. Н. Русские деминутивы как языковой и культурный феномен (имена существительные нарицательные) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 53. Москва : Макс пресс, 2016. С. 323-336.
17. Словарь Академии Российской. Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1789-1794. В 6 тт. Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1974, 600 с.
18. Татаринов В. А. История отечественного терминоведения: В 3 т. / В. А. Татаринов. Т. 2: Направления и методы терминологических исследований:

очерк и хрестоматия. Москва : Моск. лицей, 1995. 333 с.

19. Трошева Т. Б. Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней, ч. 2: Синтаксис. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1994. 155 с.

20. Царев А. А. Сложные слова в языке научной прозы М.В. Ломоносова // Ломоносовские чтения / Казан. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань : Изд. Казанского ун-та, 1967. 88-92 с.

Reference list

1. Borisova E. N. Formirovanie terminologicheskikh sistem v russkom jazyke vtoroj poloviny XVIII veka = Terminological systems formation in Russian in the second half of XVIII century // Istorija strukturnyh jelementov russkogo jazyka: Sbornik nauchnyh trudov. Moskva : MGPI im. V. I. Lenina, 1982. S. 72-81.

2. Veselitskij V. V. Razvitie otvlechennoj leksiki v russkom literaturnom jazyke pervoj treti XIX v. = Developing abstract vocabulary in the Russian literary language of the first third of XIX century. Moskva : Nauka, 1964. 176 s.

3. Volkov S. S. M. V. Lomonosov v rabote nad «Mineral'nym katalogom» = Lomonosov at work on the Mineral Catalogue // Slovar' jazyka M. V. Lomonosova. Vyp. 5. Slovar'-spravochnik «Mineralogija M. V. Lomonosova». Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2010. S. 49-74.

4. Gerd A. S. Problemy stanovlenija i unifikacii nauchnoj terminologii = Problems of establishing and unifying scientific terminology // Voprosy jazykoznanija. 1971. № 1. S. 14-22.

5. Girenko L. S. Leksicheskie sredstva vyrazhenija plotnosti sodержanija (v russkikh nauchnyh tekstah XVIII v.) = Lexical means of expressing content density (in XVIII century Russian scientific texts) // Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste. Perm' : Permskij un-t, 2003. Vyp. 6. S. 140-152.

6. Ivanilova T. N. Rol' Lomonosova v razvitii nauchnogo stilja i formirovanii nauchnoj terminologii = Lomonosov's role in developing scientific style and forming scientific terminology. URL: http://www.fmx.ru/inostranye_jazyki_i_jazykoznanie/rol_lomonosova_v_razvitii_nauchnogo.html. (Data obrashhenija: 16.11.2021).

7. Itunina A. L. Osobennosti formirovanija jazyka russkoj nauki v XVIII – nachale XIX veka = Specifics of forming the language of Russian science in the XVIII-beginning of the XIX century // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2020. № 10 (100). Chast' 2. Oktjabr'. S. 149-151.

8. Kamchatnov A. M. Istorija russkogo literaturnogo jazyka: XI – pervaja polovina XIX veka. = History of Russian literary language: XI – first half of XIX century. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. 688 s.

9. Kogotkova T. S. Nacional'nye istoki russkoj terminologii = National origin of Russian terminology. Moskva : Nauka, 1991. 120 s.

10. Kozhina M. N. Razvitie nauchnogo stilja v aspekte funkcionirovanija jazykovyh edinic razlichnyh urovnej. Ch. 1 = Evolution of scientific style in terms of linguistic units functioning at different levels. Part 1 / V. A. Salimovskij, M. P. Kotjurova [i dr.]. Perm' : Izd-vo Perm. un-та, 1994. 300 s.

11. Kotjurova M. P. Jevoljucija vyrazhenija svjaznosti rechi v nauchnom stile XVIII–XX vv. = Evolution of coherent speech expression in the scientific style of XVIII–XX centuries. Perm' : PGU, 1983. 80 s.
12. Kutina L. L. Formirovanie jazyka russkoj nauki: (Terminologija matematiki, astronomii, geografii v pervoj treti XVIII v.) = Shaping the Russian scientific language: (Terminology of mathematics, astronomy, and geography in the first third of XVIII century). Moskva ; Leningrad : Nauka, 1964. 219 s.
13. Nikolenkova N. V. Strategii formirovanija cerkovnoslavjanskogo jazyka kak jazyka nauki v XVII v. (na primere perevoda Atlasa Blaeu) = Strategies for developing Church Slavonic as a language of science in the XVII century (based on the translation of Blaeu's Atlas) // Slavjanskoe jazykoznanie. XV Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov. Minsk, 21-27 avgusta 2013 g. Doklady rossijskoj delegacii. Moskva : Indrik, 2013. S. 590-609.
14. Rossijskaja grammatika, sochinennaja Imperatorskoj Rossijskoj akademiej = Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy. Sankt-Peterburg : Tip. Imp. Akad. nauk, 1802. 355 s.
15. Sidorova M. Ju. Russkij jazyk. Kul'tura rechi. Konspekt lekcij = The Russian language. Culture of speech. Concise lecture notes / M. Ju. Sidorova, V. S. Savel'ev. Moskva : Ajris-press, 2005. 208 s.
16. Skljarevskaja G. N. Russkie deminutivy kak jazykovoj i kul'turnyj fenomen (imena sushhestvitel'nye naricatel'nye) = Russian deminutives as a linguistic and cultural phenomenon (nominative nouns) // Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. statej. Vyp. 53. Moskva : Maks press, 2016. S. 323-336.
17. Slovar' Akademii Rossijskoj = Dictionary of the Academy of Russia. Sankt-Peterburg : Imperatorskaja Akademija Nauk, 1789-1794. V 6 tt. Sankt-Peterburg : Imperatorskaja Akademija Nauk, 1974, 600 s.
18. Tatarinov V. A. Istorija otechestvennogo terminovedenija: V 3 t. T.2 Napravlenija i metody terminologicheskikh issledovanij: ocherk i hrestomatija = History of Russian terminology studies: In 3 vols. Vol. 2 Directions and methods of terminological research: an essay and textbook. Moskva : Mosk. licej, 1995. 333 s.
19. Trosheva T. B. Razvitie nauchnogo stilja v aspekte funkcionirovanija jazykovyh edinic razlichnyh urovnej. Ch. 2: Sintaksis. = Evolution of scientific style in terms of linguistic units functioning at different levels. Part 2: Syntax. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 1994. 155 s.
20. Carev A. A. Slozhnye slova v jazyke nauchnoj prozy M.V. Lomonosova // Lomonosovskie chtenija = Compound words in M. V. Lomonosov's scientific prose // Lomonosov Readings / Kazan. ordena Trudovogo Krasnogo Znameni gos. un-t im. V. I. Ul'janova-Lenina. Kazan' : Izd. Kazanskogo un-ta, 1967. 88-92 s.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.
The article was submitted on 16.03.2022; approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-114-127
EDN: XBGEWA

**Русскоязычный литератор в социокультурных коллизиях XX-XXI вв.:
литературная диаспоральность как культурный тренд**

Ермолин Евгений Анатольевич

Доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.
ox-eye2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>

Аннотация. Статья посвящена трансформации статуса и приоритетов русскоязычного литератора, находящего себя в диаспоре. Культурным лоном литературы на русском языке исходно была историческая Россия в пределах российской государственности. В XX веке эта литература разделилась на литературу метрополии и литературу русскоязычной диаспоры. С конца XX века вследствие историко-политических пертурбаций русскоязычная литература создается в разных странах мира, являясь результатом не только миграций литераторов, но и автономных литературных процессов в этих регионах и странах. Причем можно говорить как о глобальных коммуникациях в русскоязычной мировой сфере, так и о существовании локальных русскоязычных литературных сообществ. Литература создаётся русскоязычным литератором на разной культурной почве, она приобретает специфические черты в зависимости от этой почвы, но и в сопряжении с воспоминаниями о русской литературной традиции и мировыми литературными трендами. Предметом исследования является не диаспоральное сообщество как таковое, а историко-культурная ситуация, когда русскоязычная словесность, исходно базировавшаяся главным образом в определенных государственных границах, выходит за их пределы и существует независимо от тех государственных институций, которые традиционно с нею так или иначе связывались. В статье характеризуется культурный феномен диаспоры как «этническая маргинальность», этнокультурная общность, функционирующая в

иноэтническом контексте, рассматриваются основные историко-культурные этапы соотношения метрополии и диаспоры. Особое внимание уделяется кризисной творческой ситуации писателя, который, оказавшись в чуждой социокультурной среде, обретал особый кросскультурный писательский опыт как состояние и творческую рефлексию, вызванные сменой среды и потерей привычных, обычных для некогда усвоенной культуры ценностных ориентиров, в разной мере успешным поиском ответа на вопросы о своей идентичности, когда прежний опыт становился атрибутом памяти и рефлексии.

Ключевые слова: историко-культурная почва; русская культура; русскоязычный литератор; культурная диаспоральность; русскоязычные литературные сообщества; метрополия; кросскультурный писательский опыт

Для цитирования: Ермолин Е. А. Русскоязычный литератор в социокультурных коллизиях XX-XXI вв.: литературная диаспоральность как культурный тренд // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 114-127. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-114-127>. <https://elibrary.ru/xbgewa>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

The Russian-speaking writer in the socio-cultural collisions of the XX-XXI centuries: literary diasporality as a cultural trend

Evgeny A. Ermolin

Doctor of pedagogical sciences, candidate of art criticism, professor, head of the department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
ox-eye2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>

Abstract. The article deals with the transformation of the status and priorities of Russian-speaking writers who find themselves in a diaspora. The cultural background of literature in Russian was originally historical Russia within the Russian statehood. In the 20th century, this literature divided into the literature of the metropolis and the literature of the Russian-speaking diaspora. Since the end of the XX century, due to historical and political perturbations, literature in Russian is produced in different countries of the world, resulting not only from literary migrations, but also from autonomous literary processes in these regions and countries. It is possible to speak of both global communications in the Russian-speaking world and the existence of local Russian-speaking literary

Русскоязычный литератор в социокультурных коллизиях XX-XXI вв.: литературная диаспоральность как культурный тренд

115

communities. Literature is created by Russian-speaking writers on different cultural bases, it acquires specific features depending on this basis, but also in conjunction with memories of the Russian literary tradition and global literary trends. The subject of the study is not the diaspora community as such, but the historical and cultural situation in which Russian-language literature, originally based primarily within certain state boundaries, goes beyond them and exists independently of those state institutions that have traditionally been associated with it in one way or another. The article characterizes the cultural phenomenon of diaspora as “ethnic marginality”, an ethno-cultural community functioning in a non-ethnic context, and considers the main historical and cultural stages of the relationship between the metropolis and the diaspora. Particular attention is paid to the crisis situation in the writer's work. Being in an alien socio-cultural environment, the writer acquired a special cross-cultural writing experience as a condition and creative reflection, caused by a change of environment and the loss of the familiar, usual values of the native culture, and by questions about one's identity, when previous experiences became an attribute of memory and reflection.

Key words: historical and cultural basis; Russian culture; Russian-speaking writer; cultural diaspora; Russian-speaking literary communities; metropolitan area; cross-cultural writing experience

For citation: Ermolin E. A. The Russian-speaking writer in the socio-cultural collisions of the XX-XXI centuries: literary diasporality as a cultural trend. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):114-127. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-114-127>. <https://elibrary.ru/xbgewa>.

Введение

Традиционно (еще век с небольшим назад) литература на русском языке складывалась (по факту создания литературных текстов и/или их публикации) в основном в государственных пределах исторической России (Российской империи), включавшей в себя ряд независимых ныне стран. В XX веке ввиду разразившейся культурной катастрофы, оставившей историческую Россию за бортом современности, эта русскоязычная литература разделилась на литературу со-

ветской метрополии и беженскую литературу русскоязычной диаспоры, а затем, вследствие еще одного социокультурного переворота, и советская литература стала фактом истории.

Это создавало специфические обстоятельства существования литературы и литератора в контексте диаспоры. Понятие диаспоры мы рассматриваем в контексте современной научной рефлексии, как феномен рассеяния, «пребывание части народа <...> вне страны его происхождения при сохранении

чувства идентификации со своей родиной» [Диаспора]. Предметом нашего интереса является не диаспоральное сообщество как таковое, а историко-культурная ситуация, когда русскоязычная словесность, исходно базировавшаяся главным образом в определенных государственных границах, выходит за их пределы и существует независимо от тех государственных институций, которые традиционно с нею так или иначе связывались. Субъектом рассеяния в данном исследовании является литератор, пишущий на русском языке за пределами исходной государственности (исторической России, СССР, постсоветской России), которая определяла ареал русскоязычной словесности.

Диаспоральность в самом общем смысле трактуется «как теоретический конструкт, фиксирующий существенные признаки, характерные для этнокультурной общности, функционирующей в иноэтничном контексте» [Расолько, 2012, с. 126]. Это особое состояние, ментальность адаптации, «этническая маргинальность», специфическое качество общности, обеспечивающее ее существование как неассимилированной диаспоры [Ким, 2008, с. 160]. Общность может иметь разные выражения (например, характерные политические предпочтения, экономическое сотрудничество и т. п.); для нас же важен случай, когда она фиксируется в связи с наличием литературы на русском

языке. Это литературная диаспоральность.

По мнению Ж. Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, необходимым условием наличия диаспоры выступает присутствие институтов, направленных на сохранение «основных или важных характеристик национальной самобытности» [Тощенко, 1996, с. 36]. Предварительно мы исходим из того, что важнейшим институтом такого рода являются русский язык и русская литература. Однако в итоге культурная ситуация складывается, очевидно, более разнообразно и противоречиво.

Метрополия и диаспора

Литература на русском языке в лоне сложившейся традиции существовала в имперском пространстве, где в литературе доминировал русский язык, то есть литература создавалась в основном на русском языке и русский язык воспринимался как основной язык культуры. Даже если писатель долгое время жил или создавал свои произведения за границей, печатал он их чаще всего в России (Гоголь, Тургенев, Гончаров и мн. др.) и прежде всего для российского читателя, хотя случались, конечно, интересные исключения (Герцен). XX век дважды изменил эту картину. Эта почва в XX веке ушла из-под ног.

Сначала русскоязычная литература разделилась на литературу советской метрополии и беженскую литературу русскоязычной диаспо-

ры. Первая в свою очередь образовала культурное пространство, поляризованное литературой заведомо подцензурной – и литературой радикально бесцензурной, обладавшей признаками диаспоральности и связанной с явлением внутренней эмиграции. Жившие в СССР писатели тяготели к тому или к другому из этих полюсов.

При этом возникала ситуация отчасти парадоксальная. Создаваемая в СССР в легальных цензурных рамках литература метрополии не вполне уверенно, особенно поначалу, артикулировала свою преемственность по отношению к предшествующей, досоветской русской литературе и культуре в целом и хотела даже претендовать на сугубую оригинальность. Литературный официоз заявлялся на соучастие или даже лидерство в культурной революции, целью которой было создание новой цивилизации, по отношению к данной задаче русскоязычный характер новой словесности выглядел случайной и второстепенной частностью, а вопрос преемственности игнорировался.

Литературный официоз заявлялся на соучастие или даже лидерство в культурной революции, целью которой было создание новой цивилизации, по отношению к данной задаче русскоязычный характер новой словесности выглядел случайной и второстепенной частностью, а вопрос преемственности игнорировался.

Кроме того, подцензурная русскоязычная советская литература создавалась и писателями, связанными с иными национальными традициями, обладателями и носителями далекого от русской культуры багажа и опыта; они выбирали между «своим по рождению» языком и русским – и делали выбор в пользу русского, рассчитывая, в частности, и на расширение чита-

тельской аудитории. Все это в совокупности образует ареал официально признанной советской литературы на русском языке.

«Советский русский язык» это отдельный вопрос; в рамках данного исследования мы исходим из того, что различные изменения все-таки не привели к принципиально иному качеству языка и к полному его переформированию; советская «засуха» не иссушила «могучую и полноводную реку русского языка» [Фесенко, 1955, с. 209], в том числе в пределах литературы.

Бесцензурная же словесность в СССР, являвшаяся элементом культуры андеграунда, подчас довольно решительно дистанцировалась от актуального культурного официоза, государственного аппарата и общественного статус кво, иной раз не нуждаясь даже в советском, заведомо чуждом ей читателе (Кржижановский). Она часто гораздо острее фиксировала свою преемственную связь с историческими традициями русской культуры и литературы, хотя со временем потребность в такой фиксации и ослабевала.

Литературные официоз и андеграунд в пространстве СССР были по-разному связаны между собой, но литературная метрополия с внесоветской диаспорой имели взаимные связи. Тщательная рефлексия этих мостов – отдельная задача.

Русскоязычная литература диаспоры в XX веке формировалась в контексте нескольких волн эмигра-

пии из советской России и СССР, а затем и из постсоветской России.

Для ее существования нужен был как минимум автор, творец литературного текста. Писатель-беглец выпадал из своей привычной среды существования. Автор, усвоенной привычкой (культурным багажом) которого являлась так или иначе обжитая культура российской исторической традиции (включая русскую литературную классику), оказывался в критической творческой ситуации. Это могло означать, по М. А. Фадеичевой, «отрыв и рассеяние отдельного человека не по отношению к “его народу”, а к его родине» [Фадеичева, 2004, с. 147]. Происходила не только смена среды обитания в житейском смысле. Миграция из русскоязычного ареала (причем часто в относительно зрелые годы) проблематизировала саму авторскую установку думать и писать по-русски. В связи с этим менялся предмет творчества, менялись идейные акценты. Оказавшись в чуждой социокультурной среде, писатель обретал особый кросскультурный писательский опыт как состояние и творческую рефлексию, вызванные сменой среды и потерей привычных, обычных для некогда усвоенной культуры ценностных ориентиров, в разной мере успешным поиском ответа на вопросы о своей идентичности. А прежний опыт становился атрибутом памяти и рефлексии.

Двумя другими факторами, поддерживающими в XX веке это су-

ществование русскоязычной словесности, являлись литературная инфраструктура (редакции, издательства, типографии) и читательская аудитория в пределах досягаемости печатных текстов. Писатель, издатель-типограф и читатель – взаимно комплиментарный трехчлен, обеспечивающий литературную жизнь. Литератор находил себя в социально-политической и социально-культурной ловушке, обнаруживая, что русский язык и русская литература перестают доминировать и получать преференции, а круг русскоязычных читателей или исходно невелик, или хронически сокращается.

Литература диаспоры, фатально оторвавшись от родной исторической почвы, поначалу все-таки связывала себя с исторической Россией, а потому претендовала на культурное самоутверждение в качестве некоей трансграничной русской (русскоязычной) сущности, формирующейся и бытующей везде, от Харбина на востоке до Сан-Франциско и Буэнос-Айреса на западе. Она, однако, с трудом выходила за пределы беженского круга авторов и читателей, образовывавших иногда геттоизированные русскоязычные культурные анклавные (с издательствами, типографиями, клубами, прессой и т. п.), а иногда довольствовавшихся одиноким присутствием в инокультурной, но все-таки более толерантной, чем советская среда. Лишь изредка русскоязычные авторы-мигранты всту-

пали в сколько-то продуктивный диалог с автохтонной культурной и литературной средой по месту своего фактического проживания (Набоков) [Век диаспоры, 2021] [Русский Монпарнас, 2017].

Конечно, был (и есть) широкий диапазон возможностей. Во-первых, многое зависело от динамики русскоязычной культурной читающей среды: она когда-то была, к примеру, в Харбине, Берлине, Париже и Праге, была и имеется в мегаполисах США и Израиле – там сейчас довольно многочисленная и активно читающая русскоязычная публика. Ее было крайне мало во многих других регионах мира. Во-вторых, по-разному складывается судьба локальных русскоязычных литературных сообществ в зависимости не только от глобальных трендов, но и от личных обстоятельств.

Отметим, что уже в 30-х гг. многие русскоязычные литераторы-эмигранты, особенно молодые, предпочитали жить напряжениями текущего момента. У них нередко отсутствовала рефлексия по утраченному миру. Они зачастую лишены органической связи с культурно-исторической традицией, с памятью места, которая сама по себе весьма проблематизирована и стала предметом факультативного выбора и отбора в стране проживания. Их утраты и обретения артикулировались в иных ментальных пространствах непосредственного опыта, социального и экзистенциального.

Вторая, и особенно третья волна русскоязычной литературной диаспоры оказалась в специфической культурной ситуации. Эти литераторы лишь отчасти могли связывать себя с исторической Россией, личный опыт которой у них, как правило, отсутствовал или присутствовал разве что в отдаленных детских воспоминаниях. Им сложнее было мысленно припадать к этой полностью лишенной вещественности почве – и легче попросту ею пренебречь и жить своим актуальным чувством жизни, пусть и делаясь им с читателем на русском языке, либо даже опираться прежде всего на свой советский стаж и соответствующий опыт.

В третьей волне 2-й половины XX века мог складываться причудливый микс исторических фантазий, советского опыта официоза и андеграунда, непосредственного переживания мигрантской жизни и, подчас, коммуникаций с литераторами первых двух волн, с одной стороны, и, с другой стороны, с местной иноязычной литературной средой «где-то в Бостоне», «однажды в Хайфе». Но это не обязательно означало ассимиляцию, в иноязычной среде писатель сохранял русский язык как свой рабочий инструмент. Почвой иногда остается для него сам язык как средство артикуляции мыслей и чувств. В характерном духе об этом говорил, например, русскоязычный поэт Даниил Чкония (Германия): «Эмиграция обостряет чувство языка. Нахо-

дьясь в определенной степени в поле чужого языка, вы с большей интенсивностью стараетесь в себе сохранить то, что вы увезли, то чувство языка, которое вам было присуще» [Русская диаспора ... , 2010]. Язык подчас становится последней родиной.

Диаспоральность как тренд

Огромные изменения в описанном ландшафте происходят в конце XX века. Теряет смысл деление литературы на официоз и андеграунд. Вследствие очередных историко-политических пертурбаций русскоязычная литература создается в разных частях света и странах мира. Распад СССР привел к тому, что русскоязычный литератор, не меняя места прописки, мог оказаться в одном из пятнадцати независимых государств, в каждом из которых культурный ландшафт складывался по-своему, вопрос об издателях и читателях литературы на русском языке получал разные ответы. Кроме того, он мог выбрать для жизни и писательства и иные края света, сохраняя верность русскому языку в творчестве. Контекст динамической глобализации, номадический акцент современной цивилизации мигрантов делают кросскультурный опыт все более распространенным и насущным [Толкачев, 2013]. Даже в постисторической, постсоветской России пишущий на русском языке литератор временами явно теряет «чувство почвы».

Литература на русском языке теперь является результатом не только труда старых эмигрантов и мигрировавших литераторов в конце прошлого века и в наше время, но и автономных литературных процессов в разных регионах и странах (когда автор не меняет прописки, подчас он и рожден там, где обитает, но пишет по-русски).

Поскольку теперь литература на русском языке создается на разной культурной почве, она приобретает специфические черты в зависимости от этой почвы, но и в сопряжении с воспоминаниями о русской литературной традиции и мировыми литературными трендами.

Граница в сознании и художественной практике и личный веер возможностей автоконцептуализации писателя задаются в наше время персонально. Важен и должен быть учтен этот персональный опыт, который довольно разнообразен. Он может быть по рождению хорошо укоренен в конкретной почве (Одесса, Ташкент, Вильнюс и пр.), а может быть связан с беженством и чувством изгнанничества. Авторы в поиске творческой и жизненной идентичности назначают себе разные культурные прописки, не всегда совпадающие с паспортным гражданством, но и не обязательно ассоциирующиеся с современной постсоветской Россией. Эти писатели различными способами интегрированы в местную, всякий раз разную культурную среду. Диалог с новой для писателя культур-

ной средой может остро протекать в самой предметности, в тематике – это отдельный предмет для размышлений (см.: [Ермолин, 2005]).

Яркие примеры такого рода – русскоязычная проза Александра Иличевского, Дины Рубиной и мн. др. (Израиль), Михаила Шишкина (Швейцария), Марины Палей (Нидерланды), Андрея Куркова, Алексея Никитина, Владимира Рафеевко (Украина), Владимира Каминера, Леонида Гиршовича (Германия), Максима Шраера (США), Сухбата Афлатуни (Узбекистан), Макс Фрай, Лены Элтанг (Литва), Хамида Исмаилова (Англия), русскоязычная поэзия США и Канады (Владимир Гандельсман, Бахыт Кенжеев), Украины (Александр Кабанов, Борис Херсонский, Ирина Евса, Наталья Бельченко и др.; Википедия сообщала, что в разных регионах Украины живут и работают более 100 поэтов, пишущих на русском языке), Узбекистана (Александр Файнберг, Санджар Янышев, Вадим Муратханов, Бах Ахмедов, Алексей Устименко, уже упомянутый Сухбат Афлатуни и др.), Литвы (Георгий Ефремов), Польши (Игорь Белов), наконец – трансграничная поэзия русскоязычных космополитов (Алексей Цветков, Александр Самарцев). Названные и многие другие авторы составляют прирастающее в сумме русскоязычное сообщество, которое, однако, далеко не всегда себя осознает какой-то связанной общностью, тем более что и литература в современной куль-

турной ситуации расходится по многим векторам и чуждается стремления к единству, метода, стиля и прочих целеполаганий [Чупринин, 2008].

В общественном контексте происходит осмысленный выбор культурной и/или социополитической прописки, определяющий часто и новое место жительства, и новые параметры творчества (например, в США, как у Кошкиной – Эпли). Возможна как автофиксация в качестве советского (антисоветского) писателя, исторического консерва, так и трансграничность как принцип. По поводу последнего варианта современные казахстанские исследователи утверждают: «Взаимодействия культур, сильно и качественно возросшие и углубившиеся во второй половине XX века, стали катализаторами многообразия художественных исканий, в том числе и формирования новой транскультурной литературы. Это хорошо видно на примере транснационального мышления большинства писателей мирового значения, таких как Салман Рушди, Орхан Памук, Иосиф Бродский, Владимир Набоков, Эми Тан, Кадзуо Исигуро и др., которых нельзя понять только с национальной или локальной точки зрения» [Женис, 2018].

Можно говорить как о глобальных коммуникациях в русскоязычной мировой сфере, так и о существовании локальных русскоязычных литературных сообществ. Атомарно существуют литераторы,

пишущие на русском языке, практически во всех странах, которые ранее были частями СССР. Формируются и в наше время уже существуют вполне автономные русскоязычные литературы Казахстана, Украины, Беларуси; возможно, также и стран Балтии, некоторых стран Центральной Азии. В этой связи русскоязычный американец Андрей Грицман заключает: «Нет одной единой русской литературы: имеется московская ситуация, израильская и т. п. <...> Интонация другая, звучание другое» [Эмигранты ... , 2010].

Так, русскоязычная литература Беларуси исходно сложилась в советском культурном пространстве, а теперь опирающаяся и на традицию двуязычной и русскоязычной прозы классиков второй половины XX века – Василя Быкова и Алеся Адамовича. Про ее авторов, включая нобелевского лауреата Светлану Алексиевич, не скажешь, что у них нет почвы. Их литературная повестка формируется в значительной мере исходя из культурной и общественной ситуации в стране. Дмитрий Строчев, Татьяна Замировская обычно осознают Беларусь, в которой жили или живут, своей родиной. У многих из них нет ощущения изгойства, отщепенства, хотя вопрос о языке творчества и самоопределении может дебатироваться (см. рассуждения об автопрописке Саши Филипенко [Филипенко, 2018]). Отметим, что у русскоязыч-

ных, русскоязычных авторов есть здесь и читательская аудитория.

Аналогичная ситуация и в Казахстане, где работают поэты Ербол Жумагул, Айгерим Тажи, Ксения Рогожникова, прозаики Бигельды Габдуллин, Михаил Земсков, Илья Одегов и др. По оценке казахстанских исследователей, «творчество русскоязычных казахстанских писателей и поэтов определяется как транскультурное художественное явление в контексте литературной традиции, сформированной в советскую эпоху» [Женис, 2018].

Локализация может быть связана с жанром, направленностью творчества. Так, русскоязычные украинские писатели-фантасты составляли в течение некоторого периода яркое литературное субкультурное комьюнити со столицей в Харькове, где проводился конвент любителей фантастики «Звёздный мост» и появлялась амбициозная проза (в частности, Генри Лайон Олди – Олег Ладыженский и Дмитрий Громов – и Марина и Сергей Дяченко были в 2006 году награждены премией Европейского сообщества научной фантастики как лучшие писатели-фантасты Европы).

Дискуссионным в последнее время является вопрос о судьбе в этом контексте русского литературного языка. В частности, речь идет о складывающихся разных вариантах этого языка (русский американский, русский израильский и т. п.), хотя так далеко процесс, возможно, еще не зашел. Но Андрей Грицман

характерным образом рассуждал еще в 2010 году: «Если ты живешь 20-30 лет в Израиле или в Америке, это имеет какое-то значение. Стихи пишутся на русском языке, но переменна среды играет роль. <...> Поэзия русской диаспоры дает что-то новое, во-первых, из-за того что среда другая, во-вторых, потому что, в плохом и в хорошем смысле, мы в отрыве одичали. Даже в Израиле одичали» [Русская диаспора ... , 2010].

Единый языковой стандарт часто не воспринимается как необходимое требование писательского мастерства, а отклонения от языковой нормы не считаются недостат-

ком, с которым нельзя примириться. Напротив, они рассматриваются как творческий источник [Hogner, 2011]. Возникает движение к редкой в современном мировом контексте гибридизации культур и стилей, которая ведет к созданию «мультилингвистических, поливокальных, вариативно фокусных, интертекстуальных, мультиакцентированных текстов» [Bromley, 2000, с. 10].

В итоге этих процессов складывается специфический культурный тренд: литература на русском языке становится или даже уже стала литературой диаспор.

Библиографический список

1. Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020). Сборник статей. Москва : НЛО, 2021. 336 с.
2. Диаспора // Социологический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/social/%D0%94%D0%98%D0%90%D0%A1%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%90> (дата обращения: 24.05.2022).
3. Ермолин Е. В тени Набокова. Беспощадное отчаяние // Новый мир. 2005. №10. С. 166-174.
4. Ермолин Е. А. Современный кросскультурный писательский опыт в контексте глобализации // Проблема изгнания: русский и американский контексты. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 94-99.
5. Женис Н. Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ. Филология. 2018 / Н. Женис, Ж.К. Кыбынова. URL: <https://articlekz.com/article/23746> (дата обращения: 24.05.2022).
6. Ким А. С. Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования // Вестник ТОГУ. 2008. №3. С. 151-162.
7. Расолько И. Д. Перспективы применения понятий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе // Социология. 2012. 2. С.122-129.
8. Русская диаспора за рубежом и эмигрантская поэзия. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2010/2/d22.html>. (Дата обращения: 24.05.2022).
9. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920-1930-х годов в контексте транснационального модернизма. Москва : НЛО, 2017. 328 с.

10. Толкачев С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013. №1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/. (Дата обращения: 24.05.2022).
11. Тощенко Ж. Т. Диаспора как объект социологического исследования / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33-42.
12. Фадеичева М. А. Диаспора и состояние этнического индивида / М. А. Фадеичева // Диаспоры. 2004. №2. С. 140-154.
13. Фесенко А. Русский язык при Советах / Андрей и Татьяна Фесенко. Нью-Йорк, 1955. 222 с.
14. [Филипенко С.] Саша Филипенко: «В России я не русский писатель, в Беларуси не белорусский». [2018] / Саша Филипенко. URL: <http://bolshoi.by/persona/sasha-filipenko-2/>. (Дата обращения: 24.05.2022).
15. Чупринин С. И. Русская литература сегодня: Зарубежье / Сергей Иванович Чупринин. Москва : Время, 2008. 784 с.
16. Эмигрантские мотивы в мировой поэзии. Второй Всемирный поэтический фестиваль «Эмигрантская лира» (Брюссель, 8-10 окт. 2010 г.). URL: <http://www.russianwashingtonbaltimore.com/ru/article/11-11-2010/emigrantskie-motivy-v-mirovoy-poezii-vtoroy-vsemirnyu-poeticheskiy-festival/> (Дата обращения: 24.05.2022).
17. Bromley R. Narratives for a New Belonging: Diasporic Cultural Fictions (Tendencies Identities Texts Cultures EUP) / Roger Bromley. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 380 p.
18. Horner B. Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach // College English. Vol.73. No 3, January 2011. P. 150–169.

Reference list

1. Vek diaspory. Traektorii zarubezhnoj russkoj literatury (1920–2020) = The age of diaspora. Ways of Russian literature abroad (1920-2020). Sbornik statej. Moskva : NLO, 2021. 336 s.
2. Diaspora = Diaspora // Sociologicheskij slovar'. URL: <https://gufo.me/dict/social/%D0%94%D0%98%D0%90%D0%A1%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%90>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
3. Ermolin E. V teni Nabokova. Besposhhadnoe otchajanie = In Nabokov's shadow. Merciless despair / Evgenij Ermolin // Novyj mir. 2005. №10. S. 166-174.
4. Ermolin E. A. Sovremennij krosskul'turnyj pisatel'skij opyt v kontekste globalizacii = Contemporary cross-cultural writers' experience in the context of globalization // Problema izgnaniya: russkij i amerikanskij konteksty. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 94-99.

5. Zhenis N. Transkul'turnyj podhod v ramkah izuchenija nacional'noj literatury = Transcultural approach in the study of national literature // Vestnik KazNU. Filologija. 2018 / N. Zhenis, Zh.K. Kiynova. URL: <https://articlekz.com/article/23746>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
6. Kim A.S. Jetnomarginal'nost' diaspor: sociologicheskie i kul'turologicheskie osnovanija politicheskogo issledovanija = Ethnic marginality of Diasporas: sociological and culturological foundations for political research // Vestnik TOGU. 2008. №3. S. 151-162.
7. Rasol'ko I. D. Perspektivy primeneniya ponjatij «diaspora» i «diasporal'nost'» v sociologicheskom analize = Prospects of applying the concepts of “diaspora” and “diasporality” in sociological analysis // Sociologija. 2012. 2. S. 122-129.
8. Russkaja diaspora za rubezhom i jemigrantskaja poezija = Russian diaspora abroad and emigrant poetry. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2010/2/d22.html>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
9. Russkij Monparnas: Parizhskaja proza 1920-1930-h godov v kontekste transnacional'nogo modernizma.= Russian Montparnasse: 1920s-1930s Parisian prose in the context of transnational modernism. Moskva : NLO, 2017. 328 s.
10. Tolkachev S. P. Mul'tikul'turalizm v postkolonial'nom prostranstve i krosskul'turnaja anglijskaja literatura = Multiculturalism in the postcolonial space and cross-cultural English literature // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2013. №1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
11. Toshhenko Zh. T. Diaspora kak ob#ekt sociologicheskogo issledovanija = The diaspora as an object of sociological research / Zh.T. Toshhenko, T.I. Chaptykova // Sociologicheskie issledovanija. 1996. № 12. S. 33-42.
12. Fadeicheva M. A. Diaspora i sostojanie jetnicheskogo individa = The diaspora and the state of the ethnic individual // Diaspory. 2004. №2. S. 140-154.
13. Fesenko A. Russkij jazyk pri Sovetah = The Russian language under the Soviets / Andrej i Tat'jana Fesenko. N'ju-Jork, 1955. 222 s.
14. [Filipenko S.] Sasha Filipenko: “V Rossii ja ne russkij pisatel', v Belarusi ne belorusskij” = Sasha Filipenko: “In Russia I am not a Russian writer, in Belarus I am not a Belarusian one” [2018] / Sasha Filipenko. URL: <http://bolshoi.by/persona/sasha-filipenko-2/>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).
15. Chuprinin S. I. Russkaja literatura segodnja: Zarubezh'e = Russian literature today: Foreign countries / Sergej Ivanovich Chuprinin. Moskva : Vremja, 2008. 784 s.
16. Jemigrantskie motivy v mirovoj poezii. Vtoroj Vsemirnyj poeticheskij festival' “Jemigrantskaja lira” (Brjussel', 8-10 okt. 2010 g.). = Emigrant motifs in world poetry. The Second World Poetry Festival “Emigrant Lyre” (Brussels, October 8-10, 2010). URL: <http://www.russianwashingtonbaltimore.com/ru/article/11-11-2010/emigrantskie-motivy-v-mirovoy-poezii-vtoroy-vsemirnyy-poeticheskij-festival>. (Data obrashhenija: 24.05.2022).

17. Bromley R. Narratives for a New Belonging: Diasporic Cultural Fictions (Tendencies Identities Texts Cultures EUP) / Roger Bromley. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000. 380 p.

18. Horner B. Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach // College English. Vol.73. No 3, January 2011. P. 150–169.

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 24.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 11.03.2022; approved after reviewing 24.04.2022; accepted for publication on 05.05.2022

Научная статья
УДК 821.581
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-128-141
EDN: WQMNMN

Произведения Бэй Цуня как проявление феномена культурного христианства в современном Китае

Ольга Викторовна Пелевина^{1✉}, Ян Юньхао²

¹Кандидат философских наук, доцент, декан факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», г. Благовещенск

²Аспирант ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», г. Благовещенск

¹olpelevina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5095-4203>

²583534101@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-3488-9894>

Аннотация. Статья посвящена феномену культурного христианства в современном Китае. Данный феномен предполагает стремление объяснить китайской аудитории нормы и ценности христианства через призму традиционных оснований китайской культуры. Примерами проявления культурного христианства являются увлечение китайской интеллигенцией историей и философией христианства; создание китайскими мастерами христианских образов и сюжетов Богородицы, Рождества Христова и др. в традиционном китайском стиле гоуа; китайская филокартия с изображением известных храмов г. Харбина; фольклорное наследие харбинцев и др. Разделяя идею о существовании феномена культурного христианства, авторы статьи анализируют сочинения современного китайского писателя Бэй Цуня. Ключевые трансформации произошли в его творчестве после 1992 г., когда он принял христианство. Бэй Цунь стремится донести до китайской аудитории христианские категории греха, искупления, вины, прощения, любви и др. Основная тема романа «У меня есть завет с Богом» сводится к христианской концепции о том, что все люди рождаются грешными и надеются на искупление, а признание своего греха и раскаяние являются основой прощения. По сюжету в первых главах романа рассказывается о том, что главный герой Чэнь Бусэнь пал в бездну греха. Будучи брошенным родителями, он становится преступником и убийцей. В последних главах через осознание, искреннее раскаяние и даже любовь к родственникам жертвы душа Чэнь Бусэня обретает искупление. Таким образом, описывая в своих произведениях

современные реалии китайского общества, Бэй Цунь вводит в китайскую картину мира христианские идеи и ценности, пытается сблизить христианство и китайскую культуру.

Ключевые слова: культурное христианство; китаизация христианства; Бэй Цунь; «У меня есть завет с Богом»; религиозная философия; грех; любовь

Для цитирования: Пелевина О. В., Ян Юньхао Произведения Бэй Цуня как проявление феномена культурного христианства в современном Китае // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 128-141. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-128-141>. <https://elibrary.ru/wqmhmn>.

Original article

Bei Cun's works as a manifestation of the cultural Christianity phenomenon in contemporary China

Olga Viktorovna Pelevina¹✉, Yang Yunhao²

¹Candidate of philosophy, associate professor, dean of the International relations faculty, Amur State University, Blagoveshchensk

²Post-graduate student at Amur State University, Blagoveshchensk

¹olpelevina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5095-4203>

²583534101@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-3488-9894>

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of cultural Christianity in modern China. This phenomenon suggests the desire to explain the norms and values of Christianity to the Chinese audience through the prism of the traditional foundations of Chinese culture. Examples of cultural Christianity include Chinese intelligentsia's fascination with the history and philosophy of Christianity; Chinese masters' creating Christian images and scenes of the Virgin Mary, the Nativity, etc. in the traditional Chinese guohua style; Chinese deltiology with pictures of famous temples in Harbin; the folklore heritage of Harbin residents, etc. Sharing the idea of the existence of cultural Christianity phenomenon, the authors analyze the works of the contemporary Chinese writer Bei Cun. After 1992, when he converted to Christianity, a key transformation took place in his work. Bei Cun strives to convey to the Chinese audience the Christian categories of sin, redemption, guilt, forgiveness, love, etc. The main theme of the novel *I Have a Covenant with God* comes down to the Christian concept that all people are born sinful and hope for redemption, and that confession of sin and repentance are the basis for forgiveness. According to the plot, the first chapters of the novel tell us that the main character, Chen Busen, has fallen into the abyss of sin. Being abandoned by his parents, he becomes a criminal and a murderer. In the final chapters, Chen Busen's soul finds redemption through comprehension, sincere repentance, and even love for the

victim's relatives. Thus, by describing the contemporary realities of Chinese society in his works, Bei Cun introduces Christian ideas and values into the Chinese picture of the world and tries to bring Christianity and Chinese culture together.

Key words: cultural Christianity; sinicization of Christianity; Bei Cun; “I Have a Covenant with God”; religious philosophy; sin; love

For citation: Pelevina O. V., Yang Yunhao Bei Cun's works as a manifestation of the cultural Christianity phenomenon in contemporary China. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):128-141. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-128-141>. <https://elibrary.ru/wqmhmn>.

Впервые христианство проникает в Китай в VII в. в виде несторианства [Ломанов, 2002]. В конце XVI в. начинается работа католических миссионеров в Поднебесной, закладываются основы взаимного сближения китайской и христианской культур. В конце XVII в. после падения крепости Албазин на берегу Амура несколько десятков русских казаков переходят на службу в маньчжурское войско китайского императора Канси, русских казаков сопровождал священник Максим Леонтьев, начинается история православия в Китае [Забяко, 2009]. В XIX в. работу с потенциальной китайской паствой начинают проводить протестантские миссионеры. На современном этапе протестантизм является наиболее успешным направлением христианства в Китае по количеству последователей. Оценки количества христиан в КНР варьируются от 80 до 150 млн человек, по прогнозам специалистов к 2050 г. их число достигнет 225 млн человек [Горохов, 2014].

Китайские религиоведы делают акцент на изучении качественного состава последователей христианства в КНР [唐晓峰, 2014]. В институциональном плане христианство в КНР представлено тремя направлениями. В состав пяти официальных религий в КНР входят Ассоциация китайских католиков-патриотов и протестантское Патриотическое движение тройной самостоятельности [Афониная, 2016]. Православие в Китае считается религией русского национального меньшинства, проживающего в нескольких регионах страны [Лукин, 2013]. Помимо зарегистрированных общин в стране действуют домашние христианские церкви, как правило, протестантского происхождения, но в последние годы государство настойчиво призывает их выйти из тени и пройти процедуру регистрации.

Динамичное развитие христианства в Китае привлекает к себе внимание со стороны руководства государства, ученых, представителей культуры.

В контексте развития современной китайской государственно-конфессиональной и национальной политики христианский вопрос является одним из ключевых. Совместно с представителями академического сообщества обсуждается тема китаизации христианства [Чжан Чжиган]. Изначально феномен китаизации христианства имел конфессиональное происхождение. Католические миссионеры рубежа XVI-XVII вв. стремились к постижению специфики китайской культуры для усиления эффективности проповеди. Принципиальное отличие современного понимания китаизации христианства заключается в том, что инициатива исходит от государства, которое осознает, что значительная часть населения КНР идентифицирует себя с христианством [Пелевина, 2020, с. 113-118]. Китайской христианство, по мысли китайского руководства и специалистов, должно наследовать универсальные общечеловеческие ценности, которые в нем представлены, но при этом должно сохранить в китайской культуре; быть лояльным к КПК, участвовать в реализации социально полезных государственных проектов. В 2014 г. глава государственного управления по делам религий (ГУДР) КНР Ван Цзоань одним из первых публично заявил о становлении «китайского христианского богословия», которое должно учитывать национальные особенности, культуру, социали-

стический путь развития Китая [Афонинна, 2016, с. 172].

К разработке программы китаизации христианства привлекаются представители академической науки. Институт религий мира Китайской академии общественных наук с 2013 г. издает научный сборник, посвященный исследованиям китаизации христианства [Пелевина, 2020]. В 2014 г. было объявлено о необходимости создания аналитических центров. С начала 2000 гг. увеличилось количество специалистов в области изучения христианства, выросло количество публикаций и диссертационных исследований.

Также необходимо отметить важную роль культуры и искусства в вопросах адаптации христианства к китайским реалиям. Отечественные исследователи указывают на существование с 1990 гг. и по настоящее время в Китае феномена культурного христианства [Камедина, 2015]. Данная идея базируется на том, что среди представителей китайской гуманитарной интеллигенции есть люди, которые серьезно интересуются христианской теологией, историей христианства, работами русских религиозных философов. Представители китайской интеллигенции признают «все богатство христианской мысли России и Запада»; не позиционируют себя как верующих, но видят в христианстве важный духовный ресурс. В доказательство существования феномена культурного христи-

анства приводятся несколько аргументов. Во-первых, то, что в конце 1990 гг. в Китае были популярны работы основоположника протестантизма М. Лютера и теолога Паля Тиллиха; православные труды И. Мейндорфа. Кроме того, китайской аудитории интересны сочинения русских религиозных философов Н. Бердяева, Л. Шестова и др. [Камедина, 2015].

Во-вторых, то, что китайские художники создают христианские образы и сюжеты Богородицы, Рождества Христова и др. в традиционном китайском стиле гохуа [Камедина, 2018]. «На китайских христианских иконах в духе даосских представлений присутствуют иероглифы: это название картины, имя автора и личная печать художника обязательно красного цвета, без которой картина считается незаконченной. Иконы украшаются стихами из Евангелия, подходящими к сюжету и внутреннему состоянию изображенного» [Камедина, 2015, с. 15]. Кроме того, при написании христианских изображений китайские художники-иконописцы руководствуются известной в Китае концепцией единства человека и природы, что находит отражение в символике природного происхождения, сочетая символы китайской и христианской культуры. «Орхидея – символ весны – изображена на иконе «Благовещение»... Орхидея олицетворяет простоту, чистоту и скрытое благородство. Цветы на картинах гохуа говорят о расцвете жизни, ее красоте,

неповторимости и жизнеутверждающем ладе. Пальма в китайской иконе прорисована в сюжете «Христос у Марфы и Марии»... Христос-пальма в иконе гохуа олицетворяет победу Истины над всем земным. Горы и камни в «Рождества Христовом» подчеркивают космическую силу происходящего события» [Камедина, 2015, с. 15].

Кроме того, проявлением культурного христианства считается китайская филокартия, в частности открытки с различными вариациями христианских храмов Харбина [Камедина, 2015]. К этому стоит добавить фольклорное наследие жителей Харбина [Забияко, 2022].

Таким образом, на наш взгляд, под культурным христианством стоит понимать феномен, который базируется на синтезе христианской и китайской культур; стремление передать и объяснить китайской аудитории нормы и ценности христианства через призму традиционных оснований китайской культуры.

Помимо вышеперечисленных аргументов, стоит отметить, что проявление феномена культурного христианства можно обнаружить в литературном творчестве современных китайских писателей, которые посвящают свои произведения морально-этическим, ценностным, вероучительным основаниям, коренящимся в христианстве.

К числу таких авторов принадлежит Бэй Цунь (北村) – китайский писатель-авангардист. Принятие западного христианства оказало

серьезное влияние на его творчество. На первый план в его произведениях выходят темы социального опыта, греха и вызванного ими страдания. Герои Бэй Цуня часто в отчаянии ищут искупительной любви и божественной благодати.

Бэй Цунь родился в Чантине, провинция Фуцзянь (福建长汀) в 1965 году. В августе 1985 года он окончил Сямыньский университет и работал редактором отдела литературы. В 1986 году вышел его дебютный роман «Темные лошадки». С 1988 года он опубликовал серию романов таких как «Беглецы», «Угонщики» (1990), «Бронированные» (1991), «Долгий день» (1991), «Возвращение домой», «Шумный» (1992) и другие [李雄, 2015, с. 20]. Эти романы ставят Бэй Цуня в ряд китайских авангардистов, он известен как один из видных представителей современной китайской литературы и пользуется широким вниманием критиков.

В 1992 году произошла творческая трансформация, Бэй Цунь переключился на исследование души людей, его стали интересовать категории человечности и высшей ценности. Причина изменений кроется в том, что писатель пережил религиозное обращение. Однажды ночью в 1992 году он случайно посетил христианскую службу и услышал проповедь об Иисусе Христе, он поверил в христианского Бога как в своего Спасителя [北村, 1995, с. 66]. Вот воспоминания об этом дне в его более поздних работах:

«Однажды ночью в марте 1992 года двое друзей-христиан отвели меня на чистый чердак, где нас ждал мирный старик. Он сказал мне, что если не будет электричества, свет не зажжется, если у человека нет света в его сердце, все его тело во тьме. Эти простые слова покорили меня, и я принял Иисуса как своего Спасителя. В звуке их молитв я почувствовал прилив утешения в моем сердце. Когда я спустился с чердака, я почувствовал, что мир был совершенно новым. Я вскочил и повеселел. Возрождение моей жизни заставило меня попрощаться со всеми моими бедами, отпустить все мои затруднения, и моя душа вернулась домой. Верить во Христа – это дело моей жизни. Самый блестящий выбор в том, что Бог сжалился надо мной и заставил поверить в него. После того, как моя душа пробудилась, я понял, что в этом мире есть правитель» [北村, 1996, с. 63].

После религиозного обращения трудовая деятельность и писательство Бэй Цуня полностью изменились. Он начинает понимать и судить о реальности мира и человеческого бытия с точки зрения ценностей и мировоззрения христианской веры. Он опубликовал еще одну серию романов, в том числе «Река крещения», «У Цзэтянь», «Любовь Мачжуо», «История Сунь Цюаня», «Непривыкшие к земле и воде», «Последняя балерина», «Смерть» и др. [李雄, 2015, с. 21]. Это вызвало сильный резонанс в литературном

мире, Бэй Цуня стали воспринимать как «писателя с божественностью» (神性写作), его произведения стали особым явлением в романном мире.

Начиная с 1999 года, Бэй Цунь перешел к третьему этапу творчества, который заключается в описании духовного процесса и человеческих трудностей людей, стремящихся к высшим ценностям [李雄, 2015, с. 30]. Например, роман «Цинь [музыкальный инструмент] старого леса» («老木的琴») вошел в тройку самых продаваемых романов в списке китайских романов 2004 года.

Есть также романы «Крик Чжоу Юя» («周渔的喊叫»), «Долгий поход» («长征»), «Гражданин Кейн» («公民凯恩») и др. Роман «Крик Чжоу Юя» («周渔的喊叫») привлек внимание и был экранизирован под названием «Поезд Чжоу Юя» («周渔的喊叫»), этот фильм стал блокбастером в китайской киноиндустрии [周渔的喊叫].

С 2003 года Бэй Цунь вступил в четвертый этап писательства, и его произведения стали стремиться к идеализму и позитивным ценностям, в их числе романы «Глядя на тебя» («望着你»), «Стекло» («玻璃»), «Гнев» («愤怒»), «Лихорадка» («发烧») и др. Критики заметили качественные изменения в сочинениях писателя, количество творений выросло по сравнению с предыдущими этапами. Бэй Цунь был выбран в качестве одного из

50 лучших авторов китайских романов за период с 1978 по 2000 гг. Его работы были переведены на английский, японский и немецкий языки для публикации. Сборник романов «Поезд Чжоу Юя» («周渔的火车») возглавил ежегодный список продаж художественных книг в Китае.

В июне 2006 года была опубликована книга «У меня есть завет с Богом» («我和上帝有个约»). Действие романа происходит в городе Чжанбань 樟坂市 (вымышленный город), который является синонимом грешного мира в серии романов, написанных Бэй Цунем. Роман начинается так: «В этом городе трудно найти следы веры» [北村, 2006, с. 3]. В мире без божественности все полно греха. Главный герой Чэнь Бусэнь (陈步森) был брошен родителями, когда был маленьким, и ему пришлось скитаться, став вором, грабителем и, наконец, он совершил убийство. Жертва, Ли Цзи (李寂), при жизни был заместителем мэра города Чжанбань, когда-то он поклялся быть чистым чиновником, но, в конце концов, под давлением реальности, брал взятки. Жена жертвы, Лэн Вэй (冷薇), пережила нервный срыв после того, как стала свидетельницей трагического убийства своего мужа, и была помещена в психиатрическую больницу. Пока Лэн Вэй находилась на лечении, Чэнь Бусэнь приближался к сыну жертвы и его бабушке, у которой также было не-

стабильное психологическое состояние, и всячески заботился о них, а позже даже рискуя быть пойманным, пытался помочь Лэн Вэй восстановить память. Наконец, Чэнь Бусэнь был арестован.

К счастью, с помощью пастора Су Юньци (苏云起), двоюродного брата Чжоу Лина (周玲) и других людей, Чэнь Бусэнь постепенно осознал свои грехи и искренне раскался. В конце концов, хотя его и приговорили к смертной казни, он все же настоял на том, чтобы пожертвовать свою печень Лэн Вэй, у которой был рак печени.

В романе много других персонажей: Чэнь Пин (陈平), мэр, который использовал свою власть для личной выгоды, коррупции и взяточничества; Лю Чуньхун (刘春红), которая пожертвовала всем из-за своей почти параноидальной любви к Чэнь Бусэню; Чен Санму (陈三木) – профессор этики, который имеет внебрачную связь со студенткой; Су Юньци (苏云起), который кажется идеальным, но также страдает от невыносимых ударов судьбы, а также другие персонажи. В общем, кажется, что у каждого из них есть некий плохой опыт, который они скрывают и не могут предать гласности, это заставляет их впадать в бесконечный страх, и только решение сказать правду, приведет их сердца к душевному облегчению. Как заметил Бэй Цунь во вступлении, работа «охватывает почти все сообщества, а также те

социальные противоречия и конфликты, с которыми мы знакомы» [北村, 2006, с. 2].

Тотальная коррумпированность правительства, темнота и несправедливость общества кажутся первопричиной этой череды зол. Однако главная мысль романа состоит в том, что важнее не наказание зла в реальном (социальном) мире, а искупление души на духовном уровне. Из сюжетного оформления романа видно, что в первой главе рассказывается о том, что Чэнь Бусэнь пал в бездну греха, а в последней главе говорится о том, что душа Чэнь Бусэня была искуплена.

Согласно христианской концепции, все люди рождаются грешными и надеются на искупление, а признание своего греха является фундаментальной предпосылкой для обретения искупления. Любой, кто признает свою вину, может быть прощен Богом (Бытие 1:27). В романе описывается страх разума человека перед исповедью и душевное спокойствие после исповеди. Чэнь Бусэнь совершил убийство и был очень напуган, когда сбежал. Когда он прокрался обратно в город Чжанбань и увидел ребенка Ли Цзи, он дрожал от страха. Хотя Лэн Вэй не узнала Чэнь Бусэня в психиатрической больнице, он всегда был в большом страхе. Страх был подобен тени, всегда терзавшей его душу. Признав себя виновным, Чэнь Бусэнь обрел внутренний мир, и, в конце концов, он был спокоен перед лицом смерти. Роман также

много раз изображает раскаяние Чэнь Бусэня. Например, когда он увидел Лэн Вэй, плачущую с сыном на руках в психиатрической больнице, он понял, что его преступление нанесло большой вред всей их семье, и почувствовал глубокую печаль. Угрызения совести убивают самое сердце греха. Оно вытесняет греховные мотивы и действия из центра жизни человека, тем самым позволяя начать новую жизнь. Следовательно, по сравнению со страхом покаяние является не только более глубоким эмоциональным стремлением к искуплению, но и необходимым условием искупления. Все рождаются с грехом, все живут в тени страха, и душа каждый день страдает, и только признав и раскаявшись в своих грехах, они могут обрести душевный покой и получить прощение от Бога.

В романе также описывается понимание Чэнь Бусэнем любви и прощения в процессе искупления души. «Бог есть любовь, и пребывать в любви – значит пребывать в Боге» (1 Иоанна 4:16). Любовь Чэнь Бусэня к Лэн Вэй превосходит ожидания людей. Как убийца может любить и быть принятым жертвой?

Когда врач сказал Чэнь Бусэню, что только после рассказа о месте и обстоятельствах убийства, Лэн Вэй сможет восстановить свою память, Чэнь Бусэнь попал в огромное противоречие. Если он промолчит, Лэн Вэй может быть навсегда заперта в психиатрической больнице; если скажет правду, то сам умрет. В

конце концов, Чэнь Бусэнь сказал правду. Это бесценно для него. После того, как Чэнь Бусэнь был арестован и заключен в тюрьму, ему было очень больно, потому что Лэн Вэй отвернулась от него. Но он все еще заботился о Лэн Вэй, пока, наконец, не пожертвовал ей свою печень, и Лэн Вэй наконец приняла любовь Чэнь Бусэня. В конце романа душа Чэнь Бусэня улетела на небеса в сублимации любви. В искуплении души Чэнь Бусэнь также научился прощать.

Согласно христианской концепции первородного греха, каждый рождается виновным. Бэй Цунь, обратившийся ко Христу, глубоко убежден в христианской теории первородного греха. Он сказал: «Люди совершили грех в Эдемском саду, и когда они съели этот плод, Бог абсолютно и определенно предупредил людей, чтобы они не ели плод дерева добра и зла. Но люди отвергли Божью любовь и встали на путь бунта». Хотя закон на реальном уровне играет очень важную роль в поддержании общественного порядка, только с Божьим искуплением душа может стремиться к окончательному обращению.

В других романах Бэй Цуня (таких как «Река Крещения») люди также находятся на пути к искуплению под влиянием откровения. Божье искупление показывает предельную заботу о ценности человеческой жизни.

Таким образом, через свои произведения Бэй Цунь доносит до со-

временных китайцев христианские представления о страдании, грехе, вере, искуплении, любви, справедливости.

Свои христианские взгляды Бэй Цунь раскрывает не только через творчество, но и в интервью, и иных публичных размышлениях. Например, он описывает недостаток духовной жизни в современном Китае. На примерах родных и друзей рассказывает о событиях жизни, свидетелем которых он был. Он пишет следующее: «У меня есть друг, который работает круглый год, и у него только одна просьба: дать ему поспать. Он сказал, что свободен только утром в Новый год, а после обеда начинает работать. В конце концов, он заболел. Он потерял работу, потратил все свои деньги на лечение и остался с пустыми руками. Ему как будто приснился нелепый сон. Неужели стоит жить такой жизнью? Он хочет иметь обычную и счастливую жизнь. Но такая обычная жизнь в современном городском обществе невозможна» [北村, 2007, с. 15]. В ответ на эту сложную ситуацию Бэй Цунь делает вывод: «Человеку легко не умереть с голоду, но еще труднее человеку иметь чувство счастья... Птицы в небе счастливы, по крайней мере, не сажают и не собирают... не из лени, а из благодарности и послушания» [北村, 2007, с. 15]. Он использовал этот пример, чтобы проиллюстрировать христианскую надежду на Царство Божье. Христиане живут в мире с

благодарностью и послушанием в мире, и они также идут в вечное царство, чтобы провести вечную жизнь.

Бэй Цунь, имевший опыт веры, стал одновременно набожным христианином и глубоким писателем. Вывод его о жизни и литературной истории таков: «Жизнь человека имеет смысл, а без Бога человек не имеет смысла». В Библии есть страдание, но также и мир. Единственный способ избежать страданий жизни – это искупление Иисуса Христа [北村, 1995, с. 66].

Подобные примеры можно было бы продолжить, весь смысл их состоит в том, что Бэй Цунь демонстрирует «... глубокое знание основ христианского вероучения и этики, указывает на приоритет веры, душевной жизни, надежды на спасение и вечную жизнь» [北村, 1996, с. 64].

Более того, после принятия христианства, Бэй Цунь даже высказался на тему веры и писательства. По его мнению, нехристианские писатели, описывая страдания, не дают надежды на его преодоление, и оно в их описаниях становится невыносимым. «Большинство писателей неверующие, потому что они слишком умны, чтобы поверить, что в этой вселенной есть Бог. Потому что неспособные поверить в существо выше, чем они сами... Литература была их религией, а после их опыта она стала религией других, и бесчисленное количество людей посвятили ей свою жизнь» [北村, 1995, с. 67].

Он сказал: «Я не верю, что человек, не находящий утешения в себе, может писать произведения, трогающие души людей. Произведение, главной темой которого являются жалобы и проклятия, не соответствует принципу счастья в жизни. Я сомневался в этой ценности, потому что это античеловечно. С самого начала своего творческого пути, я решил не относиться легкомысленно к отчаянию, которое мне приходится описывать, когда у меня нет полной уверенности в достижении радости и мира» [北村].

Современный исследователь китайской христианской литературы прокомментировал литературные произведения Бэй Цуня: «Бэй Цунь, как набожный христианин, поставил свою ценность за рамки литературы и получил культурное вдохновение. Вера в Бога, которую он представляет, очень важна для современной христианской литературы Китая» [野地里的百合花, 2010, с. 28].

Таким образом, феномен культурного христианства является частью современного Китая. Проявляет себя не только через увлечения китайцев религиозно-философской литературой, иконописными образами и сюжетами, филокартией, но и посредством художественной литературы. Бэй Цунь в этом смысле один из тех авторов, который, описывая современные реалии китайского общества, вводит в китайскую картину мира традиционные христианские ценности. Его персонажи, принявшие христианские ценности стоят перед выбором, находят себя, обретают возможность быть в гармонии с собой и Богом, получают христианскую надежду на спасение. Тем самым Бэй Цунь предпринимает попытку объяснить современным китайцам нормы и ценности христианства через призму своих художественных произведений.

Библиографический список

1. Афонина Л. А. Государственная политика Китайской народной республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг. Москва, 2016. 218 с.
2. Горохов С. А. Христианство в современном Китае // Азия и Африка сегодня. 2014. № 12. С.42-46.
3. Забияко А. А. Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина / А. А. Забияко, Цзюй К. // Религиоведение. 2022. № 1. С. 35-51.
4. Забияко А.П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкратова ; под ред. А. П. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т. 2009. 412 с.
5. Камедина Л. В. «Культурное христианство» – феномен современного Китая // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ : Изд-во Бурятский государственный ун-т Д. Банзарова. 2015. С. 12-19.

6. Камедина Л. В. Библейские сюжеты гохуа и «культурное христианство» Китая // *Духовно-нравственное воспитание*. 2018. № 2. С. 73-80.
7. Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. Москва : Восточная литература, 2002. 446 с.
8. Лукин А. В. Статус Китайской автономной православной церкви и перспективы православия в Китае. Аналитический доклад. Москва : МГИМО. 2013. № 4. С. 23-29.
9. Пелевина О. В. Феномен китаизации христианства в КНР // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Доклады двух международных научно-практических конференций / Под редакцией А. П. Забияко, А. А. Забияко*. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2020. С. 113-118.
10. Фомина М. Н. Китаизация религии как отражение национальной идеи в современном Китае. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2016_Sbornik/2016_Dokladi/2016_sec2_047.pdf. (Дата обращения: 12.03.2022).
11. Чжан Чжиган Размышления о китаизации христианства. URL: http://lcl.cssn.cn/zjx/zjx_zjyj/zjx_jdyyj/201401/t20140121_949583.shtml. (Дата обращения: 12.03.2022).
12. 北村爱能遮掩许多的罪 // 钟山, 1993 (6).
13. 北村我与文学的冲突 // *当代作家评论*, 1995 (4), 66.
14. 北村今时代神圣启示的来临 // *作家*, 1996 (1), 63
15. 北村我和上帝有个约 // 长江文艺出版社, 2006: <https://www.xingyueboke.com/woheshangdiyoungeyue/>. (Дата обращения: 05.04.2022).
16. 北村我有一个梦想 // *剑南文学*, 2007, 15
17. 北村乌托邦抑或桃花源 // <https://www.doc88.com/p-5641524004116.html>
18. 李雄 当代中国基督教文学研究. 山东大学, 2015 –页 20.
19. 周渔的火车 // <https://baike.baidu.com/item/%E5%91%A8%E6%B8%94%E7%9A%84%E7%81%AB%E8%BD%A6/73465?fr=aladdin>. (Дата обращения: 05.04.2022).
20. 唐晓峰 中国基督教田野考察 –北京: 社会科学文献出版社, 2014. – 246 页.
21. 野地里的百合花 // 中国社会科学出版社, 2010.

Reference list

1. Afonina L. A. Gosudarstvennaja politika Kitajskoj narodnoj respubliki v sfere religij v period reform (1978-2015 gg.) = The state policy of the People's Republic of China in the sphere of religions during the reform period (1978-2015). Moskva, 2016. 218 s.
2. Gorohov S. A. Hristianstvo v sovremennom Kitae = Christianity in modern China // *Azija i Afrika segodnja*. 2014. № 12. S. 42-46.
3. Zabijako A. A. Sjuzhet o Nikolae Ugodnike v fol'klornyh tekstah zhitelej Harbina = The plot of Nicholas the Wonderworker in the folklore texts of Harbin residents / A. A. Zabijako, Czjuzj K. // *Religiovedenie*. 2022. № 1. S. 35-51.

4. Zabijako A. P. Russkie i kitajcy: jetnomigracionnye processy na Dal'nem Vostoke = The Russians and Chinese: Ethnic migration processes in the Far East / A. P. Zabijako, R. A. Kobyzov, L. A. Ponkratova ; pod red. A. P. Zabijako. Blagoveshensk : Amurskij gos. un-t. 2009. 412 s.
5. Kamedina L. V. "Kul'turnoe hristianstvo" – fenomen sovremenogo Kitaja = "Cultural Christianity": a phenomenon of modern China // Pravoslavie i diplomatija v stranah Aziatsko-Tihookenskogo regiona. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ulan-Udje : Izd-vo Burjatskij gosudarstvennyj un-t D. Banzarova. 2015. S. 12-19.
6. Kamedina L. V. Biblejskie szjzhety gohua i "kul'turnoe hristianstvo" Kitaja = Guohua Biblical plots and China's "cultural Christianity" // Duhovno-nravstvennoe vospitanie. 2018. № 2. S. 73-80.
7. Lomanov A. V. Hristianstvo i kitajskaja kul'tura = Christianity and Chinese culture. Moskva : Vostochnaja literatura, 2002. 446 s.
8. Lukin A. V. Status Kitajskoj avtonomnoj pravoslavnoj cerkvi i perspektivy pravoslavija v Kitae. Analiticheskij doklad = The status of the Chinese Autonomous Orthodox Church and the prospects of Orthodoxy in China. Analytical report. Moskva : MGIMO. 2013. № 4. S. 23-29.
9. Pelevina O. V. Fenomen kitaizacii hristianstva v KNR = The sinicization of Christianity phenomenon in PRC // Rossija i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaja. Doklady dvuh mezhdunarodnyh nauchno-prakticheskikh konferencij / Pod redakciej A. P. Zabijako, A. A. Zabijako. Blagoveshensk : Izd-vo AmGU, 2020. S.113-118.
10. Fomina M.N. Kitaizacija religii kak otrazhenie nacional'noj idei v sovremenom Kitae = Sinicization of religion as a reflection of the national idea in contemporary China. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2016_Sbornik/2016_Dokladi/2016_sec2_047.pdf. (Data obrashhenija: 12.03.2022).
11. Chzhan Chzhigan Razmyshlenija o kitaizacii hristianstva = Thoughts on the sinicization of Christianity. URL: http://lcl.cssn.cn/zjx/zjx_zjyj/zjx_jdjyj/201401/t20140121_949583.shtml. (Data obrashhenija: 12.03.2022).
12. 北村爱能遮掩许多的罪 // 钟山, 1993 (6).
13. 北村我与文学的冲突 // 当代作家评论, 1995 (4), 66.
14. 北村今时代神圣启示的来临 // 作家, 1996 (1), 63
15. 北村我和上帝有个约 // 长江文艺出版社, 2006: <https://www.xingyueboke.com/woheshangdiyoyueyue/> (Data obrashhenija: 05.04.2022).
16. 北村我有一个梦想 // 剑南文学, 2007, 15
17. 北村乌托邦抑或桃花源 // <https://www.doc88.com/p-5641524004116.html>
18. 李雄 当代中国基督教文学研究. 山东大学, 2015 –页 20.
19. 周渔的火车 // <https://baike.baidu.com/item/%E5%91%A8%E6%B8%94%E7%9A%84%E7%81%AB%E8%BD%A6/73465?fr=aladdin>. (Data obrashhenija: 05.04.2022).

20. 唐晓峰 中国基督教田野考察 –北京: 社会科学文献出版社, 2014. – 246 页.
21. 野地里的百合花 // 中国社会科学出版社, 2010.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования
29.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 01.03.2022; approved after reviewing 29.04.2022;
accepted for publication on 05.05.2022

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «МИР
РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1 900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», 23.00.04 – «Политическая регионалистика. Этнополитика», 10.01.01 – «Русская литература», 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья», 10.02.01 – «Русский язык»; 24.00.01 – «Теория и история культуры»).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название

организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [Карасик, 2002, с. 231] (страницы указываются при цитировании!); [Интерпретационные характеристики ... , 1999, с. 56]; [Шаховский, 2008; Шейгал, 2007]). Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % – приветствуется. Во всех источниках должны быть указаны год выпуска, город и издательство, кол-во страниц.

6. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

7. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой

право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению редакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

---

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The branch of science and the code of the specialty for which the article was written (23.00.02 – “Political problems of international relations, global and regional development”, 23.00.04 – “Political regionalism. Ethnopolitics”, 10.01.01 – “Russian literature”, 10.01.03 – “Literature of the peoples of foreign countries”, 10.02.01 – “Russian language”; 24.00.01 – “Theory and history of culture”).

4.3. Information about the author: Full name of the author (including in transliterated form), contact mobile phone, e-mail; academic degree and title, place of work (full official name of the organization) and position, address of the organization with an index.

4.4. Title of the article in Russian and English.

4.5. Annotation

– must be written in Russian and English;

– should contain a description of the main goals and objectives of the study; in general terms, without going into details, describe the course of the research;

– contain a description of the most significant research results, indicating their importance;

– the annotation should not contain references to literature and special abbreviations; the information contained in the title should not be repeated;

– significant words and phrases from the main text of the article should be used in the text of the abstract;

– the text must comply with all norms and rules of the relevant language and not contain stylistic, grammatical, spelling and punctuation errors;

– the length of each abstract should be between 210 and 250 words.

4.6. Keywords – no less than 7 and no more than 12 (in Russian and English).

4.7. ORCID ID of the author.

4.8. The text of the article.

4.9. Bibliographic list (indicated in alphabetical order).

5. Bibliographic references to sources used must be indicated in the text in square brackets (for example, [Karasik, 2002, p. 231] (pages are indicated when citing!); [Interpretive char-

acteristics ..., 1999, p. 56]; [Shakhovsky, 2008; Sheigal, 2007]). The bibliographic list must be drawn up in accordance with GOST R 7.0.100 2018 "Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of drawing up" with continuous numbering, 14 point size, 1.5 spacing and placed after the text of the article. Each source indicated in the bibliography must have a link in the text. The editors will give priority to articles that meet the following conditions: the number of references must contain at least

25 titles, at least 20 sources over the last 3 years. Links to your work – 10 %. Links to sources in a foreign language – at least 50 % – are welcome. All sources must indicate the year of issue, city and publisher, number of pages.

6. Notes and footnotes in the article are not allowed!

7. Tables, diagrams, diagrams, histograms should be drawn in a contrasting gray scale. GIF format is used for pictures. The editorial board does not improve the quality of the drawings and does not correct any mistakes made in the drawing. Each figure, table, diagram must have a serial number, title and explanation of all symbols. All columns in tables must be titled. If errors are found in the figure, diagram, table, the editors reserve the right to delete the figure and the text related to it. Under the tables and figures, it is necessary to indicate the source from which the figure or table is taken (for example: author, book, magazine, etc.).

8. Units of measurement are given in accordance with the International System of Units (SI).

9. If the article is written on the basis of an experiment, then it must be formatted as follows:

- introduction;
- literature review;
- research methods;
- results and discussion;
- conclusion;
- thanks;

A manuscript intended for publication will be accepted for consideration by the editorial board only if it receives a completed and signed license agreement in two copies by mail (the form is posted on the website).

The volume of the article should be at least 10 pages and not exceed 20 pages of A4 text, typed in accordance with the above requirements.

If the submitted materials do not meet at least one of the above listed requirements, as well as if the article file is infected with a computer virus, the editorial staff will not consider the article for publication.

An article in the journal undergoes peer review and receives a recommendation from two members of the editorial board and is submitted with reviews to the editor of the journal for inclusion in the journal issue, the content of which is approved by the editorial board. The editors reserve the right to send manuscripts of articles for independent examination.

If there are serious comments on the article in the review, the article will be rejected and the author will be recommended to modify the article in accordance with the comments of the reviewer.

The author receives the author's copy of the journal by mail according to

the issued sub-subscription. You can subscribe from one issue of the magazine per year.

An article approved and recommended by the reviewer of the journal can be published within a year.

For a postgraduate student to publish an article without a subscription to the journal, it is necessary to provide the editor of the journal:

- a certificate from the postgraduate study department;
- an extract from the decision of the department or other structural unit on the need to publish the article, certified by the organization;
- review of the scientific advisor to the article, certified by his organization.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2022 – № 2 (12)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 18,5 п. л., 8,39 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 102. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 15.07.2022

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44